

маркетинг

ДЖИЛЛИАН ХАНТЕР

Неди
маскарада

Что делать юной жене тайного агента, если муж постоянно пропадает на опасных заданиях? Плакать? Флиртовать с другими кавалерами? Заняться благотворительностью? Ну, уж нет! Элино́р Боскасл решает тоже послужить Британии, воюющей с Наполеоном. И меньше всего она ждет встречи с Себастьяном... Боскасл пребывает в недоумении: как его наивная супруга сумела превратиться в загадочную, обольстительную незнакомку способную вскружить голову любому мужчине? Отныне он одержим двумя желаниями — понять, что скрывает от него Элино́р, и заново пробудить в ее сердце пламя страсти...

Джиллиан Хантер
Леди маскарада
(Боскасл — 8)

Глава 1

*Белгрейв-сквер, Лондон
Июль 1816 года*

Барон Себастьян Боскасл стоял на пороге своего лондонского особняка на Белгрейв-сквер, не решаясь войти. Его душу раздирали сомнения, а сердце замирало от волнения.

Возвращаясь в Лондон после трех лет разлуки с женой, он прекрасно понимал, что не может рассчитывать на горячий прием. Было бы наивно полагать, что за это время ее чувства к нему не изменились. Он осознавал, что ему нечем гордиться: вряд ли его можно было назвать хорошим мужем.

Да что там греха таить: Себастьян Боскасл отдавал себе отчет в том, что все эти годы вел себя по отношению к жене как самый настоящий мерзавец.

Первые три года семейной жизни Элинор не могла пожаловаться на недостаток внимания мужа. При первой же возможности Себастьян спешил домой, в их семейное гнездышко в Лондоне, где после замужества поселилась Элинор. Однако со временем служебные обязанности все больше отвлекали его от семейных дел. И за последующие три года они ни разу не виделись.

Все эти годы Себастьян не упускал жену из поля зрения, ведя за ней наблюдение через своих людей в Лондоне и узнавая о каждом ее шаге. И, если верить сведениям, добытым с помощью верных людей, прекрасная Элинор не осталась у мужа в долгу и отплатила ему за недостаток внимания. Отомстила самым невероятным способом, какой только можно себе представить.

Он посмотрел на тяжелое медное кольцо на двери. Стоит ли входить без стука? Боже, может быть, нужно поскорее отбросить все сомнения и просто открыть дверь? В конце концов, этот дом принадлежит ему. Здесь обитает его жена, которую все эти шесть лет, миновавшие после их свадьбы, он содержал материально, управляя финансами через своих поверенных в Лондоне.

Сейчас Себастьян пожалел, что не известил Элинор о своем приезде заранее. Однако в глубине души опасался, что, если бы он это сделал, его жена, возможно, успела бы сбежать.

Снимая шляпу, Себастьян вспомнил, как удивленно глазели на него уличные торговцы, когда он подходил к дому. Он заметил, как один из них ткнул своего товарища в бок и они оба переглянулись.

Себастьян решительно направился к входу в дом. Парадная дверь была заперта. Это казалось разумным, если учесть, что город кишмя кишит преступниками.

Он вздохнул и постучал в дверь. Через пару минут, показавшиеся Себастьяну вечностью, за дверью послышались торопливые шаги. Он повернулся и бросил взгляд на улицу за спиной. Ему показалось, что мусорщик замедлил шаг и внимательно за ним наблюдает. Неужели его возвращение домой — такое из ряда вон выходящее событие, которое не может остаться незамеченным даже для случайных прохожих?

Наконец дверь отворил низенький лысеющий дворецкий. Выражение тревоги, промелькнувшее на его невозмутимом лице, сменилось обычным сдержанным почтением, и слуга с поклоном пропустил хозяина в дом.

— Милорд, — проговорил дворецкий. — Я не думал, что...

— Кто там, Уолбрук? — послышался нежный мелодичный голос Элинора. Пройдя в холл, Себастьян увидел аккуратно выстроившиеся в ряд чемоданы и дорожные сумки. Вероятно, жена только что возвратилась из путешествия или, напротив, собиралась куда-то уезжать. Он не был уверен, какое из двух этих предположений верное, однако, когда Элинора вошла в холл, было ясно одно: его появление было для нее, словно гром посреди ясного неба. На лице у Элинора застыло изумление.

Себастьян откашлялся. Он и сам был смущен не меньше жены. Не такого приема он ожидал от горячо любимой супруги. Она не кинулась к мужу на шею с воплем восторга, не обняла, плача от радости. И вообще не рада была видеть мужа после долгой разлуки. Наверное, не могла ему простить того, что он столько лет не приезжал домой. Элинора оставалась такой же красивой и элегантной, как всегда, но при этом была холодна, как прекрасная древнегреческая статуя. И так же неподвижно застыла на месте. В этот момент Себастьян не был уверен, как бы повела себя Элинора, если бы он, поддавшись порыву, как ни в чем не бывало, бросился к ней, обнимая так крепко, чтобы у нее захватило дух. Наверное, тогда ей не оставалось бы ничего другого, как позволить ему сделать это.

— Элинора, — не удержавшись, горячо прошептал Себастьян, прижимаясь к жене, и в тот момент, когда его руки заскользили вниз по ее спине, осознал, что за ними наблюдают. Кроме дворецкого, на них смотрели горничная и еще один слуга — все они стояли на лестничном пролете. Ничего страшного: в конце концов, Себастьян держит в объятиях свою собственную жену, с которой не виделся три года, и они находятся у себя дома. О Господи, неужели это ему не снится? От блаженства Себастьян, на мгновение, закрыв глаза, чувствуя себя на седьмом небе. Элинора не проронила ни звука. Но это не насторожило Себастьяна. Они оба так долго ждали этой встречи. Зачем сейчас слова? К чему вопросы? Для чего ответы? Какая разница, что было до этой минуты? Они теперь вместе, и это главное.

Разве сдержанность в проявлении эмоций не естественна для англичан?

Муж вернулся домой. Жена наконец-то его дождалась. Не стоит выставлять свои чувства напоказ. Они же воспитанные люди, в конце концов.

Все хорошо, что хорошо кончается...

Теперь, когда хозяин дома вернулся домой, все наладится.

А как может быть иначе?

— Ну, вот я и дома, — почему-то объявил Себастьян, словно сдержанность жены объяснялась только тем, что она была ошеломлена его неожиданным приездом.

Похоже, что Элинора, в самом деле, была удивлена. Однако не от того, что слишком долго мечтала об этой встрече, и не от полноты эмоций — она, словно потеряла дар речи. Весь ее вид словно бы говорил: «О Господи Боже, помоги! Этот негодяй и в самом деле, как ни в чем не бывало, заявился домой! И что прикажешь теперь с ним делать?» В общем, изумление Элинора было скорее похоже на потрясение женщины, которая давно свыклась с мыслью об одиночестве.

Старая шотландская борзая посмотрела на Себастьяна, а затем подняла морду, вверх и жалобно завывала, словно увидела призрак. Даже служанка Элинора, Мэри Стерджем, которая на протяжении многих лет верой и правдой служила в их доме, войдя в холл, приветствовала Себастьяна без обычного радушия. Словно с трудом скрывала досаду. Вообще, стоило ему переступить порог дома, у него появилось ощущение, что его присутствие всем здесь было в тягость.

Вряд ли кто-то здесь по нему соскучился.

Разве что его собака...

Впрочем, если вспомнить его прошлые посещения, не было ничего удивительного в том, что жена и немногочисленные домочадцы не рассчитывали на то, что хозяин дома надолго задержится в Белгрейве. Честно говоря, Себастьян в общей сложности провел больше времени во Франции, чем в Лондоне.

— Себастьян, — натянуто улыбаясь, проговорила Элиноор. — Я понятия не имела, что ты приехал. Вот чудеса!

— Надо было написать тебе.

— Хм... Ну да. — От убийственной легкости, с которой согласилась с этим Элиноор, у Себастьяна засосало под ложечкой.

— Извини, мне не пришло в голову... — Он вспомнил, что их окружают слуги, и выпустил жену из объятий. Только в этот момент он заметил, что она одета по-дорожному.

— Ты куда-то собираешься? — нахмурившись, спросил он, оглядывая вереницу чемоданов на полу.

Внезапно в голову ему пришла странная и нелепая мысль. А что, если Элиноор и впрямь знала о его приезде? Что, если она замыслила побег? Ну, уж нет! Так просто он ее не отпустит. Она должна дать ему возможность реабилитировать себя.

Бледные щеки Элиноор покрылись румянцем.

— Да, ты прав...

Тогда Себастьян поцеловал ее.

Он не хотел ничего слышать о ее отъезде. Ничего не хотел знать о том, что опоздал. Себастьян обнимал Элиноор, не давая ей уйти. Ее ответный поцелуй был холоден, как осенний английский дождь, но блеск в глазах жены подсказал ему, что она не забыла о той страсти, которую они когда-то испытывали друг к другу.

Это мгновение было слишком коротким. Но было так сладостно чувствовать, как тело Элиноор у него в объятиях становилось все более теплым и податливым.

Наконец Себастьян ее отпустил. Элиноор медленно убрала руки с его талии. А затем опустила голову. Что смутило ее — их поцелуй или то, как она на него ответила?

— Я уезжаю на две недели, — сказала она после паузы, которая могла показаться неловкой.

— Куда же, интересно? — грустно спросил он.

— В Брайтон. С герцогиней и ее мальчиками, — деловито пояснила она с завидной уверенностью, быстро придя в себя после поцелуя. — Герцогиня считает, что морской воздух будет им полезен.

— Зато для меня — вреден, — не думая брякнул он.

— Что, извини?

Себастьян рассмеялся. Его не заботило, что слуги их слышат. Ему все равно.

— Я хотел сказать, что ты уезжаешь из дома как раз в тот момент, когда я вернулся. И это меня огорчает.

Себастьян ожидал, что Элиноор предложит ему поехать с ней вместе. Но вместо этого она покачала головой и сказала:

— Ну, сам понимаешь: я не могу разочаровать герцогиню. Собираешься остановиться здесь, пока меня не будет?

— Нет. — Себастьян окинул взглядом слуг, которые стояли в холле, выстроившись в ряд, как оловянные солдатики. — У меня другие планы. — Заметив, как Элиноор вздохнула с

облегчением, Себастьян счел своим долгом добавить: — По крайней мере, на сегодняшний момент.

— Значит, как я полагаю, мы увидимся...

— Когда ты вернешься из Брайтона, — твердым тоном заявил Себастьян. — Тебе необходимо ехать прямо сейчас?

Элинор посмотрела на дверь.

— Мистер Ловридж прибудет с минуты на минуту.

— Кто это? — насторожившись, спросил Себастьян.

— Секретарь герцогини, — ответила жена.

— Ах да. Ловридж... Слышал это имя.

Затем оба замолчали. Через несколько минут на глазах у Себастьяна его жену увели и посадили в дорожный экипаж герцогини Веллингтон.

Какая ирония судьбы... Три года назад Элинор провожала его в дорогу, стоя на том же самом месте, где он сейчас. Тогда его причины для отъезда казались неубедительными. А теперь они с женой словно поменялись ролями. Ей мало было известно о его работе. Только то, что за пять лет до этого по личной просьбе герцога Веллингтона по окончании военной кампании на Пиренейском полуострове Себастьяна отправили в отставку.

Жена, а также прислуга в доме считали, что он служил в каком-то секретном подразделении.

А Себастьян не счел нужным разуверять их в этом, выводя из столь лестного для него заблуждения.

На самом деле суровая реальность была такова: после того как в Испании Себастьяна ранили, к его физическим страданиям прибавились моральные, потому что он удостоился сомнительной чести готовить тайные заговоры повстанцев в стратегически важных французских портах. Пока доблестные солдаты его полка, как настоящие герои, проливали кровь под Ватерлоо, Себастьян, командированный в таверны Гавра или Онфлера с тайной миссией, занимался перехватом записок, которыми обменивались барменши и похотливые посетители и которые очень редко имели хоть какую-то важность.

Начальство Себастьяна решило, что таким образом делает доброе дело, прибегая к святой лжи. Ведь он больше не годился для боевых операций. Возможно, винтовку еще поднимет и даже выстрелит из нее пару раз. Однако не было никаких гарантий, что он выздоровел настолько, что сможет четко разобраться, в кого стрелять, и не будет по ошибке палить в своих. На передовой такое не прощается, и вообще на офицере лежит слишком большая ответственность. Однако он может быть полезен отечеству на другом поприще. Он может сделать то, что от него требуется, а потом незаметно исчезнуть.

Себастьян перевозил деньги и ловил военных преступников. И даже подкупал нужных людей.

Иногда он участвовал в разжигании мятежей. Как выяснилось, у него был настоящий талант поднимать бузу — он достался ему от Боскаслов. Согласно полученной инструкции, сделав дело, агент должен был исчезнуть.

В общем, цена, которую Себастьяну пришлось заплатить за то, чтобы вернуть себе чувство собственного достоинства, была слишком велика, и он не собирался открывать жене свои карты. Это не слишком красило его.

Элинор удручало, что муж ей не доверял, не посвящал ее в свои тайны, хотя и не давал серьезных поводов для упреков.

Однако Себастьян и представить не мог, что у его жены, временно предоставленной самой себе, начнется собственная тайная жизнь. И что, вернувшись домой после долгого отсутствия, он застанет дома не простодушную английскую барышню, которая страстно шептала ему в день свадьбы, что не может без него жить. Нет, эта женщина не только смогла без него обходиться, но, кажется, делала это с превеликим удовольствием.

Откуда было ему знать, что за время его отсутствия жена станет доверенным лицом герцогини Веллингтон?

Себастьян вернулся с твердым намерением снова стать для Элинор тем самым человеком, за которого она когда-то выходила замуж. Тем, кого она, как ей казалось тогда, знала и любила. Однако было очевидно, что его жена заполнила образовавшуюся после отъезда мужа пустоту своими собственными причудами.

Какая коварная месть!

Себастьяну хотелось, чтобы Элинор по нему соскучилась. Чтобы она простила ему все, чтобы, в конце концов, они снова стали счастливой семейной парой. А вместо этого они словно соревнуются друг с другом — кто без кого лучше проживет.

Себастьян, задумавшись, стоял на ступеньках дома и глядел вслед экипажу, который увозил его жену. Что же теперь ему делать? Как повлиять на Элинор, как ее вернуть? Как безумный, сломя голову с криком побежать за экипажем, умоляя, чтобы она вернулась?

Наконец Себастьян оглянулся по сторонам. На углу стояли уличные торговцы и с интересом наблюдали за ним.

— Убирайтесь отсюда, — сердито бросил он, направляясь к двери.

В Испании, когда Себастьян еще был армейским офицером, ухаживающим за дочерью военного хирурга, он подходил к вопросу покорения невесты со всей серьезностью, отдаваясь этому со всем молодым пылом страстной натуры. В любви он был таким же доблестным, каким привык быть в бою.

Но каким, же он был глупцом, когда вообразил, что покорил Элинор раз и навсегда, когда вбил себе в голову, что эта женщина отдала ему свое сердце навеки!

А это значит — нужно начинать все с начала. Он должен сделать все, чтобы Элинор поверила ему, особенно в то, что он больше никогда не исчезнет из ее жизни, как это много раз случалось раньше.

Как когда-то Себастьян отчаянно рвался в бой, сейчас он был готов сражаться за любовь Элинор. Он снова покорит ее сердце.

Себастьян докажет ей, что он хороший муж.

Лондон

Октябрь 1816 года

Голос Элинор прервал размышления Себастьяна.

— Да ты же меня не слушаешь. Ты думаешь о другом, — шепнула она и надула губы. — Бьюсь об заклад, ты не запомнил ни слова из того, о чем я говорила.

— Вовсе нет. Тебе показалось, — солгал Себастьян и посмотрел на ее губы. Он и в самом деле не слушал Элинор. Ему не хотелось сейчас ни вести разговоры, ни танцевать.

За эти несколько месяцев, миновавшие со времени его возвращения, Себастьян почти не прикасался к жене, и к этому моменту его напряжение достигло предела. Он весь был как натянутая тетива лука и мог думать только об одном: как заманить в постель собственную супругу.

Себастьян пытался быть обходительным, вежливым и предупредительным. Во время разговора он искусно притворялся заинтересованным. Наклонив голову набок, он и сейчас сделал вид, что с нетерпением ждет, что еще скажет Элинор, словно от этого зависит его жизнь.

Касаясь Элинор во время танца, Себастьян думал о том, какая у нее нежная кожа, какое теплое, соблазнительное тело. Среди мерзостей и жестокостей войны мысль о том, что его ждет прелестная жена, придавала Себастьяну сил и согревала душу. Как часто он мечтал о том, как в один прекрасный день вернется к Элинор! Может быть, рассказать ей об этом?

— Я внимательно тебя слушаю, дорогая, — мрачно усмехаясь, сказал он. — Не волнуйся. Все это цветочки по сравнению с тем, что довелось повидать мне.

— Может быть, расскажешь мне что-нибудь об этом?

— Нет, — твердым тоном заявил Себастьян. Он не собирался посвящать жену в нелюбимые подробности своей прошлой жизни. Если Элинор когда-либо узнает о том, какие постыдные задания ему приходилось выполнять подолгу службы, она, скорее всего, тут же бросит его.

— Но почему ты не хочешь, ни во что меня посвящать? — недоумевала Элинор.

— Мне кажется, немного загадочности усиливает притягательность мужчины, — уклончиво ответил Себастьян, отдавая себе отчет в том, как нелепо звучит в его устах эта отговорка, которая, уж конечно, не делает ему чести.

Лицо Элинор оставалось спокойным и непроницаемым. И только легкая улыбка тронула ее губы. Улыбка Элинор была самой очаровательной из всех, которые он когда-либо видел. Если не принимать в расчет того, что она разрывала Себастьяну сердце.

— Ну что ж, пожалуй, ты прав, — согласилась она. — Однако все хорошо в меру. А вы, о мой призрачный рыцарь, сплошная тайна. Вы опять и опять от меня ускользаете.

— Я решил положить этому конец, — заметил Себастьян. — И не собираюсь снова превращаться в вечно отсутствующего супруга.

— Вы уверены, что точно хотите быть мне хорошим мужем, а не надменным стражем?

— По-моему, тебе нужно и то и другое. — Говоря так, Себастьян не шутил. Элинор даже представить не могла, насколько он полон решимости снова завоевать супругу.

Лицо его жены вспыхнуло, и ее глаза заблестели.

— Мне и самой удавалось прекрасно со всем справляться.

— Хорошо тебе удавалось только одно: постоянно попадать в переделки.

— Это ты о том, что я снова оказалась в твоих объятиях?

Себастьян рассмеялся и крепче прижал к себе Элино́р.

— Может быть, вам удавалось ускользать от самых лучших детективов Лондона, мадам, но от меня вам улизнуть не удастся.

Элино́р поправила орденскую ленточку на груди у мужа.

— Себастьян, я все эти годы сидела на одном месте, — грустно проговорила она, и от этого тона он почувствовал угрызения совести и сладкое томление. — Меня было очень просто найти. Если бы только ты захотел.

В горле у Себастьяна встал комок. Элино́р за словом в карман не полезет. Ее слова задела его за живое.

— Уилл здесь? — спросила Элино́р.

Себастьян стиснул зубы и окинул взглядом соблазнительное тело жены. У нее прекрасная фигура. Этого не отнимешь. А вот язык у этой женщины всегда был острый, как клинок из толедской стали. Метким словцом она могла поразить кого угодно. Что касается ее сердца, то Элино́р хранит его за семью замками. Наверное, придется пересмотреть стратегию завоевания и попробовать пустить в ход нестандартные методы.

Себастьян окинул взглядом бальный зал и посмотрел на молодого человека в костюме Арлекина, стоящего в одиночестве у мраморного камина. Супруга раздирали сомнения. А что, если Уилл, кузен Элино́р, разделял тягу молодой женщины к приключениям? И всячески подстрекал ее на любовные авантюры? Или это был не Уилл, а кто-то другой? Как бы то ни было, роман его жены — если он существует в реальности, а не в его воображении, — нельзя пускать на самотек. Себастьяну придется показать, кто здесь главный, и заявить права на свою супругу. Ей нужна твердая рука.

Внезапно музыка стихла, и зал наполнился смехом и разговорами. Себастьян с неохотой выпустил Элино́р из своих объятий. Он не спускал с нее глаз и следил за каждым ее движением. От его внимания не ускользнуло, что она избегает смотреть в ту сторону, где стоял ее кузен Уилл. Себастьян отметил про себя, что за время его отсутствия его жена великолепно научилась владеть собой, и ее выражение лица было таким бесстрастным, что по нему нельзя было догадаться о ее чувствах.

Неужели все женщины рано или поздно привыкают к жизни в одиночестве и нет никакого исключения из правил? В конце концов, все они приспособляются и начинают получать удовольствие от нового образа жизни — без мужчины? Себастьян со смешанным чувством осознавал, как изменилась его жена за годы разлуки. Хотя чему тут, собственно, удивляться? Было бы наивно полагать, что, несмотря ни на что, Элино́р останется такой же простодушной девушкой, на которой Себастьян когда-то женился. Однако то, что их безумная любовь приведет в итоге к такой щекотливой ситуации, Себастьян не мог представить даже в самом страшном сне.

Как, скажите на милость, мужчина может вернуть доверие собственной жены, если за это время скромная и добродетельная хранительница семейного очага успела превратиться в прожигательницу жизни?

«Самое главное — не паниковать, — размышлял про себя Себастьян. — Все еще можно исправить».

Глядя на мужа снисходительно, Элино́р дружески пожала его руку:

— Не беспокойтесь, милорд. Я целиком несу ответственность за свою жизнь. Считайте, что таковы все женщины и что все дело в наших капризах. Как бы то ни было, герцогиня найдет способ, как наилучшим образом вывезти меня из страны.

— Но зачем тебе это?

— Себастьян, я полностью контролирую ситуацию.

— Раз тебе угодно так считать, дорогая, я не стану тебя разочаровывать. Тем более сейчас, когда на нас смотрят люди. Выходит, в этой жизни каждый сам за себя. Даже те, которые прикрываются любовью ко всему человечеству.

Себастьян ждал, что на это скажет Элинор. В его высказывании легко было узреть попытку задеть чужое самолюбие, и кое-кто мог расценить его даже как оскорбление.

Однако Элинор смотрела на мужа с любопытством. И продолжала сохранять невозмутимость. Себастьян понял, что его слова не произвели на нее ровным счетом никакого впечатления. А затем она едва слышно вздохнула.

Возможно, это был вздох раздражения.

Но он вполне мог оказаться и вздохом томления, и это заставило сердце Себастьяна забиться сильнее. Его кровь забурлила от желания.

Как бы там ни было, еще не все потеряно.

У него еще есть возможность все исправить — Себастьян понял это.

Несмотря на стену холодности, которой Элинор окружила себя, общаясь с мужем, который по воле судьбы забросил ее, их объединяют брачные обеты, которые они дали друг другу перед алтарем. Себастьян понимал, что рано или поздно, в один прекрасный день сердце жены дрогнет, отчуждение между ними рухнет. И уж тогда-то Себастьян не упустит свой шанс.

— Этот танец мой, — сказал он тоном, не терпящим возражений.

— Как скажешь, Себастьян.

Понимая, что настает важный для него момент, он кивнул. Сегодня ему во что бы то ни стало нужно произвести на свою супругу хорошее впечатление. Ему понадобится прибегнуть ко всяческим уловкам и хитростям ради достижения собственных целей. И это не пустое бахвальство. Скоро Элинор узнает цену настоящему мастеру своего дела, который поднатерел в проведении секретных операций. Даже если речь идет о таких пустяках, как старые любовные письма, способные растрогать до слез и до боли щемящие.

В тот момент, когда Себастьян окончательно убедил себя в том, что его намерения непременно увенчаются успехом, он с раздражением увидел, как дорогу ему перегородил осанистый молодой человек в черном кудрявом парике, одетый в панталоны, доходящие до колена, — как носил когда-то король Карл Второй. Себастьян мог бы не обращать внимания на этого раздражающего его своим внешним видом молодого человека и готов был оттолкнуть его с таким же пылом, с каким этот юноша преподносил себя. Этот нахал являл собой разительный контраст с Нелл Гвин — скромной и незаметной девушкой.

Себастьян молча смотрел, как Элинор замедлила шаг, чтобы обменяться с этими молодыми людьми парой вежливых фраз. Он не вмешивался в их беседу. Разве его жене нужна помощь? Судя по всему, Элинор чувствует себя в светском обществе словно рыба в воде. Похоже, что игра у нее в крови. Эта женщина держится так естественно и непринужденно, болтая ни о чем с этой парочкой из высшего света, с которой они вряд ли когда-нибудь еще увидятся.

— Дорогая, — заметил Себастьян таким тоном, словно намеревался слегка пожурить

жену.

— Дорогой, — ослепительно улыбаясь, ответила ему супруга таким уверенным тоном, словно нисколько не сомневалась в том, что сумела бы выйти целой и невредимой, даже если бы случился вселенский пожар. — Ты помнишь майора Дунстана и его жену?

Ах, теперь ясно, почему это лицо мне показалось таким знакомым. — Себастьян замолчал и еще раз бросил взгляд на людей, которых на самом деле он совершенно не помнил: словно видел их впервые в жизни. Впрочем, это давно его не удивляло: в отличие от многих провалы в памяти, которые порой случались с ним после контузии, не пугали его и не смущали, а, напротив, иногда даже казались благом. — Разве можно забыть старых друзей или того, с кем...

— ...подружился во время путешествия, — с готовностью подсказала Элино́р. — Майор скрасил наше пребывание в Бате своими остроумными анекдотами и веселыми шутками.

При всей благодарности, которую он испытывал к жене за то, что она вовремя пришла ему на выручку, ему претила сама мысль о том, что Элино́р прекрасно понимает его трудности и всегда готова подставить ему плечо. Себастьян не желал выглядеть перед ней беспомощным, что, по его мнению, не возвышало его в глазах супруги. Ему самому хотелось быть ее спасителем. Только так все должно быть, черт возьми!

— Мы очень рады, что вы вернулись домой и что так хорошо выглядите, — сказала жена майора, пристально глядя на Себастьяна.

Тот вежливо поклонился, глядя на ее густо припудренную шею.

— А я рад видеть, что вы... — он старался подыскать подходящие для комплимента слова, — так прекрасны, что достойны быть спутницей самого короля.

Женщина просияла:

— Благодарю вас.

Элино́р улыбнулась и сказала:

— Майор и его супруга часто в письмах задавали мне вопрос, когда ты приедешь.

— Как это любезно с их стороны, — заметил Себастьян.

— Когда джентльмен все время в отъезде, как же ему произвести на свет наследника? — игриво подмигнув Себастьяну, заявил майор.

— С этим не поспоришь, — согласился тот, покосившись на жену. Он заметил, что после слов майора Элино́р опечалилась и опустила глаза.

— Так чем вы здесь занимаетесь, милорд? — заинтересованно спросил майор.

Элино́р отвечала ему какой-то заученной фразой, а Себастьян качал головой. Осанистый майор прав: и в самом деле, что он тут делает?

Всякий, кто живет в Англии, знает, что Себастьян, не щадя жизни, сражался в Королевской британской пехоте под командованием Веллингтона, пока полученные в бою ранения не вынудили его служить отечеству, занимаясь более спокойными делами. Ни для кого не секрет, что Себастьян, будучи одним из столпов высшего общества, вернулся домой для выполнения другой возложенной на него важной миссии — зачать наследника. Это естественно на первый взгляд...

Разумеется, никогда нельзя судить о чем-то по первому впечатлению. Однако у Себастьяна и в мыслях не было отлынивать от выполнения супружеского долга.

Однако была одна вещь, которая и в голову не могла прийти тому, кто смотрел со стороны на союз Себастьяна и Элино́р. Если бы об этом стало известно в обществе, это стало бы настоящим потрясением для окружающих.

Да что там говорить: даже тот факт, что Себастьян теперь работает на агентов по внутренним делам герцога, не идет ни в какое сравнение с той тайной, которая тщательно скрывалась от постороннего взгляда.

Скажите на милость, разве пришло бы кому-то в голову предположить, что Себастьян и его молодая очаровательная супруга стали конкурентами в ожесточенной схватке личных интриг? Что, пока супруг работал, выполняя тайные задания герцога в отдаленных французских портах, его дражайшая половина зарабатывала себе дурную славу в истории Лондона? И узнай кто-нибудь этот секрет, вряд ли это им когда-нибудь забудут и простят.

Дело было в том, что прекрасная Элинор была разведчицей герцогини, и была у нее на хорошем счету.

Его жена — шпионка? Представив это, Себастьян не мог удержаться от улыбки.

В своей нелегкой работе Элинор пускала в ход все, что угодно, только не показные эмоции и эффектные широкие жесты. Действуя по поручению герцогини и от ее имени, она защищала святая святых семьи — супружескую верность, держа оборону по всем фронтам. Причем война эта велась не в чужих краях, а на своей земле — в роскошных английских будуарах.

Как же, черт возьми, это могло случиться?

Каким образом за годы их разлуки Элинор удалось превратиться в человека, который шокировал весь Лондон?

Что касается Себастьяна, о «подвигах» жены он узнал только благодаря тому, что сам служил в британской разведке.

Из сведений, которые ему удалось раздобыть, явствовало, что герцогиня Веллингтон — забытая мужем жена — взяла Элинор под свое крылышко. Оба супруга — герцог и герцогиня — относились с огромным уважением к отцу Элинор, который в свое время был выдающимся военным хирургом и много лет с беззаветной преданностью служил отечеству.

Несомненно, уважение к былым заслугам доктора Прескотта со временем перешло на его дочь, Элинор, которая и сама проявляла незаурядный ум и блестящие способности.

Как этим двум дамам — герцогине и Элинор — в конце концов, удалось спеться и сообща разработать этот хитроумный план, до сих пор оставалось для Себастьяна загадкой.

Должно быть, эта мысль впервые пришла женщинам за чашкой чаю. Если так, то, скорее всего это был не простой чай. Вероятно, что кто-то, как это нередко бывает, щедрой рукой плеснул в заварочный чайник шерри. Судя по всему, без изрядной доли этого напитка тут не обошлось. Себастьян живо представил эту картину. Две дамы сидят за столом и пьют чай, что-то оживленно обсуждая. С каждым новым глотком глаза у женщин блестят все сильнее, а детали их совместного плана становятся все рискованнее и экстравагантнее, пока, наконец, одна из них не убеждает другую в том, что у их совместного детища, несомненно, есть достоинства.

Как понял Себастьян, заговорщицы задались целью разыскать двенадцать писем, написанных некоей дамой и разосланных двенадцати женщинам в разных концах Англии. Эта сумасбродка утверждала, что была изгнана из высшего света, потому что стала любовницей герцога. Ее звали леди Виола Хатчинсон, и она проживала сейчас не то в Бельгии, не то в Ирландии. Эту затаившую обиду сочинительницу некоторое время никто не видел. Но очевидно, угроза того, что содержание этих писем будет предано огласке, подтолкнула герцогиню к решительным действиям.

Веллингтону было абсолютно все равно, что о нем говорят. Он увенчал свое имя славой,

блестяще завершив войну, и в настоящее время в Париже производил раздел послевоенных земель между победителями, словно это были куски аппетитного рождественского пирога. Для умудренного жизненным опытом герцога было не в диковинку слышать в адрес своей персоны обвинения в нарушении супружеской верности. В связи с этим его имя даже фигурировало в одной судебной тяжбе.

Когда Себастьян рассказал герцогу Веллингтону о том, что узнал, тот рывкнул в ответ, что ему все равно — пусть даже злосчастные письма будут опубликованы. Кому интересны рассказы отвергнутой любовницы? Пусть упрекает его сколько душе угодно. Стрелы обвинений, как и прежде, будут отскакивать от герцога Веллингтона, не задевая его и не достигая цели. Он неуязвим. В этом он не сомневался.

Однако у его жены, герцогини Веллингтон, было на этот счет другое мнение. Она бы с превеликим удовольствием высказала его супругу, если бы тот соизволил ее выслушать. Эти письма задевали ее чувство собственного достоинства. А ведь герцогине нужно думать о том, чтобы ее дети с гордостью носили фамилию отца. Ее долг — позаботиться об их будущей репутации. Почему дети должны вырасти с мыслью о том, что их родной отец совершил прелюбодеяние? Не слишком ли тяжелой ношей для хрупких плеч будут обвинения в супружеской измене, которую приписывают их отцу?

Поэтому, как всякая любящая мать, заботящаяся о благе детей, а не просто движимая ревностью супруга солдата, герцогиня проявляла крайнюю заинтересованность в этом вопросе и поручила своей верной подруге, леди Боскасл, помочь ей изъять скандальные послания.

Узнав о том, что затевается, Себастьян поспешил как можно скорее вмешаться. Он искренне искал любой подходящий предлог для возвращения домой. Хотя в их с женой отношениях давно возникла отчужденность, Элино́р по-прежнему была дорога Себастьяну. Он не мог допустить, чтобы любимая супруга была замешана в какой-либо интриге. Даже если речь шла об этом расследовании, мысль о котором пришла этим двум дамам за чашкой чая. Пока Себастьян не вернулся в Лондон, он толком не осознавал, какой опасности подвергалась Элино́р. И на самом деле он беззастенчиво лгал, сказав, что это руководство поручило ему контролировать ее дела.

Однако неожиданно для себя вместо того, чтобы остановить жену, Себастьян сам оказался вовлечен в ее сомнительную интригу. В течение последних нескольких месяцев он делал все возможное, чтобы произвести впечатление на свою супругу. Даже однажды выпрыгнул из окна в стоящий внизу экипаж. Когда он, крадучись, шел за Элино́р по темным сумрачным закоулкам, полиция неотступно следила за ним.

Получилось так, что, вместо того чтобы убедить жену оставить идиотскую затею, Себастьян сам пошел у нее на поводу. Поддавшись на ее уговоры, он стал помогать Элино́р осуществлять план.

И при этом эта женщина держала его на расстоянии, и близко не подпуская к себе. О, коварная соблазнительница! Ничего, рано или поздно она все равно окажется в его объятиях.

Себастьян нахмурился. Нелл Гвин ткнула его локтем в бок, отвлекая от грез об Элино́р.

— Ваша супруга его не боится, милорд? — тихо спросила она.

Себастьян недоуменно заморгал. Он потерял нить разговора и не сразу понял, о ком идет речь.

— Кого? — спросил он.

— Ты знаешь кого, — лукаво проговорила Элино́р. — Одного известного светского

повесу, побывавшего, кажется, почти во всех постелях лондонских спален.

В разговор вмешался Дунстан:

— Милорд, как вы смотрите на то, чтобы мы объединили наши усилия? Употребив наше влияние, мы поймем этого неуловимого Мейфэрского незнакомца и бросим в Тауэр.

Элино́р округлила глаза. Судя по ее лицу, она не на шутку встревожилась.

— Ах, Боже мой! Неужели он и впрямь может скрываться сейчас где-то здесь? — Она посмотрела по сторонам. — Выдумаете, это один из гостей, которые пришли на маскарад?

Элино́р перевела взгляд на Себастьяна, словно инстинктивно искала у него поддержки. И, несмотря на то что из своего опыта Себастьян знал, что женская беспомощность и взывание к мужскому началу чаще всего оказывались игрой, он в очередной раз попался на эту уловку. Его мужское естество в очередной раз с готовностью откликнулось на этот призыв. Жизненным девизом Себастьяна всегда было брать то, что предлагают, а потом просить за это прощения. По части принципа «сначала бери, а потом извиняйся» у Себастьяна имелся солидный опыт, касавшийся не только семейной жизни, но и его отношений с женщинами вне брака.

— А может быть, нам уже пора домой? — предложила Элино́р. — Я и представить себе не могла, что у этого человека хватит дерзости появиться на маскараде. Как только я услышала о Мейфэрском незнакомце, у меня просто ноги подкосились.

— Не волнуйся. В случае необходимости я всегда успею тебя спасти, — галантно заметил Себастьян.

Элино́р усмехнулась и подхватила его игру:

— Как хорошо, что рядом есть плечо, на которое можно опереться, милый!

— Я готов на все, лишь бы защитить мое сокровище от этого нарушителя спокойствия, — ответил Себастьян.

— На вашем месте я бы ничего не боялась, леди Боскасл, — заметила Нелл Гвин, исподтишка бросив на Себастьяна оценивающий взгляд. — У проходимца не хватит духу бросить вызов вашему дражайшему супругу. Его милость не даст вас в обиду.

— Думаю, не стоит недооценивать этого человека, — с горькой усмешкой сказал Себастьян.

— Разве вы знакомы с ним настолько близко, милорд?

— Не слишком, но...

— Мой супруг знаком с ним не больше, чем любой джентльмен в лондонском свете, — поспешила вмешаться Элино́р. — И восхищается им точно так же, как и я.

Себастьян посмотрел на жену с благодарностью.

— Мое восхищение отвагой этого человека поистине безгранично. Оно так же велико, как и мое желание, чтобы он побыстрее покинул Лондон. Прежде чем нанесет еще один удар. Как бы я хотел встретиться с ним где-нибудь в темном закоулке и поговорить с глазу на глаз! Думаю, тогда бы мне удалось убедить его оставить сомнительные авантюры.

— Боюсь, для этого вам пришлось бы призвать на помощь свой дар убеждения, — заметил майор.

— У его милости в таких делах большой талант, — заметила Элино́р. — Ручаюсь головой за свои слова.

— Вижу, вы готовы петь дифирамбы своему супругу, — с коварным видом улыбнулась Нелл. — Не могу взять в толк, отчего мы так долго ждали вашего воссоединения?

Майор Дунстан осадил жену, бросив на нее недовольный взгляд:

— Уймись, дорогая. Разве ты не слышала, что его милость только что вернулся из Франции?

Себастьян принялся разглядывать полку над камином, а затем перевел взгляд на жену. Майор Дунстан сделал вид, что поправляет костюм средневекового рыцаря, в который был облачен.

Себастьян откашлялся и с мрачным видом посмотрел на Элинор:

— Принести тебе плащ, дорогая?

— Я не замерзла, — сказала она. — А вы не озябли, милорд?

— Немного. Хотелось бы согреться.

— Тогда советую вам подойти поближе к огню, — предложила Элинор.

— Но кто же, в таком случае, вас защитит? — спокойно спросил Себастьян.

— Может быть, исполненный благих намерений майор? — предположила Элинор.

Себастьян пропустил слова жены мимо ушей, зная, что она его поддразнивает. Вмешательство мужа в работу, которую поручила ей герцогиня, не помогло супругам достичь взаимопонимания.

— Хочешь выпить чашку горячего чая? — заботливо поинтересовалась Элинор.

— Только если это означает, что ты предлагаешь нам пойти домой и вместе сесть за стол.

Элинор повернулась к выходу. Пора уходить.

Себастьян направился следом за женой. Неожиданно на пути у него выросла Нелл Гвин.

— Как вы думаете, что на самом деле нужно Мейфэрскому незнакомцу? — Похоже, она не могла выбросить его из головы.

— Бог его знает... — Эти бесконечные разговоры об одном и том же ужасно раздражали Себастьяна. Чтобы ненароком не вспылить, он даже начал считать про себя.

— А знаете, вы подходите под его описание, — неожиданно сказала Нелл Гвин, подходя к Себастьяну вплотную и глядя на него с нескрываемым подозрением.

— Серьезно? Не может быть! — Он старался держать себя в руках.

— О да. Насколько я помню... Какой у вас рост, разрешите спросить?

— Четыре фута.

— Скажете тоже, — хихикнула она. — На карлика вы не похожи.

— Миссис Дунстан, — укоризненно проговорил он, — неужели такая здравомыслящая женщина, как вы, находит в проделках этого человека проявления героизма?

— Нельзя не чувствовать симпатии к этому возмутителю спокойствия.

— Одно могу сказать: если лондонские дамы не выходят на улицу после наступления ночи, то это только потому, что они втайне надеются, что в этот вечер к ним зайвится таинственный посетитель. Ах, как бы я сама хотела, чтобы он прокрался в мою спальню, милорд! Уж я бы дала ему то, что он ищет...

— Мадам... — Себастьян приложил руку к сердцу, изображая, что растроган столь откровенным признанием. Однако по-настоящему его занимало лишь одно: куда пропала Элинор?

— Что, ускользнула от вас ваша милая кошечка? — спросил майор Дунстан, разглядев в толпе удаляющуюся фигуру его жены.

В этот момент послышался оглушительный треск, и из камина вырвались красно-золотые языки пламени. Затем оттуда повалил густой дым, который поднимался к потолку, словно черный демон, вырвавшийся на свободу.

Нелл Гвин завизжала и с таким мастерством инсценировала обморок, что Себастьяну не оставалось ничего другого, как подхватить бедняжку на руки. Он сожалел, что не успел вовремя улизнуть. Как только Нелл смогла стоять на ногах, он поручил ее партнеру по танцам, который стоял рядом — белый как мел.

У Себастьяна появился соблазн заверить ошеломленных гостей, что никакой опасности нет и что это был всего-навсего пиротехнический эффект, каким бы удивительным ни казалось это объяснение. Он в свое время устраивал подобные в пустых бочонках от бренди, когда прятался на борту французских кораблей и ему нужно было на какое-то время отвлечь внимание команды, чтобы, воспользовавшись моментом всеобщей суматохи, незаметно покинуть корабль, прыгнув за борт.

Однако не пристало ему бестолково тратить время, восхищаясь дешевым трюком.

Когда дым рассеялся, Себастьян понял, что Элинор не упустила возможности незаметно скрыться. Чего и следовало ожидать.

Нашла коса на камень. Этот камешек оказался крепким. Стало быть, придется запастись терпением.

Себастьян прошел через зал, где на импровизированной сцене в углу сидел оркестр. Музыканты оглушительно громко заиграли патриотический гимн «Правь, Британия, морями». Ну вот, он опять упустил свой шанс. Жена обвела его вокруг пальца. Элинор ускользнула, чтобы обыскать спальню леди Троттен и, добыв очередное письмо, пополнить свою коллекцию. Он сам когда-то, пытаясь произвести на нее впечатление, раскрыл ей некоторые из профессиональных секретов. Не следовало этого делать.

По правде говоря, его абсолютно не волновала эти «письма», в которых говорилось о любовной интрижке, которой, возможно, и не было на самом деле. Будь его воля, Себастьян бы лучше поразил жену своими талантами в постели, чем способностью взрывать маленькие бомбочки. Он твердо вознамерился наверстать упущенное за шесть лет — как муж и как любовник.

Однако он не был до конца уверен, удастся ли ему убедить Элинор, что он заслужил это право.

Себастьян хотел опередить жену и найти письмо первым. Наверняка Элинор вышла из парадного подъезда и при этом столкнулась с толпой. Проявив дальновидность, он покинул бальный зал через маленькую дверь, расположенную за сценой, где играли музыканты. Он решил начать именно с этого места, потому что считал, что так будет легче отыскать письмо. Вскоре выяснилось, что леди Троттен не имела привычки хранить свои личные вещи в общей супружеской спальне. У нее были комнаты на другом конце коридора. Наверняка Элинор только напрасно потратит время.

Себастьяну понадобилось чуть больше полминуты, чтобы вскрыть латунный замок, — и он очутился в погруженной в темноту комнате, где стояла обитая бархатом кушетка на ножках в форме львиных лап.

Кушетка была с трех сторон окружена стоящими у стен зеркалами, что, скорее всего, было специально задумано для нежных свиданий при свете луны. Оставалось надеяться, что в этот вечер Себастьян не застанет даму врасплох во время тайной встречи с любовником, что могло поставить всех участников этого эпизода в очень неловкое положение.

По крайней мере, это могло бы создать крайнее неудобство человеку, который незаконно вторгся в чужую комнату.

Вот оно — вождеденное письмо. О том, что это то самое письмо, которое требовалось разыскать, красноречиво свидетельствовала вскрытая алая печать. Едва успев сунуть письмо за пазуху, Себастьян понял, что в комнате он был не один.

И что ее милость также была не одна. В этот момент эта дама вела к кушетке мужчину. Ничего себе! Нашла время для интрижки.

— Прошу вас, мадам, — тяжело дыша, говорил ее преисполненный энтузиазма любовник по-французски, следуя в указанном направлении. Грузное тело леди Троттен заслоняло от обзора Себастьяна фигуру молодого человека, позволяя ему видеть только его руку и ногу.

— Понятия не имею, как это переводится на английский язык, — задыхаясь, прошептала она, — но продолжайте, ради Бога. Я знаю, что наши страны воевали между собой. Так давайте же заключим мир на наших собственных условиях.

Себастьян прислонился к стене и тяжело вздохнул.

Ах, ну разве это не прекрасно?

Если он не встретится с Элинор в назначенное время, то никогда не узнает, чем закончится дело. Она обвинит его в том, что он не профессионал.

Себастьян подождал несколько мгновений за ширмой для переодевания, стараясь не обращать внимания на сладострастные стоны, доносившиеся с кушетки. В какой-то момент любовник леди Троттен крикнул, что она его чуть не задушила. Себастьян с трудом удержался от того, чтобы не посмотреть, что же там у них на самом деле происходит.

Через час или около того он начал им завидовать. Разве его жена не понимает, как сильно он ее хочет?

— Ваши груди — как спелые анжуйские дыни, — прерывающимся голосом говорил, лежа под женой лорда Троттена, вероломный разрушитель чужих брачных уз, ненадолго всплывая на поверхность, чтобы набрать в легкие воздуха. — Ваш живот — роскошный фруктовый сад в разгар сезона, луг благодатных наслаждений...

— Прошу вас, говорите по-французски, — стонала она. — И поторопитесь. Мой супруг думает, что я переобуваюсь в другие туфли.

Себастьян произвольно повернул голову в сторону чуть заметно отворившейся двери, в которую бесшумно прошмыгнула легкая черная тень. Элино́р! Их глаза встретились в темноте.

Себастьян улыбнулся.

Элино́р направилась в его сторону.

Он покачал головой, предупреждая жену об опасности, а затем, улучив момент, когда леди Троттен еще раз застонала, выскользнул из-за ширмы и незаметно выбрался из комнаты, где за дверью его уже поджидала жена.

Уже через пару минут все видели, как сэ́р Уиттингтон и Элино́р мило беседуют возле парадной лестницы. Вскоре к ним присоединился и барон Боскасл. Многие годы по вине судьбы лорд и леди Боскасл были в разлуке, и они не могли ничего с этим поделать: обстоятельства оказались сильнее их. Все понимали, что разлука в первые годы после свадьбы особенно тяжела для супругов. И теперь, видя, что импозантный барон и его очаровательная супруга наконец-то воссоединились, разве можно было не почувствовать умиление?

Лорд Боскасл поблагодарил хозяина дома и рогоносца за гостеприимство и с важным видом повел супругу к экипажу, который ожидал на соседней улице.

Кузен Элино́р в плаще, накинутом поверх маскарадного костюма, ссутулившись, восседал на козлах с поводьями в руках.

— Вы опоздали на три минуты! — воскликнул он, когда они к нему приблизились. — Я уж было подумал, что нужно идти вас спасать.

Себастьян усмехнулся. Если Уилл Прескотт однажды спасет кого-то, это станет историческим событием. Хотелось бы посмотреть, как будет это делать тщедушный актеришка, который пугался даже вида бутафорской крови на сцене и которого с детства донимали ночные кошмары. Но Уилл был родственником Элино́р и повсюду ее сопровождал. Себастьян испытывал к нему некоторую симпатию. Даже понимая, что, если уж говорить начистоту — что бы ни утверждал на этот счет Уилл, не он заботится об Элино́р, а скорее наоборот — это она нянчится с ним.

Себастьян подал руку Элино́р, помогая ей сесть в карету, а затем поднялся сам, после чего экипаж тронулся с места.

Его жена сняла шляпу, и ее роскошные темно-рыжие волосы рассыпались по плечам. Интересно, скоро ли она догадается, что ее заманили в ловушку. И что Себастьян готов помочь супруге, стоит ей только его попросить.

— Я нашел письмо, как обещал, — сказал он, делая вид, что не замечает, что ее что-то беспокоит, пока она не заохала сильнее. — Что такое, дорогая?

— Ты прищемил мне хвост дверью!

— Правда? Извини, я не заметил. — Себастьян посмотрел на кошачий хвост ее карнавального костюма, который был надет на Элино́р, и расплылся в улыбке.

Элино́р покачнулась на сиденье.

— Ты собираешься сидеть здесь с этой идиотской ухмылкой и спокойно смотреть, как я мучаюсь?

— Если тебе понадобится моя помощь, тебе нужно только одно — попросить.

— Я думала, ты должен был сам оказать мне услугу. Ведь, само собой разумеется, что

муж в трудной ситуации выручает жену.

— Я счастливчик, — проворковал Себастьян, наклоняясь над Элино́р. — Кому еще так везло? Мало кому из мужей приходилось помогать жене, когда она прищемит хвост в экипаже.

— Не смейся, это крайне неудобно. Такое ощущение, как будто ты в ловушке, — с досадой сказала она, когда его лицо оказалось рядом.

— Могу себе представить!

— Что-то мне подсказывает, что ты специально все это подстроил.

— Ну что ты! Если бы я собирался поймать тебя в западню, то сделал бы это не в экипаже, который на полной скорости мчится по шумным лондонским улицам, а в другом, более уединенном местечке, где нас никто не увидит.

— Надеюсь, это не угроза? — притихнув, спросила Элино́р.

Себастьян рассмеялся:

— Ну что ты, дорогая! Разве ты слышала, чтобы я когда-нибудь прибежал к физическому насилию?

— Иногда мне кажется, что я тебя совсем не знаю, — серьезно проговорила Элино́р.

— Я намерен это исправить. Беру на себя смелость предположить, что ты дашь мне шанс зарекомендовать себя с положительной стороны.

Обворожительно улыбаясь, она ответила:

— Едва ли у меня в моем положении есть выбор.

Он вздохнул и посмотрел на ее манящие губы. А затем подвинулся ближе, чтобы поцеловать Элино́р, но, к сожалению, выбрал для этого не самый подходящий момент: экипаж как раз резко поворачивал, трясаясь и подпрыгивая.

— Проклятье! — воскликнул Себастьян и схватил жену за руку, чтобы та не упала. Одно мгновение он довольствовался тем, что касается ее ладони. Затем стал осторожно и нежно гладить ее лицо и шею, не отрывая от Элино́р замороженного взгляда. Она смотрела на него потемневшими и влажными глазами. Ее взгляд притягивал Себастьяна как магнит.

— Боже праведный, — спокойно проговорил он. — Выходит, ты попала в переplet? Что ты сама об этом думаешь?

— Я поняла это еще в день нашей свадьбы, — усмехнулась Элино́р.

— Ну вот, ты снова будешь изводить меня упреками. А я надеялся, что ты давно все поняла и простила.

— Прошу тебя, не начинай снова, Себастьян. Давай поговорим о нашей несчастливой семейной жизни в другой раз.

Он снял карнавальную маску с лица и, опустившись на колени, погладил спину Элино́р.

— Кажется, я понял, в чем дело, — сказал он, опуская руку все ниже. — К твоему маскарадному костюму пришит хвост. Они везде неразлучны: куда костюм — туда и хвост.

— Неужели? Твоя догадливость поразительна, — съязвила она.

Ее груди, которые Себастьяну никогда в голову не приходило назвать анжуйскими дынями, оказались прижатыми к его плечу. Он ощутил, как каждую клеточку его тела переполняет желание. Эта женщина — его законная жена, однако он опасался, что навсегда ее потерял.

— О чем ты задумался? — неуверенно спросила Элино́р.

Прежде чем ответить, Себастьян немного помолчал и с нежностью посмотрел на жену:

— Да просто о том, какая все-таки странная штука — жизнь.

— Нашел время философствовать, — нахмурившись, заметила супруга.

Себастьян широко улыбнулся.

Впервые за много лет они с Элинор были наедине, и его не могло это не радовать. Хотя в данный момент его жена и находится в несколько затруднительной ситуации и ее внимание скорее вынужденное, нежели добровольное. И пусть сейчас не самое благоприятное время для занятий любовью, Себастьян решил, что, раз уж Элинор попала в расставленный для нее капкан, он ни за что не упустит свою добычу.

Он покачал головой, словно и впрямь удивлялся зигзагам судьбы.

— Подумать только. Вот я, например все эти годы, пока мы были в разлуке, постоянно думал о том, как ты проводишь время.

— Надеюсь, ты удовлетворил свое любопытство? Едва заметная улыбка тронула его губы, когда он смотрел на жену.

— Удовлетворил? Вовсе нет. У меня накопилось к тебе много вопросов, ведь это вполне естественно. И мне до сих пор непонятно, как ты жила все это время. Хотя, признаться, какие бы картины я ни рисовал в своем воображении, мечтая о тебе, я даже представить не мог, что увижу тебя в таком положении, как сейчас.

— Правда? И чем же, по-твоему, я занималась без тебя?

— Пожалуй, я опасался, что мне придется встретиться лицом к лицу с соперниками. Ведь некоторые джентльмены полагают, что отъезд супруга и его длительное отсутствие вызывают у женщины не повышенное чувство ответственности, а дают почву для многочисленных искушений.

Себастьян погладил жену по спине, Элинор часто заморгала.

— За исключением настоящего момента, я ни разу не попадала в зависимость от мужчины, — заметила Элинор. — Так что твое воображение тебя подвело. Уж слишком оно разыгралось...

— Если бы ты знала, какое облегчение для меня это слышать, — сделав паузу, сказал Себастьян. — Тем не менее, я и представить не мог, что моя жена замешана в тайных делах и что она с легкостью прибегает к различным уловкам. Тем более я и помыслить не мог, что моя супруга и мой соперник — одно и то же лицо.

— А потом, когда ты узнал, что...

— Я тут же встал на твою сторону, потому что боялся за тебя. — Себастьян дернул за шерстяной хвост, зажатый дверью. — Ну, вот и все. Теперь ты свободна. Вот тебе твой хвост. В некотором роде я чем-то его напоминаю.

Элинор пристально посмотрела на мужа. Себастьян не мог взять в толк, что означал этот ее взгляд. Он решил про себя, что поступил разумно, скрыв от жены свои мысли о том, как сильно ему хотелось сбросить с жены этот глупый кошачий костюм и овладеть ею прямо здесь, хоть на полу экипажа.

Элинор поудобнее устроилась на сиденье.

— Спасибо, — искоса и недоверчиво поглядывая на мужа, сказала она.

Себастьян неопределенно пожал плечами и отвернулся, притворяясь, что разглядывает пейзаж за окном. Хотя больше всего сейчас ему хотелось схватить Элинор в объятия. Но выдержки ему было не занимать. В конце концов, если мужчина не в состоянии владеть собой в двигающемся по дороге экипаже, самообладание может подвести его в другие, намного более ответственные моменты, чем этот.

— Пустяки, — стараясь казаться равнодушным, пробормотал он. — Любой из мужей

поступил бы так же, как я, будь он на моем месте и оказался его жена в такой ситуации.

...Сердце Элинон тревожно стучало — в такт цокоту копыт по булыжной мостовой. За окном наступал вечер, и салон экипажа погрузился в полумрак. Она снова украдкой бросила взгляд на мужа. Себастьян сидел с мрачным выражением лица, погруженный в свои мысли. Он был чем-то удручен. Элинон и сама ощущала себя как на иголках. Одному Богу известно, каких невероятных усилий ей стоило не совершить того, чего ей хотелось больше всего на свете: броситься к мужу в объятия. Элинон пришлось собрать всю свою волю в кулак, чтобы удержаться от этого порыва. Почувствовав на себе ее взгляд, Себастьян повернул голову в ее сторону, и она поспешила отвести глаза.

Но было слишком поздно.

Их глаза встретились. По телу Элинон разлилась приятная нега. Почему она испытывает такое волнение от одного его взгляда? Ей никогда не было так хорошо, как сейчас. Словно больше ей ничего и не надо в жизни. Просто быть рядом с ним, и все. «Вот оно — настоящее счастье», — подумала Элинон.

Собравшись с духом, она отважилась заглянуть в глаза мужа. В его бездонные голубые глаза.

Одно короткое мгновение, пока они оба молча смотрели друг на друга, показалось им вечностью. Словно искра вспыхнула между ними и воспламенила воздух. Элинон почувствовала волнение и смутную тревогу. Душевное равновесие, с таким трудом обретенное за эти годы одиночества, в один миг было нарушено. Один лишь взгляд Себастьяна безвозвратно унес покой Элинон и заставил ее сердце забиться учащенно.

Она с силой сжала кулаки. Ничего, она с этим справится. Жила же она как-то все эти годы без него. Проживет и сейчас.

Элинон видела, как в глазах Себастьяна вспыхнул огонь желания. Или ей это показалось? Если это правда, то почему он так странно ведет себя с ней? Чего дожидается? Почему так холоден и отстранен? Словно между ними выросла невидимая стена... Господи, помоги ей! Хватит ли у нее сил? Как долго она сможет притворяться, что, несмотря на то, что одна часть ее существа хочет вырвать Себастьяна навсегда из сердца и вычеркнуть из своей жизни, другая часть не мыслит без него жизни, забыв о горе, которое он ей причинил? О том, как долго ее супруг не появлялся дома, не соизволив объяснить причину своего отсутствия. О том, что столько лет Элинон тщетно ждала от мужа писем, в которых он только сообщил бы ей, что жив и здоров. Господи, ей было так одиноко все эти годы без него. Она сердилась на Себастьяна из-за этого. Даже пыталась его возненавидеть. Неужели этот человек не понимает, сколько слез она из-за него пролила? Нет, похоже, он об этом даже не помышлял.

Элинон догадывалась, что Себастьян не имел права называть ей о своей работе и посвящать ее в то, какого рода задания ему приходилось выполнять. Можно только представить, какие деяния он совершил во имя Короны. Разве можно утверждать, что перед ней сейчас сидит тот самый человек, за которого она когда-то выходила замуж? Кому клялась в вечной верности и любви до гроба?

Хотя разве это важно теперь?

Имеет ли какое-то значение?

Печать цинизма у него на лице возбуждала ее интерес и любопытство. Сегодня на балу

Элино́р весь вечер смотрела на мужа. Себастья́н никогда не отличался застенчивостью и не сторонился людей. Его нельзя было назвать скрытным. Теперь в нем появилась какая-то сдержанность, которой не существовало раньше. Словно все свои эмоции Себастьян держал под строгим контролем, направляя любые свои действия на достижение конкретных целей. Он даже смеялся теперь по-другому. Словно даже смех для него — это своего рода психологический прием, предназначение которого — показать, что ему на все наплевать. Элино́р заметила, что когда муж заводил с ней разговор на балу, он продолжал держать дистанцию, играть какую-то роль.

Нет, каждый раз, когда он смотрел на нее, его взгляд явно теплел. Элино́р знала, что, несмотря ни на что, они с Себастьяном остались близкими людьми. Его улыбка одновременно манила и отвергала. Иногда, в какой-то момент, Элино́р была способна поверить в то, что муж хочет ее, как прежде. Однако в следующую минуту уже начинала сомневаться даже в том, что за человек перед ней сейчас стоит. По крайней мере этот мужчина совсем не походил на того молодого человека, которым он был, когда ухаживал за ней когда-то в Испании.

Себастьян был мужественным и... источал опасность.

А разве сама Элино́р не изменилась? Если верить лондонским газетам, она форменное чудовище. Но ясно, что это утверждение — вымысел чистейшей воды. Пусть в обществе Мейфэрскому незнакомцу приписывают все мыслимые и немыслимые пороки, правда заключается в том, что в душе Элино́р — человек вполне безобидный. Она никогда в жизни не причиняла никому вреда намеренно. В общем-то и мухи не обидит. Даже подкармливает бродячих кошек, которых видит на улице. Само собой разумеется, отправляясь «на дело» по заданию герцогини, Элино́р брала с собой оружие, и одному Богу известно, что случилось бы, если бы ей пришлось его применить. Но, слава Всевышнему, до этого никогда не доходило.

А вот ее мужу, насколько она знает, не раз доводилось пускать в ход оружие. Хотя его операции проводились под таким строжайшим секретом, что даже большие связи герцогини не помогли ничего разузнать о его делах.

Когда Себастьян получил задание, бросающее тень на его репутацию, и отправился во Францию, Элино́р не стала его отговаривать. Даже не пыталась это сделать. Было ясно, что ее муж снова рвется в бой, что его тяготит вынужденное бездействие и он жаждет ощутить себя полезным своему отечеству. Элино́р ничего другого не оставалось, как смириться с этим.

Но потом она часто задавала себе вопрос: чего стоило Себастьяну вернуться в строй? А что касается характера работы, которую он выполнял в дальнейшем, всякий раз, когда Элино́р расспрашивала мужа о службе, тот неизменно отвечал:

— Я не хочу об этом говорить.

— Себастьян, ты шпион?

— Не совсем, — невесело смеясь, отвечал он, и от этого саркастического смеха у Элино́р кошки на душе скребли, потому что было ясно, что это может означать только одно: ее муж занимается чем-то таким, о чем даже упоминать не принято.

— Ну... А другие женщины там не замешаны?

— Только не в том смысле, в каком ты подумала.

— Как это понимать?

— Очень просто: есть государственные тайны, которые леди знать не полагается.

Элино́р хотелось выкрикнуть в ответ, что она никогда не считала себя леди в полном смысле этого слова. Она сильная женщина и примет любую правду, какой бы горькой она ни оказалась.

Скажите, много ли найдется леди, которые помогали отцу-хирургу во время экстренных операций и лечили тяжелейшие раны солдат? Или делали кровопускания? Или ставили пиявки?

Или, что и того хуже, которые хотели кинуться мужу на шею и зацеловать его до смерти?

Элино́р никогда не была кисейной барышней, пушистой домашней кошечкой.

Зато «мужчина» из нее получился хоть куда.

— Кажется, мы почти приехали, — с чувством произнес Себастьян. — Давно пора. Я ждал этого вечера целую вечность, — торжественно объявил он.

Услышав это, Элино́р прищурилась. Прошло уже три месяца, как ее муж вернулся в Лондон, а за все это время он ни разу не провел в их лондонском доме больше часа. Однако, принимая во внимание то, как сегодня вел себя Себастьян, со стороны можно было подумать, что их совместное появление на маскараде означало фактическое возобновление брачных отношений.

— Мне кажется, нам нужно сразу же отправиться в постель, — добавил он, чтобы сразу внести ясность в их отношения.

— По правде говоря, я валюсь с ног от усталости, — пряча взгляд, проговорила Элино́р. — У меня прямо глаза закрываются — так хочется спать.

— А у меня вовсе нет. Такое впечатление, словно этот вечер вдохнул в меня новые силы.

— Значит, ты все уже решил и за меня...

— Верно. Сказал, что мы с тобой сейчас же отправляемся в постель. Мы и так слишком долго ждали. И не забудь, мы вместе делаем одно дело: выполняем то, что поручила тебе герцогиня. Разве ты не согласна, что уже пора?

Элино́р разволновалась, мечась в душе между радостью и паникой и гадая, что будет, если она возьмет и откажет ему сейчас. Так и заявит напрямик. Боже, неужели она тешит себя мыслью, что муж спокойно согласится с этим?

Или, может быть, один раз все-таки стоит ему уступить?

Себастьян улыбнулся. Кажется, он догадался о ее чувствах. Он понял, что Элино́р пребывает в нерешительности.

Может быть, этот человек перед ней — кто-то другой, а не ее муж? Может быть, у Себастьяна был злой брат-близнец, который так тщательно скрывался от всех, что о его существовании не знала ни одна живая душа? У него и впрямь были братья, о которых он никогда не рассказывал. Вдруг один из них прикончил Себастьяна, присвоил себе его титул и приехал в Лондон, чтобы посеять здесь хаос?

Колесо экипажа угодило в канаву: из Уилла вышел неважный кучер. От удара Элино́р подбросило вперед, но в следующий момент Себастьян подхватил ее своими сильными руками, не давая упасть. Он держал жену в объятиях, успокаивая нежными словами, которые шептал ей на ухо. Не успела Элино́р уверить мужа в том, что с ней все в порядке, как Себастьян решил воспользоваться моментом и поцеловал ее с таким пылом и страстью, что у нее захватило дух.

Или это Элино́р поцеловала его первой? Она начала подозревать, что именно так все и

происходило на самом деле, и не могла не отметить, что этот факт шел вразрез с ее планом мести. До сего момента им с Себастьяном удавалось проявлять исключительную выдержку, и Элинор вовсе не собиралась сдавать позиции первой.

Постепенно мысли у нее в голове начали путаться, и у нее захватило дух от той мужественности, которая исходила от Себастьяна. Нет, это не злой брат-близнец ее мужа — перед ней сейчас тот самый мужчина, который научил Элинор всему, что она знала о любви и... о страдании. Но разве она забыла, что до этого момента была твердо намерена проучить его? Ведь Себастьян должен наконец понять, что никому не позволено безнаказанно то появляться, то исчезать из ее жизни.

На следующем повороте он поддержал жену, чтобы она не упала. Элинор замерла, словно боялась, что он услышит, как ее сердце учащенно забилося от мучительной страсти. Себастьян почувствовал ее волнение и еще крепче прижал к своей груди. Он целовал ее плечи, словно обещал, что она не пожалеет, что он вернется домой.

Элинор самозабвенно целовала мужа. «Мог бы хотя бы объяснить, почему от меня уезжал», — безотчетно подумала она.

— А хорошо возвратиться домой, — вместо этого пробормотала она, когда экипаж снова повернул за угол.

— Слава Богу, что ты сказала это.

Элинор была как во сне. Она словно таяла в объятиях Себастьяна. К этому моменту ее надежды поставить мужа на место, оказав ему достойный отпор, рухнули окончательно. Пустив в ход все свое мастерство обольстителя, Себастьян продолжал целовать Элинор, и она не могла не реагировать на это. Наконец она обвила его шею рукой и медленно подалась назад. Себастьян наклонился над ней, и она почувствовала утолщение, выпирающее на его брюках. Ее тело с готовностью откликнулось на это прикосновение.

Себастьян гладил ее шею и грудь — там, где гулко стучало ее сердце.

Ласки мужа воспаляли Элинор, и ее щеки покрывал густой румянец. Она подняла голову и посмотрела на Себастьяна.

...В его глазах она увидела не мольбу о прощении — в них горело плотское желание, которое не могло залечить раны ее сердца. Вот он, ее муж, человек, которого она узнавала — и в то же время не узнавала и при этом все равно его желала. Несмотря на то что он причинил ей столько страданий.

— Впервые в жизни целую женщину с кошачьими усами, — ласково проговорил Себастьян.

Ей ничего не оставалось, как рассмеяться.

— А я никогда в жизни не целовала мышку.

— Тогда мы с тобой оба просто безнадежны.

— Кажется, ты прав, — сказала Элинор и выпрямилась.

Себастьян посмотрел на супругу настороженно:

— Когда мы окажемся дома, думаю, ты с превеликим удовольствием скинешь с себя этот костюм.

— Посмотрим, — немного помолчав, уклончиво заметила Элинор.

Он посмотрел на нее недоуменно:

— Вот как?

— Это зависит...

Его брови поползли вверх.

— От чего?

— От того, на что я сменю свой костюм.

— Совсем скоро мы это выясним, — сказал Себастьян своим звучным голосом. — Мы уже проехали Бромптон-роуд.

Элино́р посмотре́ла че́рез его плечо́ в окно́. Да, правда. Вон уже показалась и старая таверна на углу. Минуту-другую она еще сумеет продержаться — это ясно. Однако не может же она отталкивать его вечно, как ей удавалось делать несколько недель, которые прошли после его приезда.

Что же тогда ей делать? Уступить? Сбежать? Но куда? Они с Себастьяном законные супруги, а по британским законам женщине ничего другого не остается, как жить со своим мужем.

Интересно, почему Себастьян ждал все это время, не спешил заявить о своих супружеских правах? Это казалось нелогичным. Возможно, сегодня Элино́р сама дала ему повод для этого, так или иначе поощряя мужа. Пока она размышляла на эту тему, Себастьян снова привлек ее к себе. Элино́р хотела было что-то возразить, но передумала, увидев искреннюю мольбу в его глазах. «Подними разводной мост в свой замок. Вызови стражников», — услышала она голос разума.

Себастьян взял ее лицо в свои ладони.

— Эл, — нежно проговорил он, называя жену уменьшительным именем. — Ты же хочешь меня по-прежнему.

— Да, — прошептала она. — Хочу точно так же, как и золотую карету, дворец в Индии и сотню слуг, исполняющих каждый мой каприз. Дорогое вино к столу три раза в день и все остальное, что, говоря словами моего отца, порой приносит только вред.

— Я не причиню тебе вреда. — Себастьян смотрел на Элино́р умоляющими глазами. — Я буду с тобой пай-мальчиком. Прошу тебя, скажи, что ты меня еще хочешь.

Экипаж замедлил ход.

— Ну ладно, — пошла на попятную Элино́р. — Возможно, я хочу тебя в том смысле, в каком ты наверняка имеешь в виду. Но гораздо больше я должна быть уверена в том, что ты не исчезнешь из моей жизни опять. И при этом будешь иметь наглость требовать от меня, чтобы я тебя смиренно ждала, или вообразишь, что я останусь прежней. Я не Пенелопа, а ты не Одиссей.

— Теперь я это понял. — Помолчав, Себастьян спросил: — И все? — Это казалось слишком простым условием их нового сближения.

— Ну, для начала тебе нужно доказать, что ты в самом деле принимаешь мои условия.

— А нельзя ли сделать это завтра, а сегодня...

Глаза Элино́р гневно сверкнули. Она покачала головой. Экипаж, дернувшись, остановился. Послышались шаги Уилла. Они с Себастьяном еще некоторое время сидели неподвижно и молча смотрели друг на друга. Каждой клеточкой своего женского естества Элино́р страстно жаждала снова оказаться в постели с супругом. Однако обида, затаившаяся в сердце, требовала справедливого возмездия за то, что муж столько лет ею пренебрегал.

— Добро пожаловать домой, — сказала она и с гордым видом выпорхнула из экипажа так стремительно, что, растерявшись, Себастьян не успел ее остановить.

Он молча смотрел, как Уилл открыл дверцу экипажа и помог выйти кузине. Она направилась к двери их лондонского дома на Белгрейв-сквер. Тяжело вздохнув, Себастьян откинулся на спинку сиденья. Его мучило неудовлетворенное желание. Почему он решил, что его жена безоговорочно примет его в свои объятия, без единого слова упрека, не потребовав никаких обязательств с его стороны? Жалкий гордец! Любая женщина в такой ситуации вправе требовать объяснений и извинений. Но, видит Бог, нелегко найти слова, которые помогли бы ему оправдать столь длительное отсутствие.

Себастьян еще раз вздохнул и вышел из экипажа.

— Она дуется на тебя? — спросил Уилл с искренним сочувствием в голосе.

— Да. Буду рад, если по крайней мере меня пустят сегодня в мой собственный дом.

— Послушай, хотя Элинора и приходится мне кузиной, она мне как родная сестра. Мы с ней очень близки. Но даже я не могу влиять на ее поступки. Наверное, ты будешь просить меня, чтобы я с ней поговорил, попытался ее убедить...

Себастьян молчал, не желая откровенничать.

— В последнее время в Лондоне стало небезопасно, — проговорил Уилл пару минут спустя, тяготясь неловким молчанием. — После наступления темноты даже мужчины боятся выходить на улицу, чтобы отправиться в свой клуб.

— А что это за история с этим Мейфэрским незнакомцем? — сделал гримасу, спросил Себастьян.

Уилл понизил голос:

— Честно говоря, мне не верится, что он представляет серьезную угрозу.

— Поджигать дымовые шапки в людных бальных залах трудно назвать безобидным занятием, — недовольным тоном проговорил Себастьян. — И если сегодня я посмотрел на все это сквозь пальцы, это не значит, что и впредь намерен с этим мириться.

Уилл опустил глаза. Из-под его шляпы выбивались непокорные вихры цвета соломы. У него был вид как у провинившегося мальчишки.

— Может, пора поставить на этом точку? Или ты будешь и дальше помогать Элиноре искать эти проклятые письма? Неужели таким способом ты хочешь доказать ей свою любовь?

Себастьян посмотрел вверх головы Уилла на свой элегантный, покрытый белой штукатуркой дом. На третьем этаже, где располагался эркер, зажгли свечи, свет от которых осветил балкон с ажурными коваными перилами.

— Одной только любви мало. Нельзя сидеть сложа руки. Нужно что-то делать, чтобы завоевать свою любовь, согласен? — проговорил Себастьян, словно размышляя вслух.

— Надеюсь, ты не спрашиваешь у меня совета? — смутился Уилл. — Сам знаешь, я не эксперт в любовных делах. У меня даже не хватает духу пригласить на танец самую бесперспективную дебютантку.

Себастьян рассмеялся:

— Нет, что ты. Я и так перед тобой в долгу на всю оставшуюся жизнь. Хватит того, что ты присматривал за Элинорой, пока я был в отъезде. Это для меня самое главное. Нет ничего важнее, чем это. Ты сделал для нас с Элинорой все, что мог.

— Ну что же... Раз так, теперь все в твоих руках. Дело за тобой.

Себастьян улыбнулся:

— Ну да. Пожелай мне удачи, дружище.

Стоя одна у окна спальни, Элинор подглядывала в просвет между шторами, следя за мужем.

Уилл давно ушел, намереваясь хорошенько выспаться перед завтрашней репетицией, на которой он должен быть в форме.

Ну сколько можно стоять там как истукан? Или, может быть, Себастьян не собирается идти домой?

Одинокая темная фигура на тротуаре не двигалась с места.

В душе Элинор закипало раздражение. Она сама не знала, на кого злилась: на Себастьяна или на саму себя? Неужели своим поведением она отпугнула мужа? Или, может быть, он просто передумал провести с ней ночь?

Элинор отвернулась от окна и, хмуря брови, подошла к туалетному столику, чтобы удалить с лица остатки кошачьих усов.

Как понимать его поведение?

Невозможный человек. Непредсказуемый. У него семь пятниц на неделе.

Элинор думала, что эти пылкие поцелуи были прелюдией к не менее страстной ночи, которая ждала их сегодня в супружеской спальне. А ее муж стоит там один, на улице, в темноте, и словно бы вовсе не спешит к своей жене, с которой столько времени не виделся.

Неужели эту ночь Элинор снова придется коротать одной в холодной постели? О, как бы ей хотелось самой раздеть Себастьяна и, словно в первый раз, заново изучить его сильное мускулистое тело — грудь, плечи и все остальное!

Элинор сняла шляпку и намеренно бросила ее на пол — прямо на середине комнаты. Пусть лорд Боскасл выскажется по поводу того, в какую ужасную неряху превратилась его жена за время их разлуки. Она стянула с одной ноги ботфорт и швырнула его на пол через плечо. После чего неуклюжей походкой снова заковыляла к окну.

«Еще раз только одним глазком взгляну на него, и все», — пообещала Элинор самой себе.

Только одним глазком. Может, Себастьян почувствует, что она на него смотрит, поднимет голову и поймет, что она его ждет? Может, он даже вспомнит, что они супруги и что он обещал ей, что больше ее не покинет?

Ой! Элинор показалось, что она увидела, как высокая темная фигура внизу, за окном, направилась прочь от дома, в ту сторону, где была площадь. За кем он бежит или от кого?

«Трус, — со слезами на глазах прошептала она. — Тебе стыдно смотреть мне в глаза».

Элинор закусил губу, чтобы не заплакать и, ссутулившись, поковыляла прочь от окна. «Куда его понесла нелегкая на этот раз?» — в крайнем отчаянии размышляла она.

Ну и пусть! Если Себастьян снова ее оставил, пусть и живет на своей яхте, и пусть там ему составят компанию все корабельные крысы Лондона. Элинор остервенело принялась стаскивать с себя второй сапог, ругая саму себя за то, что тешила себя надеждой, что на этот раз у них с Себастьяном все будет по-другому.

Но ведь и впрямь поначалу все говорило о том, что теперь между ними все должно измениться.

Любовный жар, который охватил их обоих в экипаже, стал для Элинор полной неожиданностью. Значит, у них есть еще надежда вернуть былую страсть.

— Сейчас-сейчас, дай я тебе помогу, — сказал ласковый голос за спиной. — Ума не

приложу, как ты управлялась с этим без меня.

Элино́р резко обернулась и, потеряв равновесие, упала — смущенная и обескураженная — прямо в объятия мужа. Себастьян легко подхватил ее как пушинку и крепко обнял своими сильными руками.

— Я не слышала, как ты вошел, — тихо проговорила Элино́р, стыдясь того, как предательски задрожал ее голос. — Я думала, ты покинул меня.

— Зачем мне уходить?

— Просто... Так случалось раньше много раз. Я привыкла.

Себастьян сжал ее руки и повел Элино́р к постели, стараясь не наступить на шляпу и ботфорты, которые валялись на полу, посреди комнаты. Она видела, как при виде такого беспорядка ее муж удивленно поднял брови, но ничего не сказал.

Он смотрел на нее таким взглядом, о котором она мечтала очень давно. После паузы, которая показалась ей вечностью, по-прежнему не отрывая от нее горящего взгляда, Себастьян сказал:

— Я просто подумал, тебе нужно пару минут, чтобы подготовиться.

— Вот как? К чему же? — проглотив комок в горле, спросила она. Как будто сама не могла догадаться о том, что он имеет в виду.

Себастьян обнял ее за плечи.

— К тому, что нам пора снова стать мужем и женой. Какая прелесть!

И какая наглость!

Несмотря на это, Элино́р почувствовала жар во всем теле. Ей было все равно, наяву это происходит с ней или во сне. Ее муж был рядом с ней — такой красивый и соблазнительный, что Элино́р хотелось скорее к нему прильнуть.

— Но, как я вижу, ты все еще в одежде, — с ноткой разочарования заметил он.

Элино́р смотрела на Себастьяна как зачарованная. Куда подевалась ее решимость? Она же прекрасно знает, какой он ненадежный. Возьмет и исчезнет снова. Можно ли ему верить?

— Я не была уверена, что ты вернешься. Наблюдала за тобой из окна.

— Ну, усы, как я вижу, ты все же успела снять, — насмешливо сказал он.

Обняв ее за плечи, Себастьян повел Элино́р к постели. Его голос был нежным и вкрадчивым.

— Ничего. Я не имею ничего против того, чтобы помочь тебе в этом деле. Я к твоим услугам.

— Благодарю, ты очень любезен. Я все поняла.

— Да, ты всегда отличалась проницательностью.

— Раньше мне не требовалось прилагать много усилий, чтобы тебя понимать. Сейчас все стало по-другому.

— Мои цели недвусмысленны, — сказал Себастьян.

— Чего нельзя сказать о способах их достижения.

— Дорогая моя, ты стала какой-то подозрительной.

Услышав это, она рассмеялась:

— Ты же знаешь, милый, что праздность приводит к пороку. А благодаря твоему долгому отсутствию у меня появилось очень много свободного времени.

— Но теперь я вернулся. И теперь у тебя есть возможность заниматься мной — буду этому только рад. И мне так много надо наверстать.

— Что именно?

— Сейчас я тебе покажу. — Его руки заскользили по ее спине. — Стой смиренно.

Через мгновение Себастьян расстегнул не только бесконечные пуговицы у нее на костюме, но и развязал под ним корсет.

От изумления Элино́р даже не протестовала.

Еще мгновение, и она сама не заметила, как оказалась перед ним полностью обнаженная, а довольный собой Себастьян плотоядно смотрел на нее.

— Ах, Боже мой! — Элино́р взглянула на свой маскарадный костюм, который валялся у ее ног. Кошачий хвост свернулся, словно большой знак вопроса. — Вот и вся увертюра?

— Разве тебе не кажется, что мы и так слишком долго ждали?

— Я, во всяком случае, ждала долго, — искренне сказала она.

— Слава Богу, что мы наконец снова вместе.

Под его долгим взглядом она лишилась воли. Пока он снимал одежду, Элино́р рассматривала лунные блики на ковре. Как бы ей хотелось выглядеть такой же спокойной и отстраненной, как он, а не находиться в плену его чар! Но она была женщиной из плоти и крови, и эмоции переполняли ее через край. Если через некоторое время Себастьян не шагнет к ней навстречу, Элино́р готова сама сделать это, ведь он единственный мужчина, которому удалось вскружить ей голову, и она так долго сдерживала свое желание.

Как быстро у них дошло до постели!

Как легко, без всяких усилий ему удалось воспламенить ее кровь и заставить позабыть о том, что он фактически бросил ее!

— Ты удивительная, — горячо шептал Себастьян, глядя ее тело. — Мне хочется получше рассмотреть тебя, а здесь слишком темно.

Элино́р со страстью отвечала на его поцелуи.

— А мне нравится темнота.

— Раз так, значит, и мне тоже она по душе. Я так соскучился по тебе.

— Докажи это.

Себастьян медленно покрывал поцелуями ее лицо и грудь.

— Чего ты хочешь? — спросил он, подняв голову и глядя на Элино́р горящими глазами.

— Уже не знаю. Забыла.

— Ты по-прежнему моя жена, — с улыбкой напомнил он, обнимая ее за талию. — Это осталось неизменным.

Муж и жена. У которых есть право и привилегия любить друг друга и вожделеть. Что касается остальных супружеских обетов, которые они когда-то дали друг другу, Элино́р не имела ни малейшего понятия, соблюдал ли их Себастьян во время разлуки и значили они хоть что-то для него теперь. Но сейчас не время думать о таких вещах — она займется этим в более подходящее время.

С того самого мгновения как Элино́р поцеловала Себастьяна в экипаже, она поняла, что ей придется пойти на компромисс с самой собой. Конечно, собрав всю волю в кулак, она могла бы притвориться, что не испытывает к мужу физического влечения. Но не лучше ли будет вместо этого показать ему, как много он потерял, отказывая ей во внимании все эти годы?

Ведь положила руку на сердце она тоже соскучилась по нему. Истосковалась по каждому дюйму его горячего мужского тела. По его мускусному запаху. По низкому бархатному голосу, от которого у нее по коже бегали мурашки. По ласковым рукам, которые имели над ней волшебную власть.

— Элино́р, — прошептал Себастьян, целуя ее так страстно, словно это была их первая ночь. Его длинные пальцы заблудились в ее волосах. Он крепко прижимал жену к себе, словно не сомневался в том, что она ему уступит. — Как ты думаешь, в Лондоне кто-нибудь заметит, если мы неделю не будем вылезать из постели?

— Тебя не было целых...

— ...три года. Если не считать предыдущих трех лет, когда мы виделись лишь от случая к случаю. — Он смотрел на нее искренне и виновато. Его взгляд смущал Элино́р. — Поэтому сама понимаешь: мне нужно провести с тобой наедине много времени, чтобы наверстать упущенное. Ведь я совсем забросил тебя. — Себастьян ласково поглаживал спину жены. — Может, если мы начнем с того, что для нас естественно, все остальное постепенно встанет на свои места.

Нет-нет. Минуточку. Если Элино́р готова уступить мужу и отдаться ему телом, то свое сердце — или то, что от него осталось, она не собирается вручить ему так легко. Первые три года после свадьбы навсегда вычеркнуты из жизни. А когда она виделась с Себастьяном время от времени, то скучала по нему еще сильнее. И хотя все эти годы Элино́р не получала удовлетворения от своей жизни, со временем она свыклась со своим одиночеством и обрела некое подобие душевного равновесия. Это был путь без взлетов и падений. Ровная дорога. Пусть унылая — зато безопасная.

— Ложись на спину, Себастьян. — Решительность, с которой она это проговорила, удивила его не меньше, чем ее саму.

Смеясь, он поднял руки вверх.

— Что у тебя на уме?

— Я еще не решила.

— Это звучит... многообещающе. Мне по душе твоя непосредственность...

— Правда?

— Ну да. Я в твоём полном распоряжении. — Заложив руки за голову, Себастьян смотрел на жену выжидающе. Наступила неловкая пауза. Элино́р чувствовала, что молчание слишком затянулось и нужно что-то делать, чтобы ее намерение не казалось пустыми словами.

Однако сколь часто в своих фантазиях она ни предвкушала сладкую месть, в действительности получилось, что ее плоть гораздо слабее, чем она думала. Элино́р посмотрела на обнаженное тело Себастьяна. Одно это могло бы воодушевить — если бы она нуждалась в источнике вдохновения. Себастьян определенно принял ее вызов. Она обдумывала свой следующий шаг, но ее отвлекал волнующий мускусный запах и неотразимая мужественность супруга.

Он поднялся на локте и сказал, глядя на жену, самодовольно:

— Может, ты хочешь, чтобы я взял инициативу в свои руки?

Его слова придали Элино́р решимости. Она была так хороша сейчас, охваченная возбуждением. Супруга уселась на него сверху, и его тело словно охватило пламя.

— Кажется, туфелька все еще впору, — хриплым голосом прошептала Элино́р.

— Как ты думаешь, ты сможешь танцевать в ней до конца бала?

— Полагаю, это зависит от того, какой танец это будет: менуэт или деревенская кадрили.

— Мне все равно. Главное, чтобы в конце мы были вместе. Как тебе удалось стать еще красивее, чем прежде? — спросил он, словно размышляя вслух. — И еще нежнее и мягче.

— Я не такая уж нежная, как тебе кажется. И вовсе не мягкая.

— Разве нет? — Он проглотил комок в горле. — Ну и ладно. Так даже лучше. Мне даже нравится, когда ты легко не сдаешься.

Элино́р пристально смотрела на мужа.

— Я заметила, что у тебя появились морщинки вокруг глаз. Маленькие такие. Но они... тебе очень идут.

— Раз они тебе нравятся, — насмешливо сказал он, — в следующий раз, когда я буду смотреть на себя в зеркало, стану улыбаться, чтобы их было больше.

Как он соскучился по ней — не только по ее телу, но и по тем чарующим мгновениям, когда они лежали в темноте, чувствуя невероятную близость, единение душ. Себастьяну ужасно хотелось испытать все это снова. Ни с кем никогда ему не было так легко и хорошо, как с Элино́р.

Он желал ее все сильнее. И с трудом сдерживал себя, потому что боялся, что иначе потеряет рассудок.

Себастьян несколько мгновений смотрел на Элино́р, упоенный ее соблазнительной красотой. Ее улыбка была словно бальзам для его сердца.

— Знаешь, а ведь ты действительно сильно изменился. Не пойму, что за человек сейчас передо мной.

— Всего лишь твой законный муж, — сказал он, целуя ее губы и овладевая ее телом со всей силой страсти.

Утомленная Элино́р лежала в постели, но голова у нее отлично соображала. Себастья́н посапывал во сне, дыша медленно и ровно, и для женщины, которая слишком долго засыпала в тишине и одиночестве, это были довольно приятные звуки. Однако Элино́р успела привыкнуть спать одна, не спеша пить в постели чай с тостами, засиживаться до рассвета с интересной книгой. Супруг занимал возмутительно много места в кровати, и его внушительная фигура заставила все окружающие предметы разом уменьшиться в размере.

— Я больше не буду любить тебя, Себастьян, — прошептала Элино́р, разглядывая спину супруга, чтобы узнать, исчезли ли его шрамы. Что это? Неужели ее инициалы? Она села на кровати и прищурилась, желая лучше разглядеть, но внезапно вздрогнула от неожиданности, услышав голос мужа:

— Я не оставлю тебя в покое, пока ты не полюбишь меня снова.

Она покраснела от смущения, делая вид, что мускулистое тело мужа ее совсем не интересует.

— Только не воображай, что это будет легко.

— Я и не собирался так думать. Мне в жизни ничего не давалось просто.

— Надеюсь, ты сказал это не для того, чтобы меня разжалобить.

— Нет, что ты. Это просто констатация факта, которая призвана означать одно: я не собираюсь сдаваться.

— А тебе не кажется, что факт нашего отдельного проживания длительное время может служить достаточным основанием для юридического расторжения брака? — спросила Элино́р, приглаживая растрепавшиеся волосы.

— Все же я приезжал к тебе изредка. Как только мог выкроить время.

— Это было настолько редко, что тебя не узнавала даже твоя собака.

Себастья́н поджал губы и наморщил лоб, словно размышлял над словами Элино́р. Ему не удастся провести ее: она видит его насквозь. От ее внимания не укрылось, как хитро сверкнули его глаза. Горячая голова! Супруг воплощал для Элино́р опасность. Со всеми вытекающими из этого факторами. С пылкой любовью и с последствиями, которые она влечет за собой. Но Элино́р давно уже не такая, как прежде. Она изменилась и больше не позволит себе слишком сильно любить мужчину, тем более плакать из-за него. Ведь два раза подряд в одну и ту же реку не входят, верно?

— Пока наша собака не признает в качестве своего хозяина другого мужчину, мне не о чем беспокоиться.

Элино́р села рядом с мужем и прикрыла его спину простыней.

— Вот уж из-за чего я меньше всего волнуюсь.

— Да? А я чувствую себя как отец, которого не узнает собственный ребенок.

После этой фразы наступило неловкое молчание.

Элино́р сидела, неподвижно глядя в темноту. «Он даже не помнит, что мы потеряли ребенка», — думала она. Иначе бы не сделала сейчас столь неуместное замечание. В горле у нее встал комок, ее внезапно охватил озноб.

Тогда они оба и представить не могли, что Элино́р забеременеет уже в их первую брачную ночь. А Себастья́н на следующий день отправился в плавание во Францию. Молодая жена даже не знала, куда посылать письмо, чтобы сообщить мужу это известие.

Выкидыш случился посреди ночи. О случившемся не знал никто, кроме ее служанки, Мэри Стерджемс. Разумеется, Себастьян не был виноват в случившемся, но Элинор не могла простить мужа за то, что он не был рядом, чтобы оплакать утрату вместе с ней.

Когда Себастьян приехал — спустя четыре месяца после свадьбы, — Элинор надеялась, что он спросит ее, почему у нее заплаканные глаза. Или о том, почему все ее корсеты сложены на кровати. Она вынуждена была отдать их швее на переделку, так как сильно похудела.

Однако Себастьян вел себя так, словно ничего не заметил. А когда, не выдержав, она все ему рассказала, он был буквально убит горем. У него были такие виноватые глаза, что Элинор пожалела, что открылась ему.

На протяжении следующих трех лет визиты Себастьяна становились все более редкими. Сердце подсказывало Элинор, что, несмотря на то что физические раны Себастьяна зажили, самая сильная боль терзала его внутри. К тому времени, когда они впервые провели вместе Рождество, Элинор поняла: ее супруг больше обеспокоен тем, чтобы доказать своему командиру, что он еще чего-то стоит. И ему нет дела до того, что его жена тоже в нем нуждается.

И Элинор перестала ждать приезда Себастьяна с прежним нетерпением. Супруг охладел к ней настолько, что умудрялся просто не замечать ее присутствия. Порой среди ночи она льнула к Себастьяну, но тот отворачивался, притворяясь спящим. А на следующее утро его, бывало, и след простыл, и Элинор приходилось мучительно гадать, не завел ли ее муж любовницу, потому что больше не находил ее привлекательной. Когда-то, когда он только начинал ухаживать за ней, он искал любой предлог, чтобы хотя бы тайком прикоснуться к ее телу. И вот спустя три года вообще забыл дорогу домой.

А Элинор все равно продолжала его любить.

И наконец настал момент, когда она перестала рисовать в своем воображении картины своего будущего с Себастьяном. Даже его голос, который когда-то так волновал ее, постепенно стерся из ее памяти.

И тогда Элинор почувствовала панику. Что все это могло означать?

Она пришла к выводу, что разлюбила того Себастьяна, за которого выходила замуж. Это было похоже на траур по умершему человеку — не только по нему, но и по той женщине, которая так долго ждала возвращения мужа.

Элинор никогда больше не хотела испытывать эти душевные муки.

...Себастьян осторожно положил руку ей на плечо, и она испытала легкое потрясение: красивый незнакомец спал с ней в одной постели.

— Ты не возражаешь, если мы поменяемся местами? — вежливо попросил он. — Разумеется, если это не причинит тебе неудобство.

Какую чушь он несет! Да его приезд поставил все с ног на голову в ее жизни!

— Ты хочешь лечь ближе к двери? Да пожалуйста.

Себастьян с силой потянулся и хозяйским взглядом окинул спальню. Словно перед ним была шахматная доска, а он обдумывал свой следующий ход.

— Спасибо, ты очень любезна.

— Почему тебе нужно видеть дверь? — осмелилась наконец спросить Элинор после долгой паузы.

Себастьян так долго медлил с ответом, что она решила, что он вовсе не собирается ей ничего объяснять.

— У меня есть враги.

У Элинора от волнения загорелись щеки.

— Но вряд ли кто-нибудь из них последует за тобой сюда, в Лондон.

В его взгляде была такая неподдельная горечь, что Элинора испугалась за мужа.

— Может, и так. Однако от некоторых привычек не так легко избавиться. Иногда я плохо сплю по ночам.

— А меня, наоборот, и из пушки не разбудишь.

Себастьян негромко рассмеялся:

— Ну, значит, твоя совесть чиста. А его, значит, нет?

— Ложись спать, — властным тоном сказал он. — Обещаю: тебе нечего опасаться.

А ему, выходит, есть чего?

Веки Элинора стали тяжелыми, и она почувствовала сонливость. Себастьян обнял ее, она прильнула к мужу. Ей было так тепло и хорошо рядом с ним.

— Вчера мы с тобой оба были не на высоте, — вздохнув, прошептала она.

— Правда? Так давай наверстаем упущенное сегодня. Элинора рассмеялась:

— Я о письме, дурачок, а ты опять за свое. Мы потратили на розыски письма в два раза больше времени, чем планировали. Когда я буду разыскивать следующее, нужно будет действовать быстрее.

— Это то, что находится по адресу Сент-Джордж-стрит? — серьезно спросил Себастьян.

— Да. У меня есть план этого дома.

— Я могу разыскать остальные письма без тебя. Элинора открыла глаза. Ей пришлось не по вкусу самоуверенность Себастьяна. С этим человеком все время приходится быть начеку. А занимаясь с ним любовью, она теряет бдительность.

— Это наши с герцогиней дела. Женские проблемы, если хочешь.

— Герцог, похоже, так не считает, — пробормотал Себастьян.

— Он мне не начальник, — раздраженно сказала Элинора. — Я дала слово герцогине. И я его сдержу.

Когда Себастьян ей ответил, она отчетливо уловила в его голосе нотки мужского превосходства.

— Детка, ты позабавилась на славу. Твой энтузиазм и твоя находчивость меня восхищают. Но, милая моя, такие вещи лучше предоставить делать мужчинам.

— Мейфэрский незнакомец и есть мужчина.

— Я имел в виду опытного мужчине.

— Ах вот как!

— А ты, вне всяких сомнений, — рассмеялся он, — самая настоящая женщина.

— По крайней мере этот вопрос не вызывает у нас с тобой взаимных споров.

— Я только хотел подчеркнуть, что и тебе, и герцогине лучше выполнять предначертанное вам обоим природой.

Элинора подумала про себя, что он слишком самоуверен, но смиренно спросила мужа нежным голоском:

— Я разочаровала тебя как женщина?

— Что ты, дорогая!

— Так в чем же дело?

— Я не могу огорчать герцога, — подвел итог Себастьян.

Его слова лишней раз убедили Элино́р, что ей нельзя тянуть с розысками остальных писем. Дружба с герцогиней Веллингтон, их общая любовь к интригам приносила Элино́р огромное удовлетворение. Обеих женщин сблизило общее чувство одиночества. Элино́р не собиралась сдавать свои «полномочия» без сопротивления. И ее не заботило то, каким огромным влиянием пользовался ее муж. И каким всемогущим политиком стал герцог Веллингтон.

Элино́р заключила с герцогиней соглашение. Она решила стать агентом и за свою работу будет получать приличное денежное вознаграждение.

Себастьян медленно ласкал под простыней ее грудь. Кажется, в день своей свадьбы Элино́р заключила договор с самим дьяволом.

— Что мне сделать, чтобы вернуть тебя? — вкрадчивым голосом спросил муж.

— Я подумаю над этим и скажу тебе завтра.

— Знаешь, что бывает, если страна проигрывает войну? — спросил он, целуя ее в лоб. — Она выплачивает победителю дань.

Сонливость Элино́р как рукой сняло.

— Не путай кислое с пресным. Дела сердечные и политика — разные вещи.

Себастьян продолжал как ни в чем не бывало:

— Испокон веку союз мужчины и женщины считался священным и нерушимым.

Наконец она, кажется, поняла, к чему он клонит.

— Ты говоришь про те времена, когда свободных крестьян поработили?

— Нет, про законы Римской империи.

— Ну, Рим нам не указ, — сказала Элино́р, разглаживая подушку. — И кстати, он не сразу строился. Как и хорошая семья. Попробуй поработи меня — и увидишь, что получится! Сам будешь не рад.

Себастьян скривил чувственные губы.

— Может, завтра мы с тобой сможем достичь большего взаимопонимания? — глубокомысленно изрек он.

— А ты уверен, что завтра утром будешь здесь? — не удержалась Элино́р.

Себастьян помолчал, прежде чем ответить.

— Может, и не буду, — согласился он. — У меня есть дела, которые нельзя надолго откладывать. Но, буду я здесь, когда ты проснешься, или нет, я обещаю, что вернусь до того, как ты успеешь соскучиться по мне. И не волнуйся о том, чтобы доставить эти письма герцогине.

— Я беспокоюсь не о письмах. Я волнуюсь о тебе.

— Напрасно. Твой муж дома, и все, о чем тебе сейчас нужно думать, — как быть ему хорошей женой.

Себастьян хотел быть объективным. Он понимал, что требовал от своей жены больше, чем сам давал ей как муж, и, учитывая его многолетнее отсутствие, было очень великодушно со стороны Элинор не только согласиться снова делить с ним супружеское ложе, но и принять его с распростертыми объятиями. Однако, восстановив вчера ночью свои супружеские права, Себастьян не собирался отказываться от достигнутого и разрушить ту тонкую связь, которую удалось наладить с женой. А кипучая деятельность в качестве шпионки герцогини, которую развила супруга в его отсутствие, представляла собой прекрасный повод для того, чтобы доказать право Себастьяна принимать участие и в этом.

Значит, если верить английским газетам, его супруга снискала себе сомнительную славу? Пора положить конец шалостям жены. И он этим займется.

Себастьян посмотрел на спящую Элинор. Кто бы мог подумать, глядя на это лицо с классически правильными чертами, что у этой женщины натура настоящей авантюристки?

Интересно, что сказали бы перепуганные светские дамы, узнай они, что нагнавший на них страху ночной возмутитель спокойствия — эта женщина, которая спит сейчас, похожая на ангела?

Подумав об этом, Себастьян не удержался от улыбки. Он и сам не знал, как ко всему этому относиться. Он провел сегодня ночь с женщиной, которую светские леди считали... мужчиной своей мечты.

Себастьян тяжело вздохнул и встав с постели. Ему срочно нужно чем-то себя занять: прогуляться на свежем воздухе, выпить рюмку бренди, делать все, что угодно, но только отвлечься от мыслей об Элинор и о том, что больше всего на свете ему хочется сейчас снова заняться с ней любовью.

Три года разлуки с женой развили в нем зверский сексуальный аппетит. Вряд ли Элинор поверит ему, если он попытается объяснить, что за эти годы у него никого не было. К тому же ей трудно взять в толк, какие задания Себастьяну приходилось выполнять, чтобы снова ощутить себя полезным и вернуть себе самоуважение.

Любой мужчина скорее согласится, чтобы его считали неверным мужем, равнодушным и поглощенным только своей карьерой — или даже вообще умершим, но ни за что не признается, сколько усилий ему приходится прикладывать, чтобы чувствовать себя на коне.

Перешагнув через груды одежды, валявшуюся на полу, Себастьян рассеянно подумал, что в его отсутствие супруга перестала следить за порядком в комнате и что, раз уж он встал и намерен бродить по дому, ему нужно срочно найти свежую смену белья.

Он вернулся к кровати и, посмотрев на Элинор, невольно залюбовался ею. Ценил ли он когда-нибудь свою жену по достоинству?

— Элинор, — прошептал он, наклоняясь над ней. — Извини, что приходится тебя будить, но все свои костюмы я оставил на яхте.

— Почему ты не принес их с собой? — сонным голосом спросила Элинор, открывая глаза. Догадавшись, она не скрывала разочарования. — А-а... Понимаю... Вижу, ты не собирался задерживаться дома надолго.

— Нет, я просто думал, что здесь у меня должна была оставаться какая-то одежда. — Он помолчал. — Если только ты ее не выбросила...

Когда Себастьян в последний раз приезжал в Лондон, он приплыл на небольшой яхте —

не слишком шикарной, но вполне пригодной для путешествий по морю. Он не собирался делать тайну из своего плавучего дома для жены, но ясно дал понять, что Элино́р не стоит показываться в порту. Себастьян был намерен использовать яхту в качестве своего временного пристанища, когда ему захочется побыть в одиночестве. Или, в случае если ему придется скрываться от неприятных знакомых из его прошлого, когда кому-то из них придет в голову с ним связаться.

— Поищи на верхней полке гардероба — там, слева, — сказала Элино́р. Она со вздохом отвернулась к стенке и зарылась головой в подушку.

— Спасибо, — сказал Себастьян, с трудом удержавшись оттого, чтобы не прикоснуться к жене. — Можешь спать, пока я не вернусь.

Элино́р открыла глаза и снова вздохнула, не скрывая разочарования.

— Ты куда-то собрался?

— Нет. Просто спущусь вниз, чтобы выпить бренди, и... еще, возможно, попытаюсь наладить дружбу с Тегом.

— Только не давай ему лаять на тебя, как вчера.

Себастьян направился к громадному трехстворчатому платяному шкафу, который возвышался в углу комнаты, словно маленькая крепость.

Он так давно не был дома, что даже не помнил толком, какая одежда у него здесь оставалась. Не хотелось снова обращаться за помощью к жене, чтобы лишний раз не бередить старую рану и даже косвенно не затрагивать тему своего долгого отсутствия.

Себастьян распахнул дверцы шкафа, большую часть которого, как и ожидалось, занимала одежда жены.

Себастьян окинул внимательным взглядом платья Элино́р, стараясь вспомнить, все ли эти изысканные наряды он видел.

Вот вечернее платье из тафты цвета морской волны. Очень милое. Себастьян мог бы поручиться, что при нем его жена ни разу не надевала... А вот — наряд из розового муслина. Себастьян смутно помнил то ли увеселительную прогулку на лодке, то ли пикник, то ли завтрак в залитой солнечным светом столовой. Тогда он не обращал внимания, что было надето на Элино́р и что это был за повод — он был всецело поглощен только своей женой. Ну да, точно, это платье было на ней!

И если бы Элино́р нарядилась вот в это шикарное платье, он ни за что не смог бы это позабыть. Оно было из жемчужно-белого муара, с глубоким вырезом в форме сердечка. Себастьян залюбовался им, пока не заметил маленькое пятнышко от вина — или от чего-то другого — на воротнике, отделанном тонким бельгийским кружевом.

Он не удержался и потер пятно пальцем — словно надеялся, что оно исчезнет.

У него появилось неприятное чувство. Он взглянул на отражение Элино́р в большом зеркале гардероба.

Его супруга всегда была придирчива во всем, что касалось внешнего вида. Будучи дочерью хирурга, Элино́р была чистюлей до мозга костей и даже всегда брала в театр запасную пару перчаток. Себастьян не мог представить, чтобы она могла пролить вино на такой шедевр своей модистки. А тем более чтобы она решила хранить в шкафу платье с пятном. Почему она не выбросила испорченный наряд?

С чего бы Элино́р наряжаться и пить вино? Было ли это частью спектакля под названием «Мейфэрский незнакомец»? Или речь шла совсем о другом сценарии: похождения неверной жены, муж которой надолго уехал?

— Себастьян, — послышался сонный голос Элинора. — Ты можешь не шуметь?

— Извини, — сказал он и поспешно захлопнул дверцу шкафа.

— Между прочим, ты искал свою одежду не там. Ты смотришь в правой части шкафа.

— Я знаю, — раздраженно заметил он.

— А я сказала, чтобы ты посмотрел с левой стороны.

— Да, я помню. Просто мне было любопытно взглянуть на твои наряды. Ты не возражаешь?

— Нет. Только потише, пожалуйста.

— Хорошо. А то я подумал было, что ты прячешь в шкафу мужчину.

— Их у меня там несколько дюжин, — ответила Элинора. — Не пойму: как ты мог быть удачливым шпионом, если не можешь что-то найти без шума?

— Я никогда не говорил тебе, чем я занимаюсь. С чего ты взяла, что я шпион?

— Представь себе, просто догадалась, — недовольно пробормотала она.

Внезапно Себастьяну пришла мысль осмотреть содержимое ящиков супруги. Разумеется, он не собирался искать там свое белье, а намеревался внимательно изучить вещи жены. Кто знает, какие секреты он обнаружит?

Муфточки, подвязки, ленты — и черный бархатный костюм домино. Нет, в этом ящике нет ничего интересного.

Себастьян закрыл ящик и перешел к следующему. Там он увидел переложенную засушенными цветами белую крестильную рубашечку.

Эта находка стала для него потрясением. Себастьян бережно расправил складки рубашки. Это церковное одеяние предназначалось для ребенка, которого они с Элинорой потеряли?

Себастьян почувствовал, как у него задрожали руки. Когда Элинора сообщила ему о том, что потеряла ребенка, он был так убит горем, что даже не мог обсуждать с ней это. Он и сейчас боялся об этом заговорить. Ведь это женщины склонны к разговорам и всплеску эмоций. А мужчине не пристало показывать свою слабость.

Будут ли у них когда-нибудь еще дети?

— Ну, долго еще? — взмолилась Элинора.

Проглотив комок в горле, Себастьян опустился на колени, чтобы открыть верхний ящик, и наконец, извлек из него свое нижнее белье.

Он продолжил осматривать гардероб. Хотя в левой части шкафа для одежды на вешалках было гораздо просторнее, чем в правой, присутствие трех его рубашек — двух из муслина и одной из батиста — свидетельствовало о том, что если и не в сердце жены, то хотя бы в шкафу у Себастьяна все еще было свое место.

Вот только... А это точно его рубашки? А что, если нет?

Несмотря на мучившие его временами провалы в памяти, Себастьян был твердо уверен в том, что никогда не появлялся на людях вот в этой рубашке с гофрированными манжетами и кружевами спереди.

Пока Себастьян одевался, сидя на табурете, его обуревало сомнение. Предназначалась ли эта рубашка для Мейфэрского незнакомца или это была рубашка любовника Элиноры?

Себастьяну ужасно хотелось разбудить жену и немедленно потребовать от нее объяснений.

А вдруг окажется, что пока он был в отъезде, Элинора и вправду делила свое ложе с другим мужчиной?

Нет, сейчас Себастьян не чувствовал себя готовым взглянуть правде в глаза. Хотя раньше, узнав об этом, посмотрел на супружескую измену сквозь пальцы.

Да, пресыщенное высшее общество адюльтером не удивишь. Но Себастьяна никогда особенно не заботило падение нравственности в среде аристократов.

По большому счету ему было все равно, что делают другие жены.

Больше всего на свете в этот момент Себастьяна заботила только его собственная жена и то, чем она занималась, пока его не было дома.

Ведь Элино́р — его женщина.

Пусть даже все это время его не было рядом с ней и он не мог ее защитить — он сделает это сейчас. У него есть на это право, данное ему Богом. Право мужа.

...Миновав холл, Себастьян вошел в маленькую уютную гостиную, собираясь посидеть там со стаканчиком бренди, но его внимание привлек какой-то шум, доносящийся с улицы. Он поставил стакан на стол и прислушался. Послышалось лошадиное ржание, за ним последовал звук шагов, и затем раздался уверенный стук в дверь. Кто мог прийти к ним так поздно? Кто ходит в гости посреди ночи?

Кто бы это ни был, видимо, он не сомневался в том, что его ждет радушный прием.

Себастьян поднялся с кресла. Ему не терпелось узнать, что за гость пожаловал в их дом в столь позднее время. Может быть, это снова пришел Уилл, кузен Элино́р? Герцогиня могла попросить его отнести срочное послание. Или потребовать срочно доставить последнее из писем, которое удалось добыть. Себастьяну надо раз и навсегда положить конец этим ночным проделкам.

Едва он спустился по лестнице, направляясь к двери, как его шотландская борзая выскочила из темноты и с неистовым лаем бросилась к нему. Будь инстинкт защитника направлен не на хозяина, а на ночного гостя, он, пожалуй, даже похвалил бы пса за бдительность, но Тег угрожающе скалил зубы, считая угрозой не кого-нибудь, а самого Себастьяна.

— Прекрасно, маленький предатель. Посмотрим, будет ли Уилл чесать тебе живот и давать тебе лучшие кусочки из своей тарелки.

Однако, когда Себастьян открыл дверь ночному посетителю, на пороге стоял вовсе не кузен Элино́р.

Это был совершенно незнакомый мужчина, который и сам, судя по всему, был несказанно удивлен, увидев Себастьяна. Изумление гостя было таким неподдельно искренним, что на мгновение Себастьяну показалось, что это не гость нарушил его ночной покой, а он сам вторгся на чужую территорию.

Себастьян скрестил руки на груди и нахмурился. Мужчины молчали и мерили друг друга взглядами. Оценивающими взглядами. Испепеляющими взглядами, убивающими все живое. Кроме самых сильных инстинктов.

— Кто вы такой? — спросил Себастьян, выпятив вперед грудь и глядя сверху вниз на непрошеного гостя.

— Нейтан Беллисант, — немного дрогнувшим голосом ответил тот. — Мне не следовало беспокоить вас в столь поздний час, но я... я — друг... вашей...

— Жены, — подсказал Себастьян и холодно уточнил: — Моей жены.

— Да.

— Мы с леди Боскасл уже много лет женаты.

Себастьян старался вспомнить имя, которое назвал непрошенный гость. Беллисант? Молодой человек был хрупкого телосложения, с худым лицом и влажными глазами. У него были руки с тонкими пальцами художника или музыканта.

На первый взгляд в этом человеке не было ничего пугающего. Себастьян мог бы одним ударом свалить этого слабака с ног. Однако это вовсе не означало, что он был готов пригласить незнакомца в свой дом, чтобы выпить с ним чаю в гостиной.

Напротив, появление посреди ночи самонадеянного незнакомца у них дома вызвало у Себастьяна приступ гнева.

«Наглый выскочка. Захватчик, вторгшийся на чужую территорию. Как ты посмел постучаться в дверь моей жены и сколько раз ты уже делал это до этого, пользуясь моим отсутствием?» — вертелось в голове у Себастьяна.

Судя по всему, Беллисант растерялся и не знал, что предпринять. Что никак не вязалось с тем, как настойчиво он барабанил в чужую дверь всего пару минут назад.

Может быть, этот мерзавец смутился, столкнувшись нос к носу с мужем Элинор, который был в отъезде? Или вообще не знал о том, что у нее есть муж. Когда молодой человек увидел Себастьяна, в первую секунду у него было такое лицо, словно перед ним возник призрак.

«Нет, представьте себе, я живой человек», — думал Себастьян, а внутри у него все закипало от бессильного гнева.

Каким же он был самонадеянным и глупым! Следовало догадаться, что кто-то попытается занять его место рядом с Элинор, пока его нет.

Однако это не означает, что Себастьян, едва успев вернуться, собирается уступить свое место сопернику.

Незнакомец, казалось, горел желанием объясниться.

— Полагаю, вы лорд Боскасл. Я... Для меня большая честь наконец-то познакомиться с вами. Я сожалею, что наша первая встреча произошла вот так, как сейчас. Мне так неловко. Мне хотелось произвести на вас лучшее впечатление.

Вежливость Беллисанта, в которой ему нельзя было отказать, только подлила масла в огонь. Себастьян еще сильнее помрачнел. Он мог предположить, что женщины легко попадают под необъяснимое очарование этого юноши, и он посчитал полезным узнать, в чем секрет притяжения соперника.

Себастьян и сам был не промах и, обуздав свой гнев, решил использовать ту же уловку,

что и Беллисант, напустив на себя безобидный вид.

— Полагаю, вас пригласили сюда с какой-то целью, а у меня это вылетело из головы?

Беллисант энергично замотал головой:

— Что вы. Это моя вина. Будучи по натуре человеком импульсивным, я возвращался домой и, заметив свет в вашей гостиной, решил воспользоваться моментом и вернуть книгу, которую брал у леди Боскасл.

«Леди Боскасл». Себастьян готов был поспорить, что, если бы дверь открыл не он, а его жена, этому молодому человеку не пришлось бы в голову обращаться к Элинор так официально.

Он бросил взгляд на скромный фаэтон, в который была запряжена одна-единственная лошадь.

Да и сам Беллисант был не слишком шикарно одет. Старый плащ, отороченный мехом лисы, и поношенные коричневые сапоги знавали лучшие времена, выходит, этот человек делал ставку не только на одну свою внешность.

— Вы могли оставить книгу слуге, — резко сказал Себастьян.

— Мне так и следовало поступить. Как-то это сразу не пришло мне в голову.

Себастьян начинал терять терпение. Он знал, что Элинор не было дела до общественного положения человека. Зато на нее производили впечатление личные качества и таланты. Интересно, если бы дверь открыл не Себастьян, а слуга, узнал ли бы он в Беллисанте частого гостя и не проводил ли бы его в дом тайком?

И почему противный пес не подает голос? Значит, Тег не видит в ночном посетителе никакой опасности для своего хозяина? Что касается самого Себастьяна, его собственное чутье подсказывало ему обратное.

— Я сам отдам ей эту книгу, — холодно сказал он, собираясь запереть дверь.

— Позвольте мне сначала забрать ее из экипажа. — Прежде чем Себастьян смог уличить Беллисанта в том что никакой книги на самом деле нет и что это было только неудачным предлогом для визита, ночной гость побежал к фаэтону.

Через пару минут, конфузливо улыбаясь, он вернулся, и впрямь держа в руках какую-то книгу. Похоже, что она на самом деле существовала. И вообще, как это было ни неприятно, но Себастьян вынужден был признать, что этот Беллисант был из таких молодых людей, которым, вероятно, нельзя не симпатизировать. Если только он не был охотником до чужих жен...

— Спасибо, лорд Боскасл, — сердечно поблагодарил Себастьяна молодой человек. — И еще раз покорнейше прошу извинить за нечаянное вторжение.

Ну уж тут непрощеный гость не прав — коль скоро хозяйский пес, не обращая внимания на Себастьяна, так и норовит ласково ткнуться носом прямо в руки Беллисанта. Кажется, этот человек часто бывал здесь, судя по тому, как его радушно встречают.

Создавалось впечатление, что это Себастьян здесь лишний. Это он, оказывается, вторгся на чужую территорию.

Он вспоминал ночь любви с Элинор и теперь представил все, что было между ним и женой, совсем в другом свете. А вдруг та страсть, которую дарила ему Элинор, на самом деле предназначалась другому мужчине?

— Ах ты, гадкий шельмец! — сквозь зубы проговорил он, когда Беллисант проворно вскочил в фаэтон. Не было ни малейших сомнений в том, что тот был вхож в этот дом. Ах, лучше бы Себастьян не цацкался с ним! Вместо того чтобы милостиво взять у него книгу,

надо было позаботиться о том, чтобы этот визит стал последним в жизни молодого наглеца.

Но неужели жена разглядела что-то в этом, безусловно, обладавшем обаянием, молодом человеке? Себастьян попытался представить Беллисанта и Элинор вместе. Как они сидят в гостиной дождливым вечером и, взявшись за руки, читают книгу. А может быть, местом действия была не гостиная, а спальня?

Себастьян остановился у лестницы и посмотрел на свою собаку.

По крайней мере хотя бы пес ничего не имеет против того, чтобы он поднялся в спальню.

— Так, значит, приятель, мы с тобой достигли некоторого взаимопонимания?

Собака лизнула его руку и спокойно направилась к лестнице. Не то чтобы пес окончательно признал в Себастьяне своего хозяина, однако он уже не видит в нем угрозу. А может быть, со стороны пса это был искренний жест сочувствия и жалости?

Да, все меняется и ничто не стоит на месте. Сейчас все совсем не так, как было прежде.

Ничего. Теперь, когда он выполнил долг перед страной и доказал, что в состоянии ей служить, настал черед сделать то же самое для своей семьи. Пришло время произвести впечатление на свою супругу.

Себастьян задумчиво посмотрел в ту сторону, где была расположена супружеская спальня.

Элинор лежала в постели, прислушиваясь к звукам, доносящимся с улицы. Вот послышался топот копыт, а затем раздался лай Тега. Элинор довольно улыбнулась. Наверное, дверь открыл Себастьян. Скорее всего это вернулся Уилл, чтобы выпить стаканчик бренди и услышать похвалу в свой адрес за удачно разыгранный спектакль с пиротехническими эффектами во время маскарада. У кузена стало входить в привычку заявляться к Элинор в самое неожиданное время.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Тишина, внезапно наступившая в доме, натолкнула ее на мысль, что, вероятно, Себастьян вышел на улицу прогуляться. Он оставил дверцы шкафа открытыми, поэтому Элинор пришлось встать с постели, чтобы закрыть их самой.

Себастьян не задвинул нижний ящик до конца, поэтому шкаф не закрывался. Ах, значит, Себастьян не мог не увидеть ту детскую крестильную сорочку.

У самой Элинор на протяжении нескольких лет не хватало духу заглянуть в этот ящик. После выкидыша у нее не поднимались руки, чтобы выбросить наряд, заботливо приготовленный ею для будущего малыша. Хотя она знала, что никогда не наденет на своего ребенка эту сорочку, даже если когда-нибудь сможет снова иметь детей. Ведь она предназначалась для того малыша, который никогда не родится. Элинор аккуратно задвинула ящик и плотно закрыла дверцы шкафа.

Догадался ли Себастьян о том, что это была за сорочка?

... Пару часов спустя Элинор услышала его шаги и звук воды, льющейся из умывальника. Было раннее утро. Себастьян ложится спать? Может, ей лучше притвориться спящей?

Элинор не могла не сознаться, что соскучилась по плотским утехам супружеской жизни и с радостным предвкушением ждала их с Себастьяном следующую ночь любви. Судя по их прошлой пылкой встрече, он решил наверстать упущенное за эти годы. Элинор закрыла глаза и начала считать. Когда она досчитала до ста, дверь спальни отворилась, а затем снова тихо закрылась. Элинор ждала затаив дыхание, однако время шло и не было больше слышно

никаких звуков. В комнате наступила тишина. Она открыла глаза и села на кровати.

— Себастьян, — позвала она, удивленно оглядываясь по сторонам. Но никого рядом не оказалось.

Проклятие! Опять то же самое. Этот негодяй — ее муж — снова исчез. Элинонр испытала горькое разочарование.

В негодовании она отбросила одеяло — и тут вдруг наткнулась на какой-то твердый предмет, который лежал на кровати. Книга. Наверное, Себастьян хотел почитать в постели, пока она спит.

Элинонр стало интересно, какое литературное произведение могло заинтересовать ее мужа. Через мгновение она ахнула и нахмурилась. Это были сонеты Эдмунда Спенсера. Она одолжила эту книгу своему другу сэру Нейтану Беллисанту. Страница стихов была заложена листком бумаги.

Любимая, ты жизненным огнем

Охвачена, рожденным небесами... [\[1\]](#)

Элинонр сразу же узнала бисерный почерк Нейтана и цитату из Спенсера, которого они оба обожали. Ее приятель был художником и жил в мире своих фантазий.

Такие жесты были обычным делом среди людей из артистической среды. Это была не первая его записка подобного рода. Элинонр не придавала бы ей большого значения. Но ведь послание Нейтана передано ей ее мужем. Который, как Элинонр стало очевидно, увидел гораздо большее, чем содержалось в ней на самом деле.

Себастьян тайком проник в дом миссис Изабеллы Сэмпсон на Сент-Джордж-стрит и достал скандальное письмо из секретера прежде, чем встала горничная, чтобы разжечь огонь в камине.

Когда встало солнце, он уже был дома.

С блеском выполненное задание подняло Себастьяну настроение. Крайнее раздражение и гаев сменились чувством глубокого удовлетворения: эта маленькая победа, несомненно, разозлит Элинора.

Все прекрасно. Себастьян дома. Они с женой провели ночь вместе.

Однако все теперь совсем не так, как было раньше.

Да, Элинора занималась с Себастьяном любовью. Но его жена ни разу не призналась, что он дорог ей.

Он думал о лукавой улыбке Элинора, о ее темно-рыжих волосах, о пышных формах.

Себастьян вспоминал о том, как он много раз легкомысленно исчезал из ее жизни. И о том, как он никогда по-настоящему не замечал, что каждый раз, после его очередного возвращения, она постепенно делалась все более сильной и независимой, превращаясь в личность, которая вынуждает с собой считаться.

Подозрения в неверности. Письма от женщин, которые надеялись вступить в связь с влиятельным мужчиной — таким, как Веллингтон. Угораздило же его ввязаться в эти бабьи разборки! Заниматься подобными вещами всегда считалось ниже достоинства мужчины. В конце концов, он же офицер, а не дама-интриганка.

Однако было ясно, что привело его к этому.

Себастьян так сильно влюблен в Элинора, что с радостью воспользуется любой возможностью, чтобы изобразить перед ней героя. Для нее он был готов на любые подвиги. И похитить письмо, пока кто-то спит, было пустяком по сравнению с тем случаем на войне, когда, преодолев гору, он прыгал в повозку с гранатой в зубах. Когда Себастьян выполнял свои тайные задания, выслеживая потерявших совесть преступников, ему приходилось сталкиваться лицом к лицу с настоящими негодяями. А самым «зловещим» персонажем, которого мог встретить так называемый Мейфэрский незнакомец, был до смерти перепуганный дворецкий.

Или хитрый супруг, строящий козни.

Взять хотя бы, к примеру, сегодняшней случай.

Незаметно проскользнув через калитку с задней стороны дома, Себастьян разглядел в тумане знакомый силуэт жены Элинора, одетая в плащ, куда-то направлялась. Он хотел спрятаться, чтобы проследить за ней, но жена его заметила и остановилась.

Кто кого здесь выслеживает, интересно?

Он помахал ей.

Элинора скрестила руки на груди.

— Наконец-то, — пробормотала она.

Себастьян направился к жене. Он помнил, как понравился Элинора этот сад, когда она впервые его увидела. Себастьян не особенно вникал в то, как супруга вела дом, но он знал, с какой любовью она ухаживала за розами и выращивала лекарственные травы.

Теперь поздняя осень.

С каштана, на который можно было бы повесить качели для их будущих детей, листья уже облетели. На самом деле в этом саду все сейчас выглядело заброшенным и опустевшим. Природа словно замерла в оцепенении.

— Ну что, попалась? — насмешливо проговорил Себастьян. — Кого я только что застал? Раннюю пташку, когда она собирается вылететь из гнезда, или кошку, которая возвращается в дом после ночной охоты?

Элинор выразительно посмотрела на черную маску, которую Себастьян держал в руках, и понимающе улыбнулась. Она догадалась, где побывал он этой ночью. А вот чем занималась Элинор во время его отсутствия и где находилась все это время, представляло для Себастьяна загадку.

— Мне бы следовало задать тебе тот же самый вопрос, — сказала Элинор. — Однако можешь не утруждать себя объяснениями. Глупо было с моей стороны не догадаться сразу, что у тебя на уме.

— Насколько я помню, я сказал тебе обо всем прямо, Дорогая. О том, что ты больше можешь не волноваться о выполнении своего задания: я беру его на себя.

— Это очень любезно с твоей стороны, дорогой. Больше такое не повторится. И, знаешь... по правде говоря, выполняя задание герцогини, я сама не заметила, как постепенно вошла во вкус. Себастьян присвистнул.

— Ну что же, теперь у нас все будет по-другому. Теперь ты часто будешь отвлекаться, милая. Для этого есть веские причины.

Элинор покачала головой:

— С тобой нужно постоянно быть начеку.

Себастьян промолчал. Он вспомнил о вчерашнем ночном посетителе и о его отвратительной любовной записке. Себастьяну тоже нужно быть начеку.

Элинор готова была растерзать коварного супруга. Она как раз собиралась представить герцогине Веллингтон плоды своих трудов, чтобы потом почивать на лаврах, а Себастьян своим вмешательством спутал все ее планы.

Похоже, что теперь Элинор с герцогиней объединяет одна и та же проблема: у той и другой мужа суют нос в их дела.

После того как Элинор обнаружила в постели ту самую книгу, она торопливо собралась и отправилась на задание. Ей предстояло разыскать письмо в доме Изабеллы Сэмпсон, после чего она сразу же должна была явиться к герцогине, на Харли-стрит.

Онахватила с собой на задание зеленое яблоко и большой кусок сыра, чтобы поддержать в себе силы.

— Ты приготовила это яблоко для меня? — спросил Себастьян. — Какая заботливая жена! Признаться, я неплохо потрудился, и у меня разыгрался аппетит.

Элинор протянула ему яблоко.

— Как я понимаю, письмо у тебя?

Себастьян кивнул. Его серо-голубые глаза победно сверкнули.

Глядя на мужа, Элинор подумала, что перед ней самый настоящий хищник — хитрый, в меру голодный и коварный. Проглотив комок в горле, она молча смотрела, как Себастьян вонзил свои белые ровные зубы в яблоко, которое предназначалось для нее. Нет, больше она не позволит ему себя обыграть.

— Думаю, нам обоим пора домой. Вижу, ты и в самом деле проголодался. Обсудим все за завтраком.

— Завтрак? Звучит заманчиво. Кстати, поздно ночью вчера к тебе кое-кто приходил.

— Догадываюсь, — сказала Элинор и съежилась под пристальным взглядом мужа, который, похоже, намеревался вызнать у нее все ее тайны. — Полагаю, это был сэр Нейтан Беллисант.

— Имя звучит как музыка, не правда ли?

— Ты нагрубил ему?

— Ну что ты, милая. С чего ты взяла? — От зловещей ухмылки Себастьяна у Элинор по спине побежали мурашки. — Хотя зайти в дом и выпить со мной чашку чаю я его все же не пригласил, если ты это имела в виду.

— Себастьян, послушай...

— А еще я не набил ему его смазливую физиономию и не порвал его на мелкие кусочки, выбросив то, что от него останется, под проходивший по улице экипаж.

Элинор побледнела.

— Ты говоришь как самый настоящий варвар, — дрогнувшим голосом проговорила она.

— Неужели?

— И еще я слышу по твоему тону, что ты испытывав ешь садистское наслаждение, произнося вслух эти ужасные слова. Кстати, должна поставить тебя в известность, что Нейтан Беллисант находится под защитой герцогини.

— Рад за него! Хотя, с учетом щекотливости момента, я был с ним довольно любезен.

Себастьян взял Элинор за руку и повел в дом. Она не оттолкнула его.

— Давай сядем сейчас и обсудим все за завтраком как нормальная женатая пара, — твердо сказал он.

— Ты сам понимаешь, что мы с тобой уже давно таковой не являемся, — с обидой в голосе проговорила она.

— Но, как ни крути, мы по-прежнему супруги и по-прежнему пара.

— Пара соперников, — поправила мужа Элинор, заметив, как он прячет маску в карман.

Себастьян повернулся к жене и взял ее руку в свои ладони.

— Мы можем положить конец соперничеству между нами. Я буду счастлив выполнять поручения, возложенные на тебя герцогиней. Вместо тебя. — Он ласково поглаживал ее руки. — И тогда тебе не придется думать ни о каком другом долге, кроме долга жены.

— Я дала слово герцогине.

— Не забывай, что сначала ты дала слово мне, своему законному мужу, — с саркастической улыбкой проговорил Себастьян.

Элинор скривила губы:

— Ты, кажется, сказал, что голоден.

Он пылко обнял жену.

— Ты даже представить себе не можешь, до какой степени. Но это голод совсем другого рода, — шепнул он, прижимая Элинор к себе крепче.

Два часа спустя они встретились в столовой. Элинор была одета в красивое шерстяное платье небесно-голубого цвета, на Себастьяне были белая муслиновая рубашка и брюки из черного сукна. Если бы кто-то видел сейчас эту чинную пару за столом, он ни за что бы не догадался, что эти с виду совершенно обыкновенные лондонские господа на самом деле ведут тайную жизнь.

И еще, что они оба скрывают друг от друга много секретов.

Себастьян не знал, сколько раз Элинор завтракала в одиночестве, тоскуя о нем. Его больше волновало, ждали ли его здесь на самом деле. И была ли, по правде говоря, его жена верна ему?

— Может быть, у Элинор был мужчина, который скрасил ее одиночество?

— Мэри велела кухарке приготовить для тебя пудинг из каштанов, — как ни в чем не бывало сказала Элинор. Словно между ними все было хорошо.

— Что это за блюдо? — удивленно переспросил Себастьян, откинувшись на спинку стула.

— Хочешь кофе? — спросила Элинор, взяв изящный серебряный кофейник. — Или ты пристрастился к чему-то покрепче?

— Не откажусь от чашечки, — уклончиво сказал Себастьян. — А вот пудинг из каштанов есть не буду.

Может, он любил его раньше? Было слишком много вещей, которые он не мог воссоздать в памяти. Это было так мучительно — пытаться вспомнить какие-то детали и, роясь в копилке воспоминаний, находить там пустоту.

— Я подумала, что хоть эта еда может утолить твой неумный аппетит. — Элинор налила кипящий кофе в чашку. — Не забудь, что сегодня мы идем слушать оперу.

Себастьян искоса взглянул на жену. Как может он держать в голове столь малозначительные вещи, если в настоящий момент его занимает вопрос глобального масштаба: был ли у его жены другой мужчина?

— Я не меломан. Предпочел бы провести вечер дома.

Ну вот, приехали. Он снова встает в позу. Оказывается, сегодня они не будут слушать оперу. А ведь, возможно, если бы он всегда был рядом с женой, составляя ей компанию на всех этих светских мероприятиях, супруга бы не отдалилась от него и не сбилась с пути истинного. Элинор долго молча смотрела на мужа и улыбалась, и это почему-то раздражало Себастьяна.

— Понимаю, — мягко сказала она. — Но разве мы не договаривались, что нам следует как можно чаще бывать вместе на людях, чтобы никто не заподозрил, что Мейфэрский незнакомец появляется только там, где бываем мы?

— Давай лучше поговорим о твоём вчерашнем ночном визитере, — резким тоном потребовал Себастьян. — Полагаю, ты нашла книгу?

Элинор поморщилась. Она боялась поднять глаза от грелки с бисквитом.

— Да, разумеется, — со вздохом подтвердила Элинор. — Как это было мило с твоей стороны — положить книгу туда, где ее трудно было обнаружить.

— Я подумал, что, возможно, она связана с чем-то личным.

Элинор подняла на мужа глаза. В ее взгляде была искренность.

— Это могло подождать до... более подходящего времени.

— То же самое я подумал о твоём... — Себастьян сделал неопределенный жест рукой, — кем бы он там ни был.

— Он художник, — избегая смотреть на мужа, сказала Элинор, словно эта профессия все объясняла.

Себастьян подумал, что дело плохо.

— Нейтан — портретист, — продолжила она, глядя куда-то в сторону. — Герцогиня поручила ему написать портреты своих детей, чтобы сделать подарок мужу на Рождество. Это должно было стать сюрпризом. — Она добавила, запнувшись: — Поэтому не говори об

этом его светлости, пожалуйста.

— Сюрприз, говоришь? Ясно... — глухо проговорил Себастьян, хотя из объяснений Элинор не было понятно, почему этот наглец в поздний час стучал в дверь его жены, а не герцогини. — А что, он всегда пишет свои портреты с натуры посреди ночи?

Элинор надула губы:

— Не думаю. А что, ты ни с того ни с сего заинтересовался живописью? Не хотел бы сходить со мной в музей?

— Он посылает тебе любовные записки, — не желая ходить вокруг да около, выпалил Себастьян.

Элинор снова вздохнула и ничего не ответила. А муж упорствовал:

— Я бы ничего не узнал, если бы этот пустоголовый осел не вздумал использовать меня в качестве посредника.

Элинор натянуто улыбнулась:

— На самом деле автор этих поэтических строк, которые так тебя взволновали, — Спенсер, хотя сам Нейтан написал и опубликовал несколько сборников стихов.

— А что, это так важно для тебя?

— Отнюдь!

Себастьян нахмурился:

— Он всегда ходит в гости по ночам?

Элинор покачала головой, теребя край скатерти:

— Нет. Только в особых случаях.

— И что, есть еще кто-то, для кого двери этого дома открыты и днем и ночью? Тот, кого ты приглашаешь к себе? — не глядя на жену, спросил Себастьян.

— Вчера я его не приглашала, — спокойно и дружелюбно глядя на Себастьяна, пояснила Элинор. — Нейтан принадлежит к тому не стесненному условностями типу импульсивных натур, которые живут как им заблагорассудится.

Себастьян недовольно поморщился:

— Значит, Нейтан порхает по жизни, как мотылек, находя свое вдохновение то тут то там... Как бы ему не сгореть в огне свечи.

— Надеюсь, ты не выскажешь ему все это, когда он придет сюда в следующий раз?

— Что-то мне подсказывает, что он сюда больше не вернется.

— Ну, если Нейтан так сильно расстроится, что не сможет закончить в срок портреты сыновей герцога, у всех у нас начнутся неприятности.

— Уверяю тебя, перепады настроения жалкого бесталанного художника меня беспокоят меньше всего, — возвысив голос, резюмировал Себастьян и с удовлетворением увидел, как у Элинор округлились глаза. — И полагаю, что то же самое сказал бы и герцог.

В этот момент в столовую вошел лакей, чтобы убрать грязные тарелки.

— Можно, милорд? — с опаской взглянув на хозяина, осторожно спросил он.

— Да-да, я закончил.

Однако Себастьян был по-прежнему голоден. Даже сотня подобных этому «цивилизованных» завтраков не смогли бы его насытить. Пока он снова не вернет себе свою власть в семье, которую потерял. Не исключено, что ее перехватил художник-портретист.

Элино́р сидела одна у камина и размышляла. Она прекрасно понимала, чего хотел ее муж: ему не терпелось узнать, хранила ли она ему верность во время их долгой разлуки.

Но та же самая неопределенность мучила и Элино́р. И столь же каверзный вопрос вертелся в ее голове. Она понятия не имела, был ли верен ей муж все эти годы. Могла ли она быть убеждена, что он ни разу за все это время не переспал ни с одной женщиной? Это при его-то кипучем темпераменте? Возможно ли это, что ни одна юная барменша, ни одна хорошенькая служанка или, наконец, даже дочь посла ни разу не разделила с ним ложе?

И вот теперь супруг загорелся мыслью узнать, побывал ли кто-то в постели его жены, пока она жила одна. Он мог быть спокоен. У нее не было любовника. Даже мысли такой не возникало. Она всегда старалась сторониться искушений, и ей не в чем было себя упрекнуть. Так что Себастьян мог не волноваться об этом.

Хотя Нейтан Беллисант до последнего момента не оставлял надежды, что Элино́р передумает и уступит ему. Что ж, она готова была признать: ей льстило внимание этого очаровательного молодого человека.

Художник не только по профессии, но и по натуре, он жил согласно собственным, а не общепринятым моральным принципам. Поэтому его не особенно тяготило то, что его дама сердца была замужем. Элино́р было интересно с этим вольнодумцем, который умел быть замечательным другом. Но зря она согласилась позировать ему для портрета.

Когда Элино́р отказалась стать его любовницей, Беллисант поклялся, что добьется ее благосклонности и будет ждать, когда ее сердце смягчится. Она только рассмеялась в ответ и добавила, что тогда ему придется ждать вечно.

Дело в том, что Элино́р прикипела сердцем только к одному мужчине — своему мужу, который, похоже, едва успел произнести супружеские обеты у алтаря, как тут же благополучно позабыл о них.

Однако ей было свойственно постоянство в любви. Она из тех женщин, которые серьезно относятся к своим обещаниям. И если Себастьян до сих пор этого не понял, значит, он женился на ней, совсем ее не зная.

Себастьян размышлял над ситуацией, которая, судя по всему, расстраивала его гораздо больше, чем его жену. Элино́р, напротив, словно воплощала собой само спокойствие. Ведь ей, по существу, нечего было скрывать.

По правде говоря, разоблачать заговоры и срывать маски с мятежников, готовящих политические заговоры, оказалось гораздо проще, чем разгадать, в какого человека превратилась супруга под коварным руководством герцогини.

Вот, например, вопрос с этим так называемым приятелем Элино́р так и не был решен. Что это за «дружба» такая? На какой почве она возникла?

Себастьян продолжал разговор на эту тему даже тогда, когда они с женой собирались в оперу.

— Опера, — недовольно бурчал он. — Чего в ней хорошего? Разве я не сказал, что не хочу туда идти?

— Не пойму: ты разговариваешь сам с собой? — спросила Элино́р, решая, какие драгоценности наденет в этот вечер.

— По сути, так и есть, — подтвердил Себастьян, глядя на свое отражение в зеркале.

— И часто ты это делаешь?

— Возможно. Черт побери, я только что сказал, что не люблю оперу.

Элино́р тяжело вздохнула:

— Так мы идем или нет?

Внезапно Себастьяна охватило желание наконец понять, что же его жену так привлекает в этой опере, и он решил сдаться.

— Идем.

В конце концов Себастьян посчитал, что сопровождать жену везде, где она бывает, — не такая уж плохая идея. Он перевел взгляд на дубовые стены спальни:

— А где твой портрет?

— Тот, который написал Бельфлауэр? — уточнила она.

Элино́р примеряла у зеркала изумрудное ожерелье. Глядя на жену, Себастьян замер: он не помнил, чтобы когда-либо дарил ей это элегантное украшение.

— Это ожерелье...

— Думаешь, оно чересчур яркое? — Она потрогала камень рукой. — Зеленое обычно мне идет, сочетаясь с цветом волос, но это платье слишком светлое.

У Себастьяна отлегло от сердца, когда он вспомнил, что это украшение перешло жене от ее покойной бабушки. Слава Богу, что память его не подвела. Иначе бы снова поставил себя в глупое положение, подозревая жену в несуществующих грехах.

Он улыбнулся, чтобы скрыть смущение:

— Никаких сомнений. Мне очень нравится.

— Правда? — недоверчиво переспросила Элино́р. — В таком случае скажи, пожалуйста, почему у тебя было странное лицо, когда ты его увидел? Словно оцепенел от ужаса.

— Что ты говоришь?

— Себастьян, ты неважно выглядишь. Как ты себя чувствуешь, дорогой? — с искренней заботой в голосе спросила она.

— Я в порядке... — Себастьян проглотил комок в горле. А затем вздохнул, не понимая, как удастся Элино́р хорошеть с каждым днем. Сейчас она была даже красивее, чем тогда, когда они поженились.

— О, дорогой, если тебе нездоровится, мы можем остаться дома.

— Нет уж, — решительно заявил Себастьян. — Со мной все нормально.

— Я хочу, чтобы мы всегда были вместе, милый, и очень рада, что ты идешь со мной.

— Я тоже.

Элино́р стояла перед ним в вечернем платье из сиреневого шелка, воплощая собой само искушение.

— Может, нам стоит все-таки немного задержаться? — спросил он, охрипнув от вспыхнувшего в нем желания.

— О, ради Бога, Себастьян! Мы же опоздаем.

Пылкий взгляд мужа был красноречивее слов.

— Зато мы приедем в оперу счастливыми.

Элино́р покачала головой, но ее глаза заблестели, а щеки вспыхнули. И она не сдвинулась с места.

— Мы с кем-то там встречаемся? — спросил он глухо.

— Вовсе нет.

Они молча смотрели друг на друга. Себастьян пожал плечами:

— Ну, если нас там никто особенно не ждет, я думаю, можно немного опоздать.

— Будет неприлично приехать посреди спектакля.

— Почему? Я хочу быть с тобой именно сейчас.

— Я ведь уже одета, — возразила Элино́р.

— Это нетрудно исправить, — сказал Себастьян и улыбнулся, предвкушая вечер с ней наедине. — Я просто не в силах устоять перед моей женой. Разве это плохо?

— Знаешь, ты слишком долго отсутствовал, я как-то отвыкла от твоего переменчивого характера.

— Что за идиот, — пробормотал он себе под нос.

— Кто, извини?

— Я, конечно. Кто же еще?

Себастьян решительно шагнул к Элино́р, а потом сделал к ней еще один шаг, словно ставя точку в их разговоре. Она склонила голову — то ли она сдалась, то ли происходящее ее забавляло, то ли, то и другое вместе. Но Себастьян ясно видел желание у нее в глазах. Он расстегнул пуговицы на ее платье. Элино́р искала его глаза жадным взглядом, видя, что он испытывает сильное влечение. Изумрудное ожерелье расстегнулось и упало в ее декольте.

Элино́р ахнула.

— Позволь, я достану, — поспешил предложить свою помощь Себастьян.

— Я и сама могу это сделать.

— Позволь все-таки мне. Я соскучился по этим маленьким радостям, которые успел позабыть.

— Большими радостями ты тоже пренебрег, — пробормотала Элино́р.

— Я это понимаю, — сказал Себастьян, лаская ее взглядом. — Больше я ничего не собираюсь пропускать.

Элино́р хотела что-то сказать, но раздумала, и Себастьян расценил это как хороший знак, говорящий о ее согласии. Глядя на жену как замороженный, он ласкал ее нежную шею, а затем его рука проскользнула в вырез платья. Элино́р вздохнула. А может быть, это был тихий стон — Себастьян точно не разобрал. Кровь стучала у него в висках, и было трудно четко соображать.

— Ну вот, — пробормотал Себастьян, когда упавшее украшение было у него в руке. — Если бы ожерелье находилось там немного дольше, металл расплавился бы от тепла твоего тела.

— Ты жульничаешь, — ласково сказала Элино́р.

Себастьян наклонил голову и потерся щекой о ее шею и грудь.

— Почему? — прошептал он улыбаясь.

— Просто пользуешься ситуацией.

Он поцеловал ее шею в том месте, где билась жилка.

— Какой же?

— Тем, что я заброшенная жена, падкая на грех.

Он ненадолго остановился.

— Все мы такие. Но больше ты никогда не будешь заброшенной, это я обещаю.

«Падкая на грех». Как ему следует понимать ее слова? Означают ли они, что его жена с кем-то спала без него, или нет?

Себастьян зажал ожерелье в кулаке и взял Элино́р за руку.

— Нам нужно немедленно заняться этой проблемой.

— Как это любезно с твоей стороны, — тихо проговорила она, стараясь унять волнение.

— Нам с тобой нужно многое наверстать.

— Не вижу смысла спорить.

Себастьян пожирал ее глазами.

— Вчера ночью ты была очень мила со мной.

Элино́р озабоченно потрогала прическу.

— Я убила уйму времени, чтобы уложить волосы как надо.

— Никто ничего не заметит.

— Там будут мои друзья, которые очень наблюдательны. Некоторые из них не верят даже, что у меня и в самом деле есть муж.

Себастьян сделал вид, что понимает озабоченность супруги, сочувственно кивая, когда та жаловалась на то, сколько времени ей понадобится, чтобы снова привести себя в порядок. А сам в это время мечтал о том, как это будет красиво, когда ее тщательно уложенные волосы упадут волнами на ее обнаженные плечи...

Себастьян задыхался от желания. Элино́р нужна ему — податливая и доверчивая, как прежде.

Он должен не просто заново отвоевать себе место в ее жизни, но и убедить жену, что намерен свято чтить клятвы, которые давал у алтаря.

Он всегда любил Элино́р.

Но не всегда вел себя так, как те люди, которые любят.

И, как мужчина, Себастьян знал, что капитуляция в постели не всегда означала горячее одобрение и осознанный выбор. Все можно объяснить томлением плоти.

Он понимал, какая трудная задача перед ним стоит.

— Мы не едем в оперу, — твердо заявил Себастьян.

А потом схватил жену на руки и отнес в постель.

Элино́р перекатилась на другой конец кровати, теперь ему трудно было до нее достать.

— Нет, едем. Я этого хочу, — сказала она с очаровательной улыбкой, надеясь его уговорить. Что только еще сильнее укрепило его решение внести поправки в план развлечений на сегодняшний вечер.

— Я не могу ехать в оперу в таком состоянии.

Элино́р посмотрела на его брюки.

— О Господи, Себастьян, твои мужские части тела буквально рвутся наружу!

Он рассмеялся:

— Я больше не собираюсь изображать какого-то незнакомца для тебя. Хочу снова быть твоим мужем. Ведь это так естественно.

— Может быть, мне хочется выехать в свет, чтобы тобой похвастаться, — прошептала Элино́р. — Ты этого не допускаешь?

— А я намерен остаться сегодня дома, чтобы ты принадлежала только мне. — Себастьян наклонился и поцеловал ее. — Я хочу тебя.

А то, что хотел Боскасл, он всегда получал. Много лет назад на балу Элино́р случайно слышала, как одна дама предостерегала свою подругу. Та, конечно, не послушала свою советчицу. Как и Элино́р, к сожалению.

Но теперь она и сама — леди Боскасл. И ей не терпится поскорее раздеть мужа и сделать его беззащитным перед ней и послушным ее воле. Он это заслужил. И она тоже. А о

своих условиях она заявит немного позже. Сейчас она не меньше супруга нуждалась в ласках и жарких поцелуях.

— Ах, Себастьян, тебе трудно отказать, — вздохнула она и добавила: — Хотя, по правде говоря, ты...

— Продолжай, — с улыбкой попросил он.

Элинор подумала, что Себастьян для нее воплощал все — желания души и тела.

— Ты супруг, слишком надолго отдалившийся от семьи. Согласен с такой формулировкой?

— Ты доверяешь мне? — спросил он, целуя Элинор в шею.

— Не совсем.

— Ты хочешь меня?

— К сожалению, да. Не буду лукавить.

Себастьян тихо застонал и продолжил одной рукой раздевать ее, другой расстегивать свою одежду. Он и сам не заметил, как через пару мгновений они оба очутились на полу, но так как Элинор не возражала против этого, ему было все равно, как это произошло.

Более того, его жена с жаром подхватила его порыв, страстно желала его, вся как бы воспламенилась. Себастьян узнавал Элинор — и в то же время не узнавал. Как она его назвала только что? Супруг, отдалившийся от семьи? Честно говоря, ему это не пришлось по вкусу.

Себастьян наклонился над ней и стал целовать ее грудь. Он так часто и тяжело дышал, что ему казалось, что он вот-вот лишится чувств.

— Ну что, это лучше, чем опера? — с насмешливой улыбкой прошептал муж, а затем вошел в ее влажную плоть, ощущая, как она с готовностью принимает его.

Элинор застонала, а ее замысловато уложенная прическа развалилась, пряди волос рассыпались по подушке.

— О чудеса! — стонал Себастьян. — Как хорошо! Прекрасно! Ты хочешь еще сильнее?

— Думаешь, такое возможно? — в полузабытьи пробормотала она.

— Я сейчас не в состоянии думать.

— Тогда я согласна.

— Например, так?

Он изогнулся, входя в нее с неистовым рвением. Она откинула голову, выгнула спину и тихо застонала. Он со стоном вошел в нее сильнее, увеличивая интенсивность толчков. Его пульс участился, глаза были полузакрыты. Она с готовностью отвечала на его толчки — снова и снова.

Когда все закончилось, они оба еще несколько минут не могли прийти в себя. Лежа на полу, Себастьян чувствовал себя как идолопоклонник у ног своего божества. Его мысли витали где-то между небом и землей, когда он почувствовал, как Элинор тронула его плечо. К нему вернулась связь с реальностью.

— Не засыпай, — сказала она.

— О чем ты? Какой сон? Я никогда еще не ощущал себя таким свежим. — Себастьян открыл глаза, чтобы полюбоваться ее прекрасным обнаженным телом, которое казалось еще красивее при свете свечей. — Словно только что очнулся от долгого сна. Голова хорошо работает. А теперь расскажи-ка мне всю правду, милочка.

— О нет, не начинай все снова! Надоело!

— Прежде всего ты толком не ответила на мой вопрос.

— Потому что мне нечего тебе сказать.

— В таком случае разуверь меня. Я места себе не нахожу. Верни мне душевный покой.

Элино́р молча начала отодвигаться от мужа. Он сел и обнял ее за талию, не позволяя отдалиться.

— Я хочу знать! — с жаром воскликнул Себастьян. — Я должен быть в курсе дела. Что значит для тебя этот самый Беллисант? Кто он тебе?

Элино́р снова прильнула к мужу, и ему стало тепло от ее прикосновения. Себастьян ласково погладил руку жены.

Она молчала, и ему казалось, что это длится целую вечность.

— Он похож на шампанское, — наконец медленно, как бы размышляя вслух, проговорила Элино́р.

— Вот как? — с неприятным смешком вскричал Себастьян. — Да ведь это замечательно, не правда ли?

Элино́р повернулась к мужу и стала покрывать поцелуями его обнаженную грудь.

— Шампанское... — задумчиво проговорила Элино́р. — Сначала оно кажется тебе довольно приятным на вкус, но его легкость обманчива. Этот напиток так ударяет тебе в голову, и к нему можно пристраститься.

— О, ради Бога, не мучь меня! — взмолился Себастьян, чувствуя, как в нем медленно поднимается гнев.

— А ты, — как ни в чем не бывало спокойно продолжала она, — вода.

— Что? — с отвращением проговорил Себастьян. — Так, значит, ты считаешь, я — обычная вода?

— Без которой — увы! — нельзя жить, — поправила Элино́р. — Без шампанского можно обойтись. А без воды — никак.

Она поднялась раньше, чем он успел ее задержать.

— Наконец-то я узнал, чем ты меня считаешь, — с обидой в голосе повторил Себастьян, с подозрением следя за каждым движением Элино́р.

Она оглянулась и посмотрела на него, и от ее задумчивого взгляда у него перехватило дыхание.

— Хотя, если задуматься, — без особого энтузиазма сказал Себастьян, — то вода, смешанная с хорошим шотландским виски, — это еще куда ни шло. Хотя, признаться, это не совсем то, что мне хотелось бы услышать.

Элино́р покачала головой:

— Почему у меня такое чувство, что ты непременно собираешься получить то, чего хочешь?

Себастьян улыбнулся, а затем поднялся с пола.

— А мне кажется, что не за горами тот день, когда ты не сможешь отделить свои желания от моих.

— Посмотрим, — сказала Элино́р и загадочно улыбнулась, направляясь в гардеробную.

Элино́р сидела в ложе оперного театра рядом с Себастьяном и размышляла о своем супруге. Он нарочно поставил себе целью путать все ее планы? Он расчетливый интриган, умело расставляющий ловушки? Или это получается у него само собой? Вместо того чтобы внимать прекрасной музыке, Элино́р пыталась разгадать, что на уме у мужа. В своем сиреневом платье из тафты рядом с супругом, облаченным в великолепный фрак, она чувствовала себя дурнушкой.

Элино́р немного робела, исподволь разглядывая Себастьяна. Конечно, нет никаких сомнений: ее изысканно одетый супруг — самый красивый мужчина в Лондоне. И к тому же абсолютная загадка для самой Элино́р.

Как только они подъехали к оперному театру и вышли из экипажа, к Себастьяну тут же подошли несколько старых знакомых, приветствуя его возвращение в свет. Один не слишком хорошо воспитанный джентльмен весьма недвусмысленно спросил Себастьяна, не означает ли его возвращение, что в скором будущем в их семье можно ожидать наследника. Элино́р сделала вид, что ничего не слышала, и только выше подняла голову.

Бестактный вопрос о наследниках повис в воздухе.

Элино́р повернулась, чтобы направиться к лестнице, и в этот момент услышала, что ответил ее муж неприятному господину:

— Вы абсолютно правы. Скоро у нас должен появиться ребенок. Это моя самая главная задача на сегодняшний момент. Подожди меня, моя милая, куда ты так спешишь?

— Хорошо, что я узнала о твоих намерениях, — шепотом сказала Элино́р, когда Себастьян догнал ее на лестнице. — Может быть, не стоит объявлять о своих намерениях плодиться и размножаться всем и каждому? Тебе не кажется, что это сугубо интимное дело?

Себастьян пожал плечами, насмешливо глядя на жену:

— А что еще я мог сказать?

— Можно было просто мило улыбнуться и промолчать, истинный джентльмен так бы и поступил.

И после этого Себастьян не проронил ни слова вплоть до того момента, как закончилась увертюра и завершилась первая ария, после чего он бережно взял Элино́р за руку и прошептал чуть слышно:

— Ты права, милая. Сначала я должен был обсудить свои намерения с тобой.

— Вижу, что ты и в самом деле не любишь слушать оперу.

В его глазах забегали озорные огоньки.

— Мне больше по душе любовные игры.

Элино́р бросила на него гневный взгляд. Себастьян ответил ей широкой улыбкой.

— Полно тебе. Не надо обижаться на того господина в фойе. Или на меня. Я вырос в большой и дружной семье. И нет ничего плохого, что надеюсь и сам завести большую семью. Разве мы уже это не обсуждали? Мы с тобой женаты много лет.

— Рада, что ты наконец это заметил, — вспыхнув, сказала Элино́р, не глядя на мужа. Она убрала руку Себастьяна, раскрыла веер и принялась им обмахиваться.

— С тех пор как я вернулся домой, я не замечаю ничего вокруг, кроме тебя.

Она молча отвернулась.

Очевидно, Себастьян даже не подозревает, что она до сих пор оплакивает ребенка,

которого потеряла. Помнит ли он вообще об этом? Элино́р думала о том, как ей было тогда одиноко, как она сердилась на мужа, потому что его не было рядом, чтобы поддержать ее в трудную минуту, и нечаянно уронила веер на пол. Они нагнулись одновременно, чтобы поднять его, и Элино́р почувствовала, как гладко выбритая щека Себастьяна коснулась ее щеки. От этой нечаянной близости и от волнующего запаха его одеколона она почувствовала себя обезоруженной.

Ее смущение усилилось, когда Себастьян осторожно спросил:

— Элино́р, разве ты не хочешь завести детей? Помню, когда-то ты очень хотела этого.

— Дай мне, пожалуйста, веер, — вместо того чтобы ответить, попросила она.

— Я видел ту крестильную рубашку в шкафу.

— Ах, — прошептала Элино́р, кусая губы. — Значит, ты не забыл?

Себастьян кивнул. Когда он протянул ей веер, она посмотрела на него и грустно улыбнулась. Он увидел у нее в глазах такую боль, что у него сжалось сердце. Себастьян пожалел, что затронул эту болезненную тему. Не надо было упоминать о ребенке. Только теперь, вернувшись домой и увидев, что его жена до сих пор хранит крестильную рубашку ребенка, который никогда не родится, Себастьян понял, что Элино́р все еще страдает.

Подняв глаза наложки, он увидел, как кто-то помахал в их сторону. Себастьян принялся разглядывать этих людей в театральный бинокль, опасаясь, что, возможно, это тайные поклонники его жены.

Он нахмурился, опустил бинокль, а затем снова направил его на ложу.

— Ради Бога, что ты делаешь, Себастьян? — шепотом спросила Элино́р.

— Нам машут три какие-то дамы преклонного возраста.

— Помашите им тоже.

Он протянул Элино́р бинокль.

— Но я их не знаю.

— Зато я знаю. Это агенты, и они работают на герцогиню, — пояснила она. Это трио входило в шпионскую организацию, состоящую главным образом из дам знатного происхождения и уличных девушек. Столь необычная шпионская сеть орудовала в Лондоне под руководством герцогини. Одна из этих дам, например, в любой момент была готова, получив задание, проследить за чьим-то неверным мужем и доложить о полученном результате его жене. Другая могла быть направлена с заданием к модистке, чтобы, тайно проникнув в ее мастерскую, увидеть, какие шляпки у нее находятся в работе. Чтобы герцогиня могла быть уверена в том, что никто не появится в такой же, как у нее. Иногда ее светлости требовалось разузнать, что говорят в кулуарах о лошадях, участвующих в скачках, чтобы не ошибиться, делая ставки. Все сотрудники герцогини страшно гордились собой и своими тайными заданиями. Точно так же, как и сама Элино́р.

— По-моему, этим дамам лет по семьдесят, не меньше, — удивился Себастьян. — И ты утверждаешь, что они...

— Леди Сэвил девяносто три, — пробормотала Элино́р. — И она одна из лучших агентов.

— Ты, наверное, шутишь? — недоуменно заморгал Себастьян. — Не хочешь же ты сказать, что все эти пожилые дамы... агенты-шпионы?

Довольная впечатлением, которое произвели ее слова на мужа, Элино́р улыбнулась. Как приятно видеть, как на ее глазах рушатся устаревшие представления о роли женщины в обществе!

— Недооценивать нас опасно, — многозначительно сказала она.

— Хорошо, учту на будущее, — с иронией произнес Себастьян. — И что, им известно, кто на самом деле этот Мейфэрский незнакомец?

Сделав большие глаза, Элинор зашикала на мужа:

— Тише, прошу тебя. Иначе об этом узнают все, кто пришел сегодня слушать оперу. Ты можешь сидеть тихо?

— Могу. Мне это часто приходилось делать — в подвалах, в пещерах, в бочках и даже в склепах. И часами я сидел там не шевелясь, если это требовалось.

— Как же везет мужчинам! — с завистью проговорила она. — Их жизнь полна приключений и опасностей.

— Ты и сама не промах, как я успел заметить. Похвала мужа была приятна Элинор. У нее радостно заблестели глаза.

— Спасибо.

Они посмотрели друг на друга, а затем Элинор потянулась к мужу и поцеловала его в щеку. Себастьян заморгал.

— Это было очень мило. Еще, пожалуйста.

— Подожди, когда мы приедем домой, — прошептала она.

— Я не могу смотреть на сцену — я хочу видеть только тебя.

Элинор улыбнулась. Она понимала своего мужа, чувствовала то же самое, желая целиком и полностью сосредоточиться только на нем одном.

Элинор проснулась за два часа до рассвета и, не зажигая света, оделась. Убедившись, что Себастьян продолжает спать, она поблагодарила Бога, что проснулась первой и что на этот раз муж не сможет расстроить ее планы.

Элинор увидела у двери маленький чемоданчик с отмычками. Ну и хитрец ее муж, не правда ли? Или Себастьян решил, что она потеряла голову после того, как он так восхитительно занимался с ней любовью? Или... неужели она добилась своего и он окончательно изнурен?

Элинор села за письменный стол и написала мужу записку, напоминая, что будет завтракать сегодня с герцогиней. Если Себастьян вбил себе в голову, что из-за него она намерена забыть о своем долге, его ждет неприятный сюрприз. Супруга положила записку на подушку и выскользнула из комнаты.

Выйдя на улицу, она на мгновение остановилась и оглянулась на окна спальни. Нет, слава Богу, знакомой фигуры у окна не наблюдалось.

Элинор вздохнула с облегчением. Значит, она еще не совсем потеряла голову от любви.

Она не ожидала, что ей так легко удастся улизнуть из дома. Но было ужасно неприятно оставлять Себастьяна в одиночестве.

На улице мелькали люди — подозрительные и самые обычные. Бродяги рылись в мусоре, надеясь отыскать там «сокровища», которые можно будет продать на рынке. Мусорщики собирали конский навоз, складывая его в мешки.

Мимо Элинор пробежал, тяжело дыша, мальчишка-рассыльный в очках. Она чуть не столкнулась с подмастерьем, который гнался за собакой, которая стащила тросточку у старика мастера.

Лондон — грязный, перенаселенный... и прелестный город.

Элинор зябко потирала руки в черных кожаных перчатках. Уилл с экипажем ждал ее на углу, на том же месте, как всегда. Сегодня утром Мейфэрский незнакомец предстанет не в

своем прежнем обличье, а примет образ скромной девушки-служанки — из тех, на ком никогда не задерживают взгляд. Элинонр шла прочь от дома — торопливо и не оглядываясь назад.

Хотя ей очень хотелось оглянуться.

Потому что впервые за все время, прошедшее с начала ее «маскарада», личная жизнь леди Боскасл казалась Элинонр более захватывающей, чем жизнь персонажа, в которого она преображалась.

Судя по теперешнему местожительству Тесс Эллиот, для нее настали тяжелые времена. Ее меблированные комнаты были расположены в захудалом районе, в закутке неподалеку от Ковент-Гарден, возле конторы ростовщика.

Единственным человеком, которого Себастьян заметил поблизости, была пышногрудая прачка в белом чепце с рюшами. Увидев его, она округлила глаза, а затем принялась поспешно снимать белье с веревки, протянутой между двумя соседними домами.

Тот факт, что его вид испугал бедную женщину, нисколько не расстроил Себастьяна.

Какая здравомыслящая женщина захочет лишний раз привлечь внимание верзилы, слоняющегося по темным аллеям Лондона посреди ночи?

Себастьян видел, как толстая прачка торопливо зашла в дом, неся в руках плетеную корзину с еще недосушенным бельем.

Спальня мисс Эллиот выходила на аллею, пахнущую помоями и сыростью. Себастьян взломал дверь черного хода, предназначенную для слуг, и вошел в дом, пока его слуга Мик стоял на часах в темной аллее.

Дверь в спальню была приоткрыта, и из нее доносился дружный храп.

Себастьян заглянул в комнату, где спали обнаженные мужчина и женщина. Тесс лежала в объятиях тучного господина. Возле кровати стояло прислоненное к столбику кремневое ружье.

Себастьян был рад, что Элинор не сопровождала его в этой операции. Ему становилось не по себе от мысли, что его жена могла бы появиться в этом убогом районе. Хватит с нее тех многочисленных вылазок в трущобы, когда ее единственным защитником был Уилл, что само по себе смешно.

Эта упрямая и жаждущая приключений женщина вбила себе в голову, что ей сам черт не брат. Себастьян мог бы обучить ее паре трюков, как незаметно проникать в чужие дома.

Он бесшумно прокрался к туалетному столику, покрытому слоем пыли в палец толщиной. Затем обыскал платяной шкаф и несессер Тесс Эллиот. В самом деле печально, что признанная в обществе красавица дошла до такой жизни. Гребень, сломанные часики, дешевая бижутерия, два письма от кузины из Суррея с требованием вернуть долг, золотой соверен — вот и все сокровища, которые удалось обнаружить.

Ничего, что могло бы представлять интерес.

Снова и снова мысли Себастьяна возвращались к жене. Скорее всего, когда он вернется домой, Элинор все еще будет у герцогини. Он проявит деликатность и не будет хвастаться тем, что одержал над ней верх. Будучи здравомыслящей женщиной, Элинор простит Себастьяна и примет как должное его превосходство в шпионском ремесле.

Себастьян наклонился и принялся обыскивать нижний ящик комода. Еще безделушки. Никакого намека на интригу. Только время зря потратил. Как унижительно!

Что это? Неужели пояс верности? Скорее всего его никогда не носили. Элинор была невинна, когда он на ней женился. А что потом? Хранила ли она ему верность, когда жила одна?

Под веером из потрепанных павлиньих перьев Себастьян нашел сложенный листок бумаги.

Развернув его, он начал читать.

«Мой милый соперник!

Вчера вечером я забыла упомянуть, что следующее письмо я собираюсь найти сама, без твоей помощи. Выходя отсюда, остерегайся собаки. Этот пес еще более недружелюбен, чем Тег».

Себастьян вздохнул. Проклятие! Как Элинол смогла оказаться здесь первой? И зачем ей это? Чтобы в очередной раз напомнить ему, что не стоит ее недооценивать?

Он больше не допустит такой ошибки.

Из аллеи донесся тихий свист.

Это Мик дает ему знак, желая предупредить об опасности.

Себастьян закрыл ящик комода и вышел из дома за несколько секунд до появления здорового мастифа, выбежавшего с грозным рычанием из гостиной.

Элинол торжествовала победу. Она пришла домой и поставила на пол плетеную корзину с влажным бельем. Позже она придумает, как вернуть украденное белье обратно. А пока его нужно спрятать подальше. Элинол подозревала, что служанка заметила ее, когда она возвращалась. Но за время службы в господском доме Мэри Стерджем видела и не такое, но всегда умела держать язык за зубами.

Элинол развязала белый чепчик с рюшами и сняла массивные накладки, которые позволили ей сойти за грудастую толстушку.

Удалось разыскать еще одно письмо. Какая удача! Элинол довольно улыбнулась, представив, какое лицо будет у Себастьяна, когда вместо письма, которое он ищет, обнаружит записку, оставленную для него женой. Наверное, признав свое поражение, Себастьян уныло плетется домой.

Элинол торжествовала. Она не просто его жена, но и неуловимый Мейфэрский незнакомец, который держит в страхе весь Лондон.

Но когда ее восторги от очередной победы немного улеглись, Элинол увидела в зеркале отражавшуюся в нем пустую комнату, а в ней — ничем не примечательную женщину с испачканными волосами и с охалкой чужого белья.

Женщину, которая привыкла спать в постели одна.

И жизнь уже больше не казалась ей фейерверком захватывающих приключений.

Только сейчас Элинол заметила, что платяной шкаф открыт и что перед уходом Себастьян аккуратно повесил свою пижаму на вешалку.

Горько рассмеявшись, она упала на кровать.

Как же так? Он ведь обещал, что на этот раз останется! Как бы то ни было, Элинол больше не та женщина которая идет у мужа на поводу.

Поняв, что проиграл, Себастьян не смог заставить себя вернуться домой. Сидя в экипаже, который вез его по шумным лондонским улицам, он думал о том, с какой дерзостью Элинон его обставила.

Ну, разумеется, это она была той самой прачкой. Как же он сразу не догадался? Вспоминая пышнотелую женщину в белом чепце с недосушенным бельем в плетеной корзине, он от души смеялся. Теперь ясно, почему, едва увидев его, она поспешила поскорее убраться подобру-поздорову.

Что ж, пусть Элинон упивается своей победой. Это будет продолжаться не так долго, как она думает.

Элинон не оставила ему выбора: Себастьян должен отыграться. И он намерен отомстить жене ее же оружием.

Когда за преступлением неминуемо следует наказание, это справедливо.

Вряд ли Элинон будет возражать против его способа мести.

Теперь он станет обращаться с Мейфэрским незнакомцем как мужчина с женщиной, обманывая ловкого хитреца на каждом шагу, где только можно.

Но Себастьян не ожидал, что жена совсем скоро снова его удивит — во второй раз за этот день нанесла ему удар из-за угла...

Вернувшись в свой дом на Белгрейв-сквер, он застал свою жену... с другим мужчиной. Они сидели в гостиной с заговорщическим видом, и незнакомец держал Элинон за руку.

Сколько же секретов скрывала от него супруга?

Между тем ни Элинон, ни ее гость — господин с длинными, седеющими волосами, — казалось, даже не заметили его прихода.

Эта парочка сидела на диване, целиком поглощенная друг другом, а Себастьян так и застыл посреди комнаты — вне себя от изумления.

Абсолютно лишенный привлекательности незнакомец держал нежную руку Элинон в своих грубых ручищах с заскорузлыми пальцами, словно внимательно изучал ее ладонь. Этот человек гадает ей по руке? Что еще за чертовщина?

При этом шторы в гостиной были задернуты, что лишь больше добавляло интимности, наблюдаемой сцене. Из-за каминной решетки доносился странный терпкий запах горящих трав.

— Прошу прощения, — сказал Себастьян, бросая пальто, шляпу и перчатки на стул. — Я вам не помешал?

— Был бы вам признателен, если бы вы не загоразживали свет, — пробормотал странный незнакомец.

— Какой еще свет? — спросил Себастьян, с трудом сдерживаясь.

Элинон подняла на него взгляд. Ее глаза блестели, а белые плечи словно манили к поцелуям.

— Вижу, ты явился домой к раннему ужину. Как это мило! Ты получил сообщение, которое я оставила тебе сегодня утром?

Себастьян бросил тоскливый взгляд на бутылку виски в буфете.

— Разумеется. Очень любезно с твоей стороны предупредить меня насчет собаки.

Элинон окинула Себастьяна внимательным взглядом:

— Я рада, что все обошлось и твоя одежда не пострадала.

Она рада. С ума можно сойти. Просто потрясающе!

Себастьян налил виски в стакан, а затем предложил его Элиноর.

Та покачала головой.

Он сделал глоток. Виски неразбавленное. В нем нет ни капли воды. Чисто мужской напиток.

— Это твой перчаточник? — спросил Себастьян, почувствовав, как приятное тепло разливается по телу.

— Четыре, мадам, — сказал бесцеремонный посетитель, не обращая внимания на Себастьяна, что было верхом неприличия. — Четыре, в том числе один, которого вы потеряли. Это совпадает с тем, что утверждает ваш индивидуальный гороскоп.

— Сэр Персиваль — предсказатель судьбы. — Элинор внимательно разглядывала свою ладонь. — Герцогиня не принимает ни одного важного решения, предварительно не посоветовавшись с ним.

— Мадам и ее светлость слишком великодушны, — с благодарной улыбкой отозвался сэр Персиваль.

Увидев недоверие в глазах мужа, Элинор метнула в него взгляд, полный упрека, а затем отвернулась. Себастьян смотрел на ее опущенную голову, на влекущие жемчужно-белые плечи.

Что имел в виду этот человек, называя цифру четыре? Четыре чего или кого? Четыре любовника? Четыре письма? Четыре мужа?

«В том числе один, которого вы потеряли».

Себастьяну хотелось узнать, что этот шарлатан разглядел в будущем Элинор.

Прорицатель пробормотал какое-то заклинание. За каминной решеткой плясали веселые языки огня.

Элинор снова подняла глаза на Себастьяна. На этот раз она смотрела на него радостно, словно только что узнала счастливую новость.

— Что за чепуха? — пробормотал Себастьян себе под нос. — Сколько это может продолжаться?

— Сэр Персиваль, — с обворожительной улыбкой сказала Элинор, — может, мы продолжим в другой раз?

— Как хотите, мадам. Необходимо принимать во внимание влияние, как темных, так и светлых сил.

Долговязый гость собрал листы бумаги с расчетами и чертежами гороскопов и надел плащ. Когда звездочет ушел, Себастьян обратился к жене.

— Должен признать: сегодня ты застала меня врасплох.

Элинор с трудом удержалась от надменной улыбки. Если бы ее так не переполняло самодовольство, она бы наверняка заметила, что Себастьян что-то затевает. Ну что же, видимо, за эти несколько лет разлуки она потеряла навык общения с мужем. Что-то упустила.

— Так, значит, ты не расстроился, что я отыскала письмо первой? — с ликованием в голосе спросила Элинор.

Себастьян понимал, что его долг — отплатить Элинор той же монетой. Он расстегнул жилет. Ему всегда становилось жарко в присутствии супруги.

— Разумеется, расстроился. — Себастьян нахмурился. — Но главным образом из-за

того, что ты посещаешь пользующиеся дурной славой районы Лондона, где появляться опасно. Надеюсь, раньше ты там не бывала.

Элино́р на мгновение задержала взгляд на расстегнутом жилете Себастьяна, а затем покачала головой. Ей хотелось избежать обсуждения этой темы, если это возможно.

Увидев, что она нервничает, Себастьян догадался, что его жена хочет скрыть, что часто бывала в местах и похуже этого. И почему только Уилл потакал Элино́р и помогал в ее тайных проделках?

— Я... Мы... У нас служит одна женщина, которая работает горничной в одном из домов в том квартале, — тщательно подбирая слова, осторожно сказала Элино́р. — Я заходила туда разок-другой.

Себастьян отвел глаза. Судя по тому, как насторожилась жена, она не понимает, почему он затеял этот разговор и хочет это выведать.

— Тот факт, что женщина служит в таком опасном районе, не делает ей чести, — изрек Себастьян, а затем добавил, снова подняв глаза на Элино́р: — Более того, это характеризует ее определенным образом. Ты не находишь?

— Возьму на себя смелость утверждать, что моральные качества Мэри не подлежат сомнению. Она четыре года работала у моего отца, а после этого еще шесть лет у меня. Не говоря уже о том, что человек не всегда волен выбирать, с кем общаться.

— Зато человек может выбирать достойных друзей. В самом деле, Элино́р. Кто такие эти люди, которых ты приводишь в наш дом? Какие-то сомнительные гадалки, бездарные художники-портретисты. Скажи, кого я застану в нашей гостиной завтра? Ты пригласишь в наш дом труппу бродячих цирковых акробатов или цыганский табор?

— Я бы так и сделала, но боюсь, что всем здесь не хватит места. Из-за того, что во время твоего последнего визита ты зачем-то заказал тот ужасный громадный письменный стол, который занимает полкомнаты.

— Вот как? — раздраженно спросил Себастьян и снова потянулся за стаканом. — Ты называешь приезд мужа домой «визитом»?

— Ах, прости. Ну, разумеется, ты прав, — широко улыбнулась Элино́р. — Просто я сделала этот вывод на основе печального многолетнего опыта общения с тобой. Или отсутствия такового.

— Иди сюда, Элино́р. — Себастьян показал на кресло, на которое положил пальто, шляпу и перчатки. Выпитое виски придало ему решимости проучить жену именно сейчас. К этому моменту комната была погружена во тьму, и такой же мрак царил сейчас у него в Душе. — Присядь на минутку.

— Я уже сижу, — сказала она, с любопытством глядя на мужа.

— Но слишком далеко от меня. Подойди, пожалуйста, ближе, — непринужденным тоном сказал Себастьян.

— Зачем?

— Сейчас увидишь.

Элино́р поднялась с места, продолжая смотреть на Себастьяна с опаской.

— Что ты задумал?

— Боишься, что я одержу над тобой верх? — с беспечной улыбкой спросил он.

Элино́р рассмеялась:

— Вот еще. С какой стати?

— У меня есть для тебя небольшой сюрприз.

— Какой же? Я теряюсь в догадках.

— Если рассказать обо всем заранее, будет неинтересно. Согласна?

Элино́р встала с дивана и медленно, как бы с опаской приблизилась к Себастьяну, словно перед ней был не муж, а дикое неприрученное животное, от которого можно всего ожидать.

— Это зависит от того, кто из нас получит от этого сюрприза... удовольствие.

Себастьян улыбнулся как можно более непринужденно:

— Надеюсь, что то, что нас с тобой ждет, понравится нам обоим.

Элино́р скрестила руки на груди.

— Я тебе не верю.

— Напрасно! Какой мне смысл тебя обманывать?

— Если ты задумал отнять у меня письмо, то можешь не пытаться: оно спрятано в надежном месте.

Элино́р села в кресло.

— К тому же я не собираюсь извиняться, — сказала она. — Я предупреждала тебя о том, что собираюсь предпринять. Тебе не надо было совать нос в мои дела.

— Мы потом об этом поговорим. Не сейчас. Садись.

— Зачем?

— Пожалуйста, дорогая. Сделай милость.

— Вижу, ты не отстанешь, пока не будет по-твоему.

— Верно.

Элино́р сидела как на иголках, а Себастьян намеренно заставил ее ждать, снова пройдя к буфету, чтобы допить виски.

— Ты моя прекрасная пленница.

Она нервно рассмеялась:

— Так это допрос?

Себастьян покачал головой, изображая на лице испуг.

— Ах, ведь в этом нет ничего приятного!

Когда Себастьян вынул из кармана две черные шелковые ленты, глаза Элино́р округлились.

— Ты не посмеешь. Посреди бела дня, в нашей гостиной. В кресле... Барон, вы порочны.

— Может, тебе больше бы понравилось на обеденном столе? — с надеждой спросил Себастьян.

— Среди чайных чашек? — усмехнулась Элино́р, а он тем временем не спеша приближался к ней. — Как будто я...

— ...десерт? — Он наклонился и обнял ее.

Элино́р смотрела на его улыбающееся лицо, и ее сердце забилось учащенно.

Она знала, что его дьявольская улыбка означает для нее опасность.

Элино́р попыталась встать, но было слишком поздно, и в следующую секунду супруг уже привязывал ее руки к креслу.

— Себастьян, это нелепо, — сказала она, а затем замолчала. Элино́р не могла ничего с собой поделать: ее разбирало любопытство. Ей хотелось узнать, что ее муж задумал. И на что она собирается сейчас согласиться. — Я еще ни разу не попадала в такое положение.

— Тсс...

— Это неловко, — прошептала Элино́р, и ее щеки залил румянец.

— С моей точки зрения, «неловко» — это когда ты идешь по аллее, а за тобой гонится огромный мастиф.

— Ты уже проделывал такое с людьми раньше? — с негодованием в голосе спросила Элино́р, с удвоенной энергией пытаюсь подняться.

— Разумеется, и не раз. Но только совсем для других целей, чем сегодня с тобой, — сказал он с озорной улыбкой.

— Ты подвергал людей пыткам?... — в панике воскликнула она и попыталась развязать себе руки. — Можешь не отвечать.

Себастьян покачал головой, не сводя глаз с Элино́р:

— Какой же мне резон пытать тебя?

— Кстати, ты не закрыл дверь! — воскликнула Элино́р. — Кто-нибудь может войти сюда и увидеть нас. Представляю, как тебе трудно будет объяснить, почему ты привязал меня к креслу. Тебя окрестят извращенцем.

Себастьян с серьезным видом кивнул:

— Именно поэтому я советую тебе вести себя очень тихо. Чтобы избавить нас от неловкой ситуации, когда нам придется давать объяснения. В конце концов, нам нужно стараться соблюдать приличия.

— Ты собираешься оставить меня в таком унижительном положении? — ужаснулась Элино́р.

— Ну что ты, милая. Я не могу поступить не по-джентльменски. — Себастьян положил руки ей на щиколотки. — А у тебя красивые ноги, — пробормотал он. — Хорошо развитые мускулы.

— Да, достаточно тренированные, чтобы я смогла ударить тебя по заднице.

— Но ты же не будешь этого делать, милая. — Себастьян гладил ее колени.

— Кажется, я поняла тебя, Себастьян.

— Не совсем, — спокойным голосом возразил он.

— Ну почему же? Все ясно, — настаивала Элино́р. — Ты возмущен тем, что я препятствую твоей деятельности, и это твой способ отомстить мне.

От его улыбки у нее пересохло в горле.

— То, что для одного человека — акт возмездия, для другого — заглаживание вины.

Говоря это, Себастьян продолжал гладить ее ноги. Элино́р снова сделала попытку вырваться, но он цепко ухватил ее за щиколотки.

— Тихо, баронесса, — улыбнулся он и поцеловал жену в губы. — Ты сегодня побывала в очень опасном квартале, — напомнил он.

— Но, как выяснилось, дома я оказалась в гораздо большей опасности, — прошептала Элино́р.

— Я тебе нужен, — сказал он таким уверенным тоном, что Элино́р возмутилась:

— Но не для того, чтобы привязывать меня к креслу.

— И ты мне нужна.

— По крайней мере... — прерывающимся от страсти голосом сказала Элино́р, когда Себастьян склонился над ней, — запри дверь.

— Я слишком занят.

— Нет... правда, Себастьян. Я закричу, — сказала Элино́р, и у нее был такой вид, словно она не шутила.

— Пожалуйста, не надо, — ответил он и, прежде чем она могла перейти от угроз к их исполнению, поднялся и запер дверь гостиной. Когда он вернулся к креслу, в руках у него было перо павлина, которое он вынул из кармана. Он прихватил его с собой из дома Тесс Эллиот. Увидев, как Себастьян вертит в руке перо, Элинон сказала, тяжело дыша:

— Я не боюсь щекотки.

— Сейчас проверим.

— Когда я в следующий раз пойду без тебя на дело, я не оставлю тебе даже перышка. И почему я не позволила мастифу тебя растерзать?

Себастьян осторожно проводил павлиньим пером по губам Элинон, по ее подбородку, а затем по нежной шее.

— Этот Мейфэрский незнакомец — плохо воспитанный молодой человек. Ему больше не удастся обвести меня вокруг пальца.

— Тебе известно, что сегодня день генеральной уборки и рано или поздно здесь появятся слуги?

— Я сам виноват, что недооценил тебя, — как ни в чем не бывало продолжал Себастьян, водя пером по груди Элинон и по ее соскам. — Как ты, дорогая? — тихо спросил он.

— Пока не пойму, чего ты хочешь.

— Мне кажется, ты просто обворожительна. — Он провел перышком по ямочке у нее на подбородке. — Ты выглядишь сейчас такой беззащитной.

Элинон облизала пересохшие губы.

— Это иллюзия, дорогой.

— Но такая приятная! — Себастьян окинул Элинон восхищенным взглядом. — Герцогиня в курсе, что мы помирились?

— Она знает, что мы вместе работаем.

— А о том, что мы с тобой снова муж и жена? Элинон не ответила. Она не отрывала взгляда от двери.

Себастьян снова поднял подол платья жены, обнажив ее бедра. Он водил пером под корсетом, щекоча Элинон и дразня и медленно опускаясь к низу ее живота. Вот ведь греховодник, ей-богу. И как ужасно, что ей все это нравится!

Его вкрадчивый бархатный голос завораживал Элинон. Она хочет своего мужа, ей нравится его дерзость и все, что он с ней проделывает.

Возможно, Мейфэрский незнакомец и давал обещания герцогине Веллингтон и Элинон еще не один раз собирается доказать ей свою верность.

Но она отдавала себе отчет, что у нее также есть долг перед мужем, и, что бы ни случилось, она не собирается им пренебрегать.

Его руки поднимались выше по ее ногам. Элинон чувствовала, как жар растекается по ее венам и ее удерживают в этом кресле не ленты из непрочного шелка, которыми привязаны ее руки, а искушение быть соблазненной собственным супругом и предвкушение наслаждения.

Себастьян мысленно поздравил себя с тем, что ему удалось взять семейные вопросы в свои руки.

Ветер наконец-то стал для него попутным, и он твердо решил пользоваться благоприятными возможностями, которые дарила ему судьба. Скоро задание герцогини останется в прошлом, а вместе с ним канет в Лету их взаимная отчужденность. Пришло время, когда их семья станет настоящей.

Себастьян чувствовал себя как умудренный жизненным опытом муж, способный научить уму-разуму будущих отпрысков и поделиться с ними знаниями. Довольный собой, он бродил по дому, пока не увидел жену. Она сидела в гостиной и читала. Элинор подняла на него глаза, улыбнулась.

— Отправляешься спать? — спросила она.

— Надеюсь, ты вскоре присоединишься ко мне? — Себастьян наклонился и поцеловал супругу. — Я не чувствую усталости. Хотя, казалось бы, должен. А ты?

— Я еще немного почитаю, пожалуй.

— А ты точно не собираешься уйти?

— Нет, Себастьян. Как можно? В столь поздний час?

Он добродушно проворчал:

— И сегодня ночью у нас не ожидается никаких гостей?

Элинор поправила складки на платье.

— Мне кажется, ты обидел сэра Персиваля. Кстати, он не только прорицатель будущего, но и даровитый френолог. Ты знаешь, что он собственноручно изучал выпуклости на голове герцогини?

— Я, пожалуй, воздержусь от вопросов, что он там нашел. Знаешь, я не верю во все эти гадания и остальную чепуху. От лукавого все это.

— Ты прав, дорогой, — с улыбкой ответила Элинор, откладывая газету. — Поговорим?

Себастьян с удовольствием присел рядом с женой. Он вспомнил, как отец и мать читали вместе тихими вечерами, когда их семья жила в деревне.

— О чем пишут? Есть интересные новости?

— Часто упоминается семья Боскасл. Себастьян кивнул, не проявляя большого интереса к вопросу:

— Это лондонская ветвь нашего рода.

Элинор слушала с интересом. Судя по всему, она не держала обиды на мужа за то, что он привязывал ее к креслу.

— Твоя семья и в самом деле большая.

— Кое-кто называет нас бесчестными.

— Не уверена насчет этого. Одна из твоих кузин поместила объявление о том, что примет своенравных молодых девушек в свою элитную академию. Только подумай, а ведь я тоже могла туда попасть. Себастьян улыбнулся:

— В нашей семье никогда особенно строго не придерживались правил. Свобода дороже всего.

— Это меня не удивляет. Боюсь, что Прескотты не слишком сильно от вас отличаются.

— О Боже! Что у нас будут за дети!

Она улыбнулась:

— Спокойной ночи.

— И тебе тоже.

Себастьян вышел из комнаты, преодолевая желание остаться с Элинор подольше.

Ну что же, раз муж с женой, перехитрив один другого, способны потом над этим вместе посмеяться, значит, впереди их ждет безоблачное счастье до конца их дней.

И не важно, что супруга по-прежнему не желает отречься от сомнительных обязательств перед герцогиней. Тот пыл, с которым она вела себя в постели, позволял надеяться, что рано или поздно Себастьяну удастся склонить жену на свою сторону. Радовало и то, что супруги постепенно становятся хорошими друзьями.

Хотя в глубине души Себастьян понимал, что Элинор — крепкий орешек и влияние жены на него гораздо сильнее, чем он мог предположить.

Но главное — он увлек Элинор в свою постель, переманил на свою сторону, взял под свое крыло. А что касается других обязанностей, Себастьян поддерживал связь с министерством внутренних дел и с агентами Веллингтона и был уверен в том, что, когда герцог вернется в Англию, он призовет его для каких-нибудь полезных дел. Отказываться нельзя, он рад служить отечеству.

Конечно, и у его жены появятся другие заботы, и она оставит эту не подобающую леди затею с тайными розысками.

Себастьян, который вырос в большой семье, мечтал иметь много детей. И хотя со временем их с братьями пути разошлись, он вспоминал детство с добрым чувством.

Он испытывал привязанность к этим несносным бестиям, особенно к старшему брату Колину, который научил его всему, что, по мнению семнадцатилетнего юноши, должен знать мужчина.

Они были очень дружны и почти не расставались. Когда отец умер, вдвоем убежали из дома.

Себастьян и представить тогда не мог, что они с братом совершают опрометчивый шаг и что рано или поздно, когда юноша становится зрелым мужчиной, он снова возвращается к своим истокам. Такой вот круговорот вершит природа.

После смерти отца семья раскололась.

Благодаря Джошуа Боскаслу, виконту Норвуду, родительский дом наполнялся теплом... Пока отца не подвело сердце, когда он упал замертво прямо на пороге собственного дома.

Но старший брат Себастьяна Колин утверждал, что накануне отец обедал со старым приятелем, который имел на него зуб из-за одного совместного предприятия, которое потерпело крах.

Колин был уверен, что отца отравили.

Он сказал, что пьяница доктор еле держался на ногах. Где уж ему было обнаружить признаки отравления мышьяком, которые только слепой мог не заметить! Но Колину никто не поверил. Даже мать. И только Себастьян поддержал брата.

Они с Колином поклялись друг другу на крови, что покинут родной дом и не вернуться туда до тех пор, пока не найдут убийцу отца. Если понадобится, будут зарабатывать деньги чисткой конюшен, уборкой валунов с фермерских полей. Их переполнял праведный гнев и желание восстановить справедливость, они чувствовали себя сильными и непобедимыми.

Но, как того и следовало ожидать, грандиозный план потерпел фиаско, и в один прекрасный день они проснулись в чужом хлеву без гроша в кармане, в одежде,

превратившейся в лохмотья, и без единой зацепки для продолжения поисков.

Но самым ужасным оказалось не полное отсутствие средств, а то, что был сломлен их боевой дух.

Отрезвление пришло первым к старшему брату. Он словно повзрослел сразу на десять лет.

Себастьян посмотрел на плотно сжатые губы Колина, на его измазанное грязью хмурое лицо и понял то, что они оба долгое время не желали признать: братья тратили время попусту, пытаясь отыскать иголку в стоге сена. Человек, которого они надеялись найти, был чертовски умен и прекрасно умел замечать следы.

— Пора повзрослеть, — резюмировал Колин.

— Ты хотел сказать: пора бросить наше дело, — печально ответил Себастьян.

— Послушай, брат. Мы ведь ничего не можем утверждать наверняка. А что, если отец и впрямь умер от сердечного приступа?

— Это неправда! — со слезами прокричал Себастьян.

— Может, и так, — говорил Колин, надевая ботинки. — Ни ты, ни я этого не знаем, Себастьян. Мы столько времени провели в бесплодных поисках, сражаясь с ветряными мельницами. Я повсюду таскал тебя, словно потерявшегося щенка. И мне, по большому счету, уже все равно, правда это или нет.

— Ты решил вернуться домой?

— Я иду в армию.

— Тогда и я с тобой.

Колин покачал головой и выругался.

— Я не хочу, чтобы ты таскался за мной как хвостик до скончания века. Ищи свой путь, Себастьян.

...Так он и сделал.

Семья. Жена. Что может быть в жизни важнее этих вещей?

Себастьян уже начал потихоньку перевозить свои нехитрые пожитки, которые оставались на яхте, и размещал их в платяном шкафу, который у них с Элинор был теперь один на двоих.

Из деликатности он ни разу больше не прикасался к ящичку, где жена хранила крестильную рубашку их нерожденного малыша.

Себастьян повесил свой форменный военный китель рядом с роскошным вечерним платьем Элинор с перламутровыми пуговицами и рукавами замысловатого покроя. Тем самым, на воротничке которого он заметил пятно от вина, которое так его смутило.

Себастьян до сих пор гадал, что могла означать эта странность: Элинор могла позволить себе заказать сколько угодно новых платьев. Зачем ей бережно хранить это старое, с пятном?

Возможно, те ужасные поступки, которые Себастьян совершал во Франции, не прошли бесследно, и теперь он должен расплачиваться за свои грехи.

Ему захотелось побаловать свою супругу, приятно удивить ее широкими жестами и дорогими подарками.

Но сейчас, при свете дня, ему открылась голая правда, которую до сего момента милосердно скрывали от него вечерние сумерки.

Себастьян явственно разглядел, что на ворота лифа, на груди, красовалось пятно не от

вина, как он первоначально подумал, а от масляной краски, которой пользуются художники.

Элино́р нисколько не сомневалась в том, что ей удастся ловко управлять своим мужем или по крайней мере отвлекать его настолько, чтобы он не мешал ей работать. Она была намерена с блеском справляться с двумя ролями сразу: с первой — когда выступала в качестве агента герцогини — и со второй — когда исполняла обязанности супруги. Впрочем, роль любящей жены и страстной женщины не была для нее обременительна и не требовала никаких особых жертв. Скорее напротив. Так как открыто выражать несогласие с волей супруга в некоторых личных вопросах было ей невыгодно, она скрепя сердце согласилась, чтобы Себастьян повсюду сопровождал ее.

Конечно, она не могла позволить себе привязать мужа к креслу и соблазнить, ловко орудуя перышком, зато для того, чтобы подчинять его себе, пускала в ход более изощренные женские уловки.

Однако Элино́р не позволяла успеху ослепить себя и отдавала себе отчет в том, что, даже когда Себастьян спал, ему нельзя было доверять и она не должна ни на минуту терять бдительность. Теперь, когда муж разделял с ней супружеское ложе, Элино́р не могла незаметно выскользнуть из постели, чтобы удалиться по своим делам.

Она много раз предпринимала попытки улизнуть, но ей это не удавалось.

— Тебе приснился страшный сон? — как ни в чем не бывало спрашивал Себастьян, крепче прижимая к себе Элино́р. — За стенами этого дома, в темноте, притаилось множество опасностей, — напоминал супруг.

— Главная моя опасность лежит сейчас рядом со мной в этой постели.

Себастьян широко улыбнулся:

— Разве я плохо себя вел?

Элино́р пожала плечами:

— По крайней мере ты должна признать, что я стараюсь быть хорошим мужем.

Она промолчала, не зная, что ответить.

— Как ни крути, намного лучше лежать вдвоем в теплой постели холодной ночью, вместо того чтобы... вместо разных других дел.

— Возможно, — улыбнулась Элино́р.

И как раз в тот момент, когда она почувствовала, как у нее в груди поднимается волна нежности к этому человеку, он добавил:

— Я знал, что рано или поздно ты одумаешься и помиришься со мной. Только удивляюсь, почему на это решение ушло так много времени.

А еще Себастьяна не меньше бы удивило, если бы он узнал, что, когда Элино́р подходила каждый день к калитке на заднем дворе — якобы для того, чтобы купить кое-какие товары у продавца сыра и простокваши, на самом деле таким хитроумным способом она получала ежедневные инструкции от герцогини.

Бойкая уличная девушка, служившая у них курьером, передала, что герцогиня считает, что Элино́р следует повременить с тайной деятельностью — до получения соответствующих инструкций.

Ее светлость опасалась, что опытные сыщики главного уголовного полицейского суда снуют по всему Вест-Энду — в надежде изловить лондонского возмутителя спокойствия.

«Пусть попробуют!» — презрительно усмехнулась Элино́р, пряча записку в туфлю.

Это лишний раз доказывало, что сыщики еще долго не смогут напасть на след Мейфэрского незнакомца.

Элино́р повернулась, чтобы вернуться в дом, — и в этот момент наткнулась на мужа.

— Может, нам больше не надо простокваши? — тоскливо проговорил Себастьян и, подняв бровь, посмотрел на Элино́р.

Та опустила глаза на банку, которую держала в руках.

— Видишь ли, я к ней пристрастилась.

— С чего бы это?

— Хочется временами простой деревенской пищи.

— Позволь мне помочь тебе нести банку.

— Ничего, она не тяжелая, — поспешила заверить мужа Элино́р.

— Не волнуйся. Я не съем твой завтрак. — Оглянувшись назад, Себастьян заметил: — Странно, но эта девушка не предлагает свой товар никому, кроме нас. Это не кажется тебе подозрительным? Может, она собирается нас ограбить?

Элино́р, начиная подозревать неладное, взяла мужа под руку и повела в дом.

— Мне казалось, у тебя встреча с архитектором в нашей библиотеке.

— Да, мы собираемся обсудить перестройку дома в Суссексе.

Это было их поместье в деревне, если уместно было так называть небольшую усадьбу.

— На самом деле именно поэтому я и решил тебя привести.

— Тебе хотелось узнать мое мнение? — Элино́р была приятно удивлена этим фактом.

— Естественно.

— Очень мило с твоей стороны, Себастьян.

Но когда Элино́р вслед за мужем вошла в библиотеку, архитектор просто показал ей план деревенского дома, в котором лорд Боскасл собирался сделать пристройку для детской комнаты.

Очень просторной. Такой, которая будет занимать все западное крыло на втором этаже. Его милость собирается вырастить целую команду по игре в крикет?

Подойдя к платяному шкафу, чтобы переодеться к ужину, Элино́р обнаружила, что муж снова рылся в ее гардеробе. То вечернее платье с пятном висело на самом видном месте. Словно Себастьян хотел показать жене, что он его заметил. И что не в восторге от всего этого. Да, ее муж не может похвастаться тонким подходом. Все чаще рубит сплеча.

Элино́р кусала губы, но она избавилась от чувства вины через несколько минут, когда заметила, что этот негодник рылся в ящике ее письменного стола. У него могло хватить коварства открыть замок небольшого секретера, и у Элино́р имелись доказательства его незаконного вторжения: почти незаметный глазу тончайший слой рисовой пудры, которой она привычно посыпала замок прежде, чем запереть ящик.

Все было на месте, включая ее личную переписку, и два последних письма герцогине, которые Элино́р только предстояло отправить.

Но павлиньи перья, которые лежали, скрещенные под определенным углом друг к другу, были так же замысловато расставлены, однако совсем по-другому. Не так, как лежали до этого.

Неужели Себастьян решил, что она не заметит?

Да, своими занятиями любовью он и вправду ее отвлекает от дела.

Но не настолько, чтобы она окончательно потеряла бдительность и забыла о привычной осторожности.

Элино́р плотно закрыла ящик. Несмотря на то что их брак нельзя было назвать образцовым, она всегда знала, что может положиться на порядочность мужа. Себастьян убедил ее, что ему абсолютно безразлично содержание писем герцогини. Главное, что его интересует, — это она сама, Элино́р. Он даже не читал газеты со светскими сплетнями.

Да, Себастьян сопровождал ее на задания. Но нужно было отдать ему должное: он никогда не шпионил за ней. Элино́р отдавала себе отчет в том, что это разные вещи.

Когда три часа спустя Себастьян спустился на ужин, в столовой было холодно, хотя огонь в камине ярко горел. Элино́р сидела за столом в платье, открывающем плечи. Она даже не накинула сверху шаль. Себастьян любовался белыми обнаженными плечами жены и стройной шеей, красоту которой подчеркивала изящная нитка жемчуга.

— Ты опоздал, — с вежливой улыбкой заметила Элино́р, вяло ковыряя вилкой в тарелке с жареным картофелем, — Увлекся разработкой проекта дома?

— Это важно.

— Для большого семейства с целым выводком детей? — усмехнулась она.

Себастьян подпер рукой подбородок и посмотрел на жену:

— Я тут подумал... А не заказать ли нам твой портрет?

— Зачем?

— Повесим его в нашем доме в Суссексе.

— Ну что ж, неплохая идея. — Элино́р немилосердно кромсала ножом кусок молодой баранины, приправленной мятой. — Но прежде чем мы решим, чем будем украшать стены, мне кажется, надо кое о чем тебе напомнить. Я не могу уехать из Лондона, пока не выполню свои обязательства перед герцогиней.

— Такая преданность делу достойна восхищения, — с изрядной долей иронии заметил Себастьян.

Элино́р отставила в сторону нож и вилку.

— Дражайший супруг, ты вправе осматривать мой гардероб, — я не спорю. Но, понимаешь ли, я настаиваю, чтобы ты уважал мое право иметь один-единственный ящик, который я запираю на замок.

— О чем ты говоришь?

— Я обнаружила, что последние письма, которые мы нашли, лежали не так, как я их оставила, — сказала Элино́р. Неподдельное изумление в глазах мужа и возмущенный тон заставили ее начать сомневаться в том, что он был причастен к случившемуся.

Себастьян откинулся на спинку стула.

— И ты решила, что я отпер твой ящик, горя от нетерпения прочесть тайные любовные признания и прочие глупости?

— Ты хочешь сказать, что этого не делал? Себастьян взял в руки бокал вина.

— Разумеется, нет, — сказал он, а затем добавил высокомерным тоном: — А если бы сделал, ты бы никогда об этом не догадалась.

— Хорошо, учту на будущее, — нерешительно заметила Элино́р. Она еще сомневалась. — Похоже, в этих письмах есть кое-что, что герцог желает сохранить в тайне.

Себастьян подумал, что герцог скорее всего даже не помнит о существовании этих писем. Он опустил глаза.

— Тебя что-то тревожит? — спросила она.

Себастьян перевел взгляд на огонь в камине, а затем взглянул на Элино́р:

— По правде говоря, да. У меня не идет из головы, откуда взялось пятно на твоём

вечернем платье.

Она приоткрыла рот.

— Почему это тебя так волнует?

Себастьян смотрел на нее холодно и сурово.

— Я могу все объяснить, — пожалала плечами Элинон.

— Сгораю от желания выслушать твои объяснения.

— Это пятно от масляной краски. С кисти Беллисанта...

Себастьян резко поднялся из-за стола. Стоявшие на столе бокалы зазвенели.

— Ответь мне на один вопрос, — сказал он взвинченным тоном.

— На какой же?

— Этот Бельфлауэр писал твой портрет? Элинон молча кивнула.

— В таком случае почему я его не вижу? Где этот портрет? — спросил Себастьян, наклоняясь над женой.

— Мне кажется, у него, — еле слышно проговорила она.

— Ну конечно... И у меня еще один вопрос... Знаю, возможно, он прозвучит нелепо, но прошу, будь ко мне снисходительна... Скажи, пожалуйста, на этом портрете ты одета?

Элинон вскочила с места, готовая наброситься на мужа с кулаками.

— Как тебе такое даже в голову могло прийти?

— Нет, ты скажи прямо. Ты была в одежде? — продолжал уточнять Себастьян, приготовившись к новому взрыву негодования со стороны жены.

— Я не унижусь до объяснений.

В этот щекотливый момент в дверь постучали, и двое лакеев спросили, не хочет ли его милость, чтобы в камин подбросили дров, и не желает ли он, чтобы принесли еще одну бутылку немецкого вина.

— Дров не надо, а вино несите, — приказал Себастьян, и они с Элинон молча заняли свои места за столом.

Надо сохранять внешние приличия. Даже когда тебе совершенно не до них.

— Можно подумать, — сказал Себастьян, переводя разговор на другую тему, — что для дам, получивших письма Виолы Хатчинсон, интересы страны превыше их собственных.

— Или что они уважают себя, — рассеянно проговорила Элинон, склонившись над тарелкой с молодой бараниной и орудуя ножом и вилкой, — У меня в голове не укладывается, как может кто-то — будь то мужчина или женщина — находить удовольствие в том, чтобы выставлять напоказ свой адюльтер. Во-первых, унижительно признавать, что совершил грехопадение, потворствуя низменным инстинктам, а во-вторых, позорно делиться этим фактом с другими людьми...

Себастьян внимательно вглядывался в лицо жены.

— Прежде всего позорно совершить адюльтер, — осторожно уточнил он.

Глаза Элинон и Себастьяна встретились.

— Ты правда думаешь, что герцог был неверен своей жене? — как бы размышляя вслух, спросила Элинон.

Себастьян допил вино в бокале.

— Нет, — уверенно сказал он и выразительно покачал головой.

— Почему?

— Ну, прежде всего потому, что он человек высоких нравственных принципов, и я не могу представить, чтобы в момент, когда так много поставлено на карту для нашей страны и

всего мира, он будет тратить время на других женщин.

— Однако согласишься, что обстоятельства благоприятствовали этому...

— Не спорю, — согласился Себастьян с тем, что было очевидно. — Их вынужденная разлука с женой длилась слишком долго... Даже дольше, чем у нас с тобой.

— Полагаю, — задумчиво сказала Элино́р, — многие считают, что разлука может служить оправданием супружеской неверности.

Себастьян не хотел бы ничего знать об этом.

— А ты? Ты сама-то считаешь, что герцог изменял жене? — нахмурившись, спросил он.

— По-моему, наивно полагать, что дело обстояло иначе, — стояла на своем Элино́р.

Две свечи на столе к этому моменту догорели.

В столовой стало тихо, и было слышно, как дождь стучит по крыше. Или это град бил в стекло? Себастьян подумал о том, что нужно не забыть нанять стекольщика. Не годится пренебрегать обязанностями по содержанию дома в идеальном порядке. В жизни ничего нельзя пускать на самотек.

Ни окна, ни тепло в доме. Ни жену.

— Мне кажется, герцогиня сомневается в его верности, — продолжала размышлять вслух Элино́р, теребя край скатерти. — Он так долго не был дома, а все женщины мира — и княгини, и горничные — его боготворят. Разве не нормально в его положении поддаться искушению? Ведь жены не было рядом, и она бы ничего не узнала о его измене.

— Когда твое сердце навсегда попало в плен — точно так же, как мое, — то искушений не существует.

Элино́р загадочно улыбнулась:

— Благородный рыцарь... — Она не успела закончить фразу, потому что Себастьян поднялся из-за стола, так и не притронувшись к еде. — Куда ты? Я что-то не так сказала?

— У меня есть одно маленькое дельце, которым я должен заняться, — миролюбиво объяснил Себастьян свой уход. — Если опоздаю, не волнуйся обо мне. И прошу тебя: никакого маскарада сегодня ночью.

Элино́р открыла рот от изумления. Она не успела ничего возразить, потому что Себастьян подошел к ней и поцеловал. Словно они с ним были семейной парой, которая расстается всего на несколько часов. Еще не придя в себя от удивления, Элино́р услышала, как муж позвал лакея Бертона, чтобы тот подал ему пальто. После чего ее супруг вышел из дома на сырую лондонскую улицу и исчез в темноте. Еще несколько минут Элино́р продолжала сидеть неподвижно. Ей сразу вспомнились те бесконечные промозглые вечера, когда она ужинала в одиночестве. Боже, неужели муж и вправду думает, что Элино́р ему изменяла? Она решительно поднялась с места и позвала служанку:

— Мэри, приготовь мое вечернее платье, пожалуйста. И вели подать экипаж. Мне срочно нужно кое с кем встретиться. Похоже, что я знаю, куда отправился мой муж.

К тому моменту как он добрался до апартаментов сэра Нейтана Беллисанта на Сент-Мартинслейн, дождь прекратился. Прогулка под холодным дождем не охладила горячую голову Себастьяна и не изменила его твердое намерение вывести на чистую воду человека, которого он считал своим соперником. Теперь все будет наоборот: это Себастьян явится к Беллисанту незванным гостем. Лучший способ узнать истинный характер человека — нанести ему неожиданный визит. К тому же это будет по-честному. Ведь, похоже, Беллисант считает, что в дом жены Себастьяна можно приходить в любое время дня и ночи.

Так что пусть не жалуется, когда на этот раз они поменяются ролями. Себастьян не собирается оставаться в долгу перед молодым нахалом и намерен нанести ему ответное оскорбление, явившись к Беллисанту без приглашения.

Ведь, в конце концов, Себастьян законный муж Элинора.

Он громко постучал и вскоре услышал чье-то шарканье и женский голос за дверью. Первая мысль, которая пришла Себастьяну в голову, была безумной: как только за ним закрылась дверь, его жена бросилась к любовнику, чтобы предупредить его о визите разгневанного мужа-рогоносца. А что, если он не ошибался? Что, если все его домыслы оказались правдой? Что бы он сделал, если бы застал Элинора у Беллисанта? Хватило бы ему смелости затеять драку?

Да. Себастьян решил, что он был готов на это.

О Господи, на него просто словно затмение нашло.

...В квартире Беллисанта не было Элинора.

Зато там он увидел ее портрет.

Дверь открыла пожилая экономка. У нее было недовольное выражение лица. Словно шпяющиеся посреди ночи гости ей порядком надоели и ей было совершенно все равно, кто бы это ни был. Себастьян не счел необходимым представиться, но она проводила его в гостиную.

Из клетки в углу комнаты раздался пронзительный крик большого попугая. Себастьяну показалось, что он услышал, что из задней части дома доносятся приглушенные голоса. Дверь открылась, и Себастьян увидел Беллисанта. Он стоял у основания лестницы в рубашке, испачканной краской. Его белокурые волосы были растрепаны.

— Лорд Боскасл, — с нескрываемым изумлением проговорил Беллисант. — Все в порядке, миссис Френч. Можете оставить нас вдвоем. Прошу вас, идите за мной, милорд. Только смотрите себе под ноги, чтобы не споткнуться.

Себастьян кивнул и последовал за ним. Они поднялись по лестнице и вошли в небольшую гостиную мастерской. В комнате пахло смесью льняного масла, скипидара и... абсента. Последний факт только усилил подозрения Себастьяна. Осматривая незнакомую комнату, он почувствовал на себе недоуменный взгляд художника.

Возле высоких окон стояли мольберты с эскизами. На стенах висели картины, а между ними горело около дюжины свечей в канделябрах. На всевозможных столиках из дешевого шпона стояли баночки и тюбики с красками. Над погашенным камином лежали, угрожая упасть, стопки потрепанных книг. Ну и беспорядок, черт возьми! Себастьян удостоверился, что следов пребывания его жены в этой комнате не было.

И в следующее мгновение увидел ее...

Его взгляд упал на картину, которая висела над камином. От того, что он увидел, Себастьян испытал настоящее потрясение. Его бросило в жар. Его жена в непринужденной позе полулежала на ярко-синей кушетке... Черная бархатная лента в небрежно распущенных волосах. В руке Элинон держала шелковую полумаску. Грустная улыбка и ее полные печали глаза приковывали взгляд и врезались в память.

Себастьян узнал на картине то самое платье, которое висело у Элинон в платяном шкафу, — с пятном от масляной краски.

Он смотрел на полотно, узнавая и вместе с тем не узнавая жену. Кто эта соблазнительная дама, которая держалась так отстраненно?

Хотя Себастьян был весьма далек от искусства, талант художника был виден даже непосвященному человеку. Похоже, этот молодой человек обладал тонким пониманием человеческой природы и умел проникать в потаенные уголки души. Благодаря причудливой игре светотени Элинон выглядела на портрете как живая. Словно присутствовала сейчас в этой комнате.

— Она отказалась забрать портрет, — задумчиво сообщил Беллисант.

— Я возьму его, — не колеблясь, заявил Себастьян тоном, не допускающим возражения.

— В таком случае утром я пришлю его вам.

Себастьян посмотрел на Беллисанта. Молодой человек не отрывал взгляда от портрета — замороженный то ли собственным произведением, то ли женщиной, которая вдохновила его на создание шедевра. Но разница не слишком волновала Себастьяна.

— Вы любите мою жену? — невольно вырвалось у него.

— Мне кажется, я выразил свое чувство на этом портрете.

Себастьяна охватил гнев.

— Но она вас не любит.

Нейтан незаметно пододвинулся к мольберту с эскизом, словно хотел спрятаться за ним.

— Если бы она любила меня, я бы ни за что не расстался с этим портретом, — осторожно ответил художник.

— Проклятие! Вы хоть понимаете, что никто и ничто не сможет встать у нас с Элинон на пути?

— Думаю, вам нужно убедить в этом не меня, — сказал Беллисант, нервно сглотнув. — Если вы вызовете меня на дуэль, я добровольно отдам вам право на первый выстрел. Оружие ничего не решит.

— О, ради всего святого, — поморщился Себастьян.

— Это правда, — спокойно сказал Беллисант. — Отца застрелили на моих глазах. Я этого никогда не забуду. Возможно, и меня ждет та же участь.

Себастьян фыркнул:

— Вы все еще сердиты на меня?

— Что за вздор вы несете? С какой стати?

Не сказав больше ни слова, Себастьян вышел из комнаты. Получил ли он ответ на вопрос, волнующий его? Если бы Себастьян был поэтом, он бы сказал, что, заявив свои права на портрет жены, он сделал еще один шаг к тому, чтобы вернуть то, что, возможно, потерял. Если еще не слишком поздно сделать это. У него не шла из головы печаль в глазах Элинон, которую удалось передать проницательному молодому художнику. И ее грустная улыбка. Почему он сам не замечал все это раньше?

И что еще ужаснее: неужели это он, ее муж, был причиной печали Элинор?

Себастьян брел по запутанному лабиринту маленьких улочек в сторону Темзы. Он не знал точно, что скажет Элинор и скажет ли ей вообще что-нибудь.

Может, ему следует перед ней извиниться? И тогда все уладится само собой, как это бывает между мужем и женой во многих семьях. Он ничуть не сожалел, что посетил художника, но раскаивался в том, что подозревал жену в неверности.

А может быть, все же следовало набить влюбчивому живописцу физиономию — для остротки?

Туман на улице, кажется, стал еще сильнее, чем раньше.

Так легко заблудиться в нем.

Вскоре после того, как Себастьян нанял повозку, чтобы направиться в порт, где стояла в доке его яхта, он заметил, что его кто-то преследует.

Это бросилось в глаза и бесшабашному кучеру, который весело крикнул ему:

— Держитесь крепче, милорд! Мы отправим этого негодника прямо в реку!

— Как бы нам самим туда не угодить, — сухо заметил Себастьян.

Кучер искренне рассмеялся:

— Что, убегаем от разъяренного рогоносца? Вижу, он решил нас сопровождать.

Повинуясь выработавшейся годами привычке, Себастьян оглянулся по сторонам. За ними повсюду следовал этот небольшой экипаж. Из-за сильного тумана было невозможно что-то разглядеть.

— Не волнуйтесь, сэр, я знаю Лондон как свои пять пальцев, — продолжал кучер развлекать Себастьяна беседой, отказываясь замечать, что его пассажир не расположен к разговорам. — Вы не первый парень, которому я помогаю сбежать от гнева обманутого мужа. В таком густом тумане оторваться от погони пара пустяков.

— Согласен. Но ты лучше смотри за дорогой.

В тумане можно неожиданно появиться или без следа исчезнуть. Себастьян заметил, что на крыльце какого-то дома стояла девушка-цыганка. Она поманила его, предлагая погадать по руке, Себастьян скривил губы.

Интересно, что хотела услышать Элинор, когда тот звездочет пытался предсказать ей судьбу? «Четверо. Включая одного, которого вы потеряли». Может, речь шла об их ребенке? Ну да, конечно же. Четверо детей. А не четыре любовника, олух. Боже, как же он был глуп! Они почти подъехали к реке. — Замедляй ход, — приказал он кучеру. Было слышно, как невдалеке поскрипывали весла. Днем в гавани царило оживление: развевались паруса торговых судов Ост-Индской компании, раздавались крики и грубая ругань лодочников. Сейчас, поздно ночью, ялики и маленькие хрупкие суденышки, мыловарни и гончарни замерли до утра. Себастьян подумал о нищих и бродягах, которые спали под мостом, мечтая о мягкой постели. Рано или поздно все лондонские беспризорники приходили к берегу реки.

То там, то здесь доносились пьяные голоса из трактиров. Себастьян услышал, как уличная женщина пела заунывную балладу, которую слушала компания моряков. А дальше, по берегу, стояли поместья аристократии. И если бы Себастьян еще сильнее прислушался, он бы, возможно, услышал, как муж просил жену его простить и дать ему еще один шанс.

— Останови здесь, — внезапно сказал кучеру Себастьян.

— Здесь? — удивился мужчина. — Это не самая спокойная часть города...

— Ну, я не из трусов, поверь.

— Сэр, но ведь вы сами на рожон лезете... Та красотка хоть стоит того, чтобы так из-за

нее суетиться?

Себастьян мрачно улыбнулся и заплатил кучеру тройную цену.

— Она стоит гораздо больше, чем я когда-либо мог себе представить.

— Ну раз так — удачи вам, милорд.

Стремясь удивить мужа, Элинор успела отрепетировать несколько разных соблазнительных поз и в конце концов поняла, что выигрышнее будет смотреться полулежащей на обитой красным атласом кушетке, которая занимала большую часть тесной каюты яхты мужа. Договорившись с кучером, в какое время он сможет забрать ее отсюда, она ждала Себастьяна, а он все не появлялся.

Она перерыла все в каюте, но не обнаружила ни единого признака присутствия здесь другой женщины. Слава Богу. Содержимое ящиков письменного стола, украшенного золоченой инкрустацией в виде цветочного орнамента, не могло возбудить ее подозрений — ручка, несколько чертежей, календарь приливов и отливов и эскиз старинного испанского замка, который она когда-то подарила Себастьяну.

Разглядывая вещи мужа, Элинор поняла, что из-за службы в разведке ему приходилось носить множество масок, выдавая себя за другого человека. Этот несколько вычурный письменный стол выглядел здесь не совсем уместно. Элинор постучала указательным пальцем по позолоченному цветку и увидела, как медленно открылось потайное отделение. Сердце у нее забилось от волнения.

Но нет. Здесь тоже ничего, кроме... ее синей ленточки для волос.

Что означало: либо Себастьян в самом деле любит ее, либо это часть его экипировки, когда он отправляется на задания, переодеваясь в женщину.

Как ей только такое в голову пришло!

Элинор закрыла потайное отделение и вернулась на кушетку. Посмотрев в окно каюты, она с удивлением обнаружила, что ничего не может разглядеть из-за тумана. Раз хозяина яхты нет, маловероятно, что ее затея с засадой удастся. А обратно на причал Элинор не сможет добраться одна.

Внезапно ей на память пришли прочитанные в газетах страшные истории, в которых рассказывалось о расчлененных трупах, найденных в плавающих в воде бочках из-под табака.

Вдруг Элинор показалось, что она услышала сдавленный крик...

Нет, это был просто всплеск волн, набегающих на берег.

О Господи, куда же пропал ее муж? И кстати, с какими людьми он может встречаться на этой маленькой яхте?

А вдруг Себастьян передумал и давно вернулся домой?

Что, если он ждет ее сейчас, сидя в тепле у камина, и не находит себе места от беспокойства?

Может, Себастьяну просто нужно было побыть в одиночестве? Во всем Лондоне не найти более уединенного места, чем здесь.

Элинор зарылась головой в подушки. У нее перед глазами стояло лицо Себастьяна во время их разговора в столовой. Как она сразу не догадалась, что, задавая ей вопросы, на самом деле он хотел знать не о неверности герцога, а о том, не изменяла ли она мужу?

Внимание Элинор привлек какой-то приглушенный звук, донесшийся с берега. Она насторожилась и несколько минут сидела тихо, но больше ничего не услышала. Вдруг яхта покачнулась и в дверях показалась чья-то темная фигура. Элинор со страхом смотрела, как в

темноте блеснул пистолет. Сердце у нее отчаянно забилося. Она боялась пошевелиться и затаила дыхание, готовая к самому худшему.

...Увидев на яхте жену, Себастьян удивленно рассмеялся.

— Мадам, я вижу, вы чувствуете себя здесь как дома, — сказал он, положив пистолет на письменный стол и сняв пальто.

— Не совсем, — пробормотала она, постепенно приходя в себя.

— Надо было предупредить меня о своем визите.

— Да, пожалуй, — согласилась Элино́р. — Я же не знала, что ты явишься сюда с пистолетом и будешь держать меня на мушке. У меня сердце в пятки ушло. Думала, что пришел мой смертный час.

Себастьян мрачно улыбнулся:

— Я не такой дурак, чтобы палить в кого попало в темноту. Мало ли кому придет в голову меня здесь ждать.

— Слава Богу. — Элино́р не сочла уместным развивать эту тему. Когда-нибудь муж сам ей обо всем расскажет. Если она будет настаивать. А пока пусть Себастьян продолжает оставаться для нее загадкой. Ведь она так любит их разгадывать.

— Мне кажется, за мной кто-то следил, когда я ехал сюда, — сказал он. — Извини, но я опасался встретить тут засаду.

— Может, в таком случае тебе не стоит убирать далеко пистолет?

— А может, тебе, в свою очередь, надо слушаться меня, когда я говорю, что ты не должна бывать в таких местах? Однако раз уж ты все равно пришла, можешь располагаться здесь поудобнее.

Элино́р обвела каюту взглядом.

— Уж если речь зашла об удобстве, позволь мне высказать свое мнение о выборе декора. Никогда не думала, что пышногрудые русалки и обивка из красного атласа отвечают твоим вкусам.

Минуту поколебавшись, Себастьян ответил:

— Раньше на этой яхте был плавучий бордель.

— Вот как! — Элино́р была просто потрясена. — Надеюсь, не ты был его владельцем?

— Нет, конечно. Я пользуюсь этой яхтой по долгу службы.

— О Господи!

— Не говори мне, что ты пришла сюда одна.

— Наш кучер проводил меня до причала.

— Находиться здесь небезопасно, — напомнил Себастьян.

— После того, что ты рассказал мне об этом судне, я склонна тебе верить. — Увидев, что Себастьян улыбнулся, Элино́р спросила: — Ты не расстроился из-за портрета?

— Черт побери. Ты уже в курсе дела?

Себастьян опустил голову.

— Мы ведь толком не знаем друг друга, правда? — тихо сказала Элино́р.

— Я знаю только одно: мне не нужен никто, кроме тебя.

— Тогда почему же, позволь спросить, ты все-таки сейчас здесь?

Себастьян рассмеялся — громко и раскатисто.

Элино́р села на обитый атласом диван. Волосы рассыпались по плечам, и она не спешила их убрать. Ее охватило игривое настроение. Элино́р пришла в голову мысль о том, как это возбуждает — спланировать соблазнение собственного мужа, устроив ему засаду в

его собственной холостяцкой берлоге. Ее глаза озорно заблестели.

Изнывая от нетерпения, Элино́р молча наблюдала, как Себастьян открыл дверцу буфета, привинченного к стене, и бегло осмотрел его содержимое. А почему же она сама, устраивая здесь тайный обыск, не заметила эти полки? Ах вот почему: на дверцах не было ручек.

— Что еще ты скрываешь от меня? — глядя на мужа с любопытством, спросила Элино́р. Себастьян медленно подошел к ней и заглянул в глаза.

— Ничего. Я открытая книга. Можешь читать, если хочешь.

Когда Себастьян сел рядом с ней, Элино́р вздохнула с облегчением.

— Ну что ж, попробую. — Элино́р медленно погладила плечи Себастьяна, а затем нежно обняла его за шею. — Страница первая, — прошептала она, снимая с него сюртук. — Куда тебе носила нелегкая вчера вечером?

— Я нанес визит твоему приятелю-художнику.

Элино́р на мгновение замерла и подняла на Себастьяна испуганные глаза.

— Что? Надеюсь, ты ходил к нему без оружия? Он медленно наклонился к ней.

— Думаю, у меня есть оправдание. Так поступил бы любой мужчина, окажись он на моем месте. Вполне естественно столкнуться лицом к лицу с типом, который домогается твоей жены.

— Значит, и я была бы права, если бы стала стрелять в женщин, которые во время твоего отсутствия приходили в наш дом, ища с тобой встречи?

— Какие еще женщины? О чем ты?

— В самом деле, Себастьян. Не думаешь же ты, что я поверила, что не было ни одной женщины, которая пыталась затащить тебя в постель?

— Я этого не говорил, — холодно сказал он. — Но я уверяю тебя в том, что, обойди хоть полсвета, ни в одном уголке земли ты не найдешь мой портрет, написанный изнывающей от любви ко мне поклонницей.

— Значит, ты на самом деле видел тот портрет?

— Его трудно не заметить.

— И он тебе не понравился?

— Напротив. Он прекрасен. Мне все стало ясно, когда я рассматривал его. А ты сама его видела?

— В законченном виде — нет. Нейтан Беллисант показывал мне только эскиз, который он сделал в самом начале. Он не любит демонстрировать картины, над которыми работает. Художники щепетильны в таких вопросах.

— Ну еще бы, ведь они такие тонкие натуры, — недовольно заметил Себастьян. — Мне показалось, что он гордится плодом своих трудов. Чувствует себя Рембрандтом.

Несколько минут оба молчали.

— Опасаюсь спрашивать, что ты сделал с портретом и с его автором, — осторожно сказала Элино́р.

Себастьян поджал губы.

— Успокойся: твой обожатель жив и здоров. А что касается картины, она принадлежит мне. Точно так же, как и женщина, послужившая моделью для этого портрета.

— Какой же ты собственник! Себастьян нежно поцеловал Элино́р в губы.

— Совсем как ты.

Она улыбнулась:

— И ты не имеешь ничего против?

— Нет.

Элино́р вздохнула и слегка подтолкнула Себастьяна, тот упал на подушки. Прежде чем она сняла с него галстук, он успел расстегнуть лиф ее платья. Словно стремясь опередить мужа, Элино́р игриво провела рукой по его рубашке и расстегнула ему брюки.

— А теперь ты должен сказать мне, что я первая женщина, которую ты сюда привел, — прошептала она.

— Нет... — Себастьян улыбался, снимая с нее платье.

— Ты хочешь признаться...

Он снова поцеловал ее.

— Ты — единственная женщина. Если бы я сказал, что ты первая представительница прекрасного пола, которую я сюда привел, это означало бы, что за первой последуют другие.

— Ах! — тихо восхитилась она. — Мне нравится такой ответ.

— Элино́р, — прошептал Себастьян, осыпая горячими поцелуями ее шею, плечи и грудь. — Я сегодня покинул столовую голодным.

— Тебе был предложен десерт.

Он скривил красиво очерченные губы и погладил соски Элино́р.

— Позволь мне вернуться с извинениями. Завороженная его ласками, она ответила:

— Я и сама пришла, чтобы помириться с тобой.

— Как я рад это слышать!

Себастьян поднял ее юбки и скинул с себя брюки, а затем прижался своим мускулистым телом к ее бедрам. Она откинулась на кушетку и захватила ногами его ягодицы. И приподнялась, приглашая его. Он тут же откликнулся.

— Я рад, что ты ждала меня, — прошептал Себастьян.

— Ты имеешь в виду сегодня или вообще?

— И то и другое, — ответил он, войдя в нее, двигаясь толчками и заставляя жену потрясенно ахать от наслаждения. Ее тело крепко сжимало его. Несколько раз он выходил из нее на несколько дюймов, заставляя ее задыхаться от желания и просить продолжать.

— Как мне хорошо с тобой! — выдыхала она, когда он основательнее входил в ее пульсирующую горячую плоть.

— О Господи... — вырвалось у него через несколько мгновений, когда они оба повалились в изнеможении на кушетку. — Как хорошо, что я не избавился от этой яхты...

— Я бы предложила назвать это судно «корабль наслаждения», — тяжело дыша, пробормотала Элино́р.

Себастьян широко улыбнулся:

— Теперь именно так эта яхта и будет называться.

— Нам надо бы одеться, — лениво проговорила она, но даже не пошевелилась.

— Разве мы не продолжим?

— Я велела Тильдену вернуться сюда в полночь. На тот случай, если бы ты не пришел.

Элино́р высвободилась из объятий Себастьяна и, не зажигая света, стала одеваться. Пока Себастьян застегивал рубашку, она взяла пистолет со стола, а затем поспешно положила его обратно. Через окно каюты она заметила весельную лодку с двумя влюбленными. Себастьян подошел к Элино́р сзади и обнял ее.

— Полагаю, ты идешь со мной домой, — сказала она, прильнув к мужу.

— Конеч... — Себастьян осекся на полуслове и замер, услышав, как невдалеке заскрипели доски.

Минуту-другую они с Элино́р ждали, прислушиваясь к каждому шороху. Затем он, обняв жену за плечи, повел ее в угол каюты.

— Здесь, за картой морей, есть потайная комната, — прошептал он, взяв со стола пистолет. — Иди туда.

Помня про его сомнительные связи, Элино́р даже не думала возражать. Сейчас стали отчетливо слышны чьи-то приглушенные шаги по палубе. Элино́р прошмыгнула за карту и вошла в темную и пыльную комнатку. На ее двери был расположен глазок, позволяющий вести тайное наблюдение за происходящим в каюте.

Почти не дыша, Элино́р смотрела, как ее муж, проявляя завидное хладнокровие, ждал, в то время как кто-то осторожно открывал дверь. Она поморщилась, когда услышала, как Себастьян зарядил пистолет. Но вместо того чтобы выстрелить и убить незнакомца на месте, ее муж обругал его:

— Проклятый тупица! Сукин сын с куриными мозгами!

— Не стреляй в меня!

— Какого черта ты здесь делаешь?

— Уилл? — ахнула Элино́р, выходя из своего укрытия.

В дверях каюты она увидела своего кузена. Себастьян спрятал пистолет за пояс. Элино́р сердито посмотрела на Уилла и смела паутину со своего рукава.

— Что ты здесь делаешь? — спросила она, еще до конца не придя в себя от удивления.

— Я пришел, чтобы тебя защитить, — возмущенно ответил Уилл. — Твоя служанка Мэри все ахала, как опасно тебе оставаться одной на реке. И теперь, когда сам побывал ночью в порту, я понимаю ее беспокойство. Я видел тут крысу размером с маленькую собаку. Она только что выбежала у меня прямо из-под ног.

Себастьян вздохнул.

— Ну вот, я счел своим долгом сопровождать Элино́р, чтобы уберечь ее, — продолжал Уилл. Он посмотрел на Себастьяна, словно ища у него поддержки: — Я правильно поступил?

— Да, — спокойно согласился тот. — Молодец. Я ценю, что ты присматриваешь за Элино́р. — Так это ты преследовал меня в том экипаже?

— Да, я.

— Тогда какого черта ты не дал мне знать, что это ты? — Я заблудился в порту, — застенчиво признался Уилл.

— Извини меня, — нахмурившись, сказала Элино́р. — Я бы сама попросила тебя составить мне компанию, если бы считала, что сегодня в этом есть необходимость.

Наступило молчание. Уилл посмотрел на растрепанные волосы Элино́р, а затем перевел взгляд на расстегнутую рубашку Себастьяна и развязанный галстук. Не было нужды объяснять юноше, что своим неожиданным появлением он прервал любовное свидание, все и так было ясно.

Чтобы соблюсти приличия, той ночью лорд и леди Боскасл, вернувшись из порта в свой дом на Белгрейв-сквер, сразу же отправились спать, а на следующий день рано встали. Закончив утренний туалет, они оделись и сели за стол, чтобы не спеша позавтракать и душевно побеседовать. Со стороны они выглядели обычной супружеской парой. Как добропорядочный господин со склонностью к домоседству, Себастьян просматривал газеты, пытаясь обнаружить любое упоминание о подозрительной политической активности кого-то из влиятельных людей Лондона. Когда супруг начал пересказывать ей последние новости о Мейфэрском незнакомце, Элино́р — с темно-рыжими волосами, уложенными мягкими волнами, в скромном голубом платье из муслина — взволнованно комментировала ситуацию.

— На сегодня у меня назначена встреча, — пробормотала она, с трудом удержавшись от того, чтобы не выхватить газету у мужа.

Себастьян откинулся на спинку стула.

— Мне кажется, ему нужно совершенно отойти от дел. Общество напугано. В передовице выдвигается предложение, что Мейфэрского незнакомца надо заточить в Тауэр.

— Я бы на твоём месте не обращала внимания на всякие глупости, которые пишут в прессе. Между прочим, этот нарушитель спокойствия ещё никому не причинил вреда.

— А что, если ему самому кто-то причинит вред? — Себастьян отложил газету и посмотрел на жену. В его взгляде сквозила тревога.

— Маловероятно, — покачав головой, ответила она. Ей было трудно определить, насколько искренним было беспокойство мужа. И какую роль в желании контролировать супругу играло уязвленное мужское самолюбие.

— Я буду рад, когда мы уедем из Лондона в деревню, — вполголоса позволил себе помечтать Себастьян.

— Это я уже слышала. — Непринужденно улыбаясь, Элино́р пила чай. — Я тоже буду в восторге, когда ты покончишь со всем, что связывает тебя с твоей работой.

Себастьян нахмурился, но промолчал. Не сказал ни да, ни нет. Откровенно говоря, предлагая мужу отойти от дел, Элино́р не могла не почувствовать сожаления. Она сомневалась, что он вообще когда-либо уйдет в отставку. Себастьян был не из той породы людей, кто способен довольствоваться хозяйством или чисто светскими обязанностями.

Иначе бы он вряд ли женился на Элино́р.

Однако спустя три года брака она узнала кое-что о своём муже, что освобождало её от всех угрызений совести.

На углу её ждал кучер герцогини, который повёз Элино́р на прогулку по парку с личным секретарем её светлости, мистером Гербертом Ловриджем. Не сказав ни слова, она протянула ему письма, которые ей удалось разыскать. И если б её об этом спросили, была готова ответить — не без чувства гордости, — что не прочла в них ни строчки.

— Её светлость желает сообщить вам, что она не может сегодня встретиться с вами лично, — сказал секретарь.

Элино́р окинула испытующим взглядом опрятного молодого человека с бесцветной, невыразительной внешностью, неоднократно выступавшего посредником между герцогиней и её агентами. Наблюдая его изысканные манеры, никто и представить не мог, что этот

лощенный господин тайком передает записки герцогини продавцам сосисок и разносчикам творога и простокваши.

Элино́р ви́дела собственными глазами, как Ловри́дж принимал донесения у воров-карманников и даже у проституток, относясь к этим грязным особам женского пола с таким почтением, словно они были принцессами.

Наверное, личный секретарь герцогини получал хорошее жалованье за свою работу. А еще Элино́р чувствовала, что преданность мистера Ловри́джа ее светлости простирается далеко за пределы банальных товарно-денежных отношений. Герцогиня Веллингтон и сама умела быть верным другом тем, кто служил ей верой и правдой. А беспримерная доброта ее светлости к бедным, сирым и одиноким снискала ей любовь простых лондонцев.

— У лорда Чарлза шатается зуб, — объяснил Ловри́дж, имея в виду младшего сына герцогини. — Ее светлость не сомкнула глаз всю ночь.

— О Боже! — воскликнула Элино́р. — Надеюсь, ничего серьезного, успокойте меня.

Ловри́дж скривил тонкие губы.

— То, о чем забыла позаботиться природа, наверняка сумеют разрешить около дюжины зубных врачей, созданных для оказания помощи юному лорду.

— Понятно. — Элино́р тоже не раз срочно вызывали по приказу в дом герцогини всякий раз, когда у детей появлялась сыпь или случалось расстройство желудка. Ведь, будучи дочерью хирурга, Элино́р не раз помогала отцу в экстренных случаях. — Позволило ли душевное состояние ее светлости выработать для меня новые распоряжения?

По лицу Ловри́джа пробежала легкая тень.

— Вы не ошиблись, миледи. Ее светлость поручила мне предостеречь вас. События вокруг подчас принимают неожиданный оборот.

Элино́р загрустила: судя по всему, с Мейфэ́рским незнакомцем придется распрощаться. Конечно, она понимала, что рано или поздно это должно было случиться. Но надеялась, что успеет довести до конца то, что ей поручено. После того как Элино́р добудет два последних письма, она со спокойной душой сложит с себя все полномочия. Но осознавать, что она бросает дело на полпути, для нее было нелегко.

— Хорошо, выкладывайте все как есть, мистер Ловри́дж, — немного раздраженно сказала она, хотя и понимала, что молодой человек ни в чем не виноват. — Прошу вас, передайте слова ее светлости слово в слово.

— Это касается Ланселота.

— Кого? Ах... — Элино́р вздохнула. Ланселот — имя, которое в целях конспирации герцогиня Веллингтон дала Себастьяну. Королем Артуром, разумеется, именовался герцог. Ее светлость пожелала именоваться Джиневрой, а Элино́р для оперативной работы была Мерлином. — Какое отношение он имеет к Камелоту? — спросила Элино́р, с трудом скрывая удивление.

— В этом деле Ланселот выступает в качестве странствующего рыцаря. Королева узнала, что он обратился к королю Артуру и попросил разрешения биться на турнире.

— Что за черт... — Элино́р раздражали все эти имена, используемые для конспирации. Ей хотелось, чтобы Ловри́дж сказал прямо, что имел в виду. И вдруг ее осенило: Себастьян вмешивался в ее дела по собственной инициативе. Он не получил никаких приказов от герцога на этот счет.

— Дайте мне в этом разобраться, — попросила Элино́р, сжимая кулаки. — Разве мой му... то есть Ланселот, на самом деле действует не по приказу короля Артура?

Ловридж кивнул с мрачным видом:

— Это точка зрения королевы.

— Коварный подонок.

— Простите?

— Это я должна перед вами извиниться. Во мне все кипит от гнева, Ловридж.

— Да, миледи.

— Я готова его убить.

— Боже милостивый.

Элино́р раздумывала минутку-другую.

— Есть ли у Джиневры какие-либо пожелания относительно того, что ей хотелось бы, чтобы сделал ее волшебник?

Ловридж довольно улыбнулся, что в очередной раз подтвердило мнение Элино́р о том, что все эти интриги его забавляют не меньше самой герцогини.

— Она надеется, что эта новость не охладит пыл Мерлина и его намерение выполнить то, что он обещал.

Элино́р молчала. Сделанное ею сегодня открытие, касающееся ее мужа, не особенно расстроило или удивило ее. Она сама не знала почему. Какой же коварный человек ее супруг! Возможно, он даже хотел присвоить себе лавры Элино́р. Как она могла ему верить?

На повороте экипаж замедлил ход. Ловридж привычно протянул Элино́р обычные свертки, присланные герцогиней, — чтобы у нее были вещественные доказательства того, что она провела вторую половину дня, совершая покупки.

— Передайте королеве, что Ланселот будет заколдован.

У Ловриджа загорелись глаза.

— В самом деле. А турнир...

— ...будет идти полным ходом, как и было, запланировано.

Элино́р отдавала себе отчет в том, что похитить письмо из самого дорогого лондонского борделя на Брутон-стрит будет нелегко. Никогда еще ей не приходилось выполнять столь трудное и сопряженное с риском задание. Одри Уотсон владела элегантным заведением с такой хорошей охраной, что даже если бы Элино́р удалось проникнуть внутрь, выйти оттуда незамеченной было практически невозможно. Готовясь к сложному заданию, она целый месяц изучала план дома. А агенты герцогини снабдили ее кратким описанием внутренней обстановки.

Но этого было недостаточно. По имевшимся сведениям, по всему дому были расставлены ловушки — для того, чтобы отсеивать непрошенных гостей, главным образом журналистов, которые надеялись вывести на чистую воду убеленных благородными сединами членов парламента, а также молодых грешников, готовых пойти на все, включая риск для жизни и угрозу членовредительства, — только для того, чтобы впоследствии в тесном кругу своих близких друзей можно было хвастливо заявить о том, что они провели «незабываемый вечерок у миссис Уотсон».

В знаменитые апартаменты получали приглашения лишь принадлежащие к узкому кругу избранные лица. Остальные платили за эту привилегию огромные деньги. Элитное заведение славилось строгой секретностью в отношении частной жизни высокопоставленных клиентов, а также большим набором услуг, предлагающих удовольствия широкого спектра — гастрономических, интеллектуальных и, разумеется, плотских.

Элино́р понимала, что рискует, как никогда. Ее провал будет означать полный крах. В этом случае игра для нее будет окончена навсегда.

Успех же в этой секретной операции даст возможность им с герцогиней торжествовать до конца дней. Какая леди в Лондоне, сгорая от любопытства, не лелеяла тайную мечту когда-нибудь узнать, что происходит за закрытыми дверями заведения миссис Уотсон?

Разумеется, Элино́р не собиралась посвящать Себастьяна в план проникновения в этот дворец султана, полный наложниц. Ей показалось, что ее муж и без того слишком хорошо разобрался в особенностях внутреннего убранства борделей. Слава Богу, что он не был близко знаком с самими обитательницами этих домов. Да, они с мужем оба были хорошими актерами и умели, если надо, менять свой облик. Их обоим одинаково привлекал риск. Однако оба сохраняли верность друг другу.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Элино́р не думала, что проникнуть в храм Венеры — пара пустяков.

Как было известно, телохранители миссис Уотсон — молодые люди мужественной наружности, одетые в дорогие вечерние костюмы, — охраняли заведение и его окрестности. По виду они ничем не отличались от именитых гостей, чью неприкосновенность частной жизни они оберегали по долгу службы.

Элино́р сказали, что у каждого входа и выхода в помещении дежурит караульный. Стражники находились на балконах, на лестнице и за дверями комнат, в которых клиент мог безбоязненно предаваться любым порокам, о которых не принято упоминать вслух. Тем не менее, когда Элино́р пробиралась по заросшему саду за домом, никто не пытался ее остановить. И не было сторожевых псов, кидающихся из-за кустов на непрошенных гостей.

Открыв окно гостиной при помощи резака, Элинор беспрепятственно проникла в дом и очутилась в кромешной темноте.

Она сама не знала, что ее здесь ждет, и была готова стать невольной свидетельницей немислимых оргий, во время которых их участникам будет не до осторожно ступающего лазутчика, желающего остаться незамеченным.

Оглядевшись по сторонам, Элинор поняла, что она одна в комнате. Несколько минут она стояла неподвижно, прислушиваясь к приглушенному смеху, голосам, звону бокалов, доносящимся из комнат наверху.

Как выяснилось, никто не охранял лестницу, скрытую от посторонних глаз за имитацией книжного шкафа, простиравшегося от пола до покрытого шпукатуркой потолка. Чтобы не было заметно, что окно открыто, Элинор задвинула шторы — для того, чтобы при случае она смогла уйти отсюда так же легко, как ей удалось проникнуть внутрь.

Еще раз внимательно осмотрев комнату, она направилась к лестнице.

На случай, если ее обнаружат, Элинор заранее приготовила правдоподобную историю. Она решила выдать себя за пытливого юношу, чье любопытство толкнуло его на это незаконное вторжение. Кому не хочется хотя бы одним глазком взглянуть на известное на весь Лондон заведение, где поселился порок?

Этот юнец еще не успел потерять целомудрие. Никого это не удивит. Достаточно взглянуть на его ничем не примечательную физиономию. Молодые люди с такой непривлекательной внешностью не избалованы женским вниманием. Если он похвастается перед приятелями, что дерзко проник в гнездо разврата и прихватил с собой кое-какое вещественное доказательство своего визита, это даст ему возможность показать свою смелость.

В качестве трофея сойдет любая мелочь: кисточка от подушки, гребень, на котором остался волос куртизанки. Или... письмо. Письмо. Она должна найти его. И убежать. Сделай это. Не размышляй, а действуй.

Сердце у Элинор лихорадочно колотилось. Поднявшись на верхнюю ступеньку крутой лестницы, ведущей на второй этаж, она открыла узкую дверь и вошла в освещенный фонарем коридор. Почему нигде не видно охранников, о которых ей рассказывали?

Элинор охватили нехорошие предчувствия. Она оглянулась. Тихо, как на кладбище. Наверное, стены здесь специально устроены таким образом, чтобы поглощать звуки.

Внутренний голос подсказывал Элинор, что ее ждут неприятности, но она к нему не прислушалась. Ее охватил азарт. Риск, которому она подвергалась сейчас, волновал ее. Возможно, эта вылазка станет лебединой песней Мейфэрского незнакомца. И ему будет о чем рассказать впоследствии. Может быть, даже в мемуарах.

Себастьян внимательно смотрел на тени, двигавшиеся в тумане. Туман был таким густым, что даже внушительные очертания экипажа Уилла угадывались с трудом. Себастьян прекрасно знал, что охранники миссис Уотсон не могли не заметить появление кареты рядом с их заведением. И, насколько он мог понять, скорее всего тоже заметили его, Себастьяна.

Однако если бы это был Уилл, он бы остановился перед зданием гостиницы на углу и постарался выдать себя за завсегдатая.

Ах, лучше бы он вообще не привозил сюда Элинор.

Увидев, как из дома миссис Уотсон кто-то вышел, Себастьян пригляделся.

Нет, это была не его жена. Почему она задерживается? Что делает там так долго?

Может, пора вмешаться?

Чтобы войти в этот дом, Себастьяну будет достаточно назвать свое имя. Если верить тому, что он слышал, Боскаслы были вхожи в заведения полусвета. Разумеется, он не мог просто постучаться в дверь и попросить позвать свою жену-авантюристку. Если он сорвет задание Элинон или помешает ей незаметно скрыться, она никогда ему этого не простит.

Но Себастьян также никогда не сможет простить себе, если с ней что-то случится.

Время словно остановилось. Прошло десять минут. Двадцать. Также медленно тянется время! Зачем он сделал вид, что ему не известно, что замышляет Элинон? Теперь все более очевидно: она попала в беду. О Господи, вполне возможно даже, что к ней пристал клиент, решив, что дама в мужской одежде — еще одна из услуг, предлагаемых предприимчивой хозяйкой борделя.

Элинон и представить не могла такую развязку своей авантюры. В борделе миссис Уотсон ей удалось разыскать не одно, а целых два письма леди Виолы Хатчинсон. Хотя точно так же Элинон не могла представить, что ее обнаружит миссис Уотсон.

Она оглянулась, увидев отражение на зеркальной стене из венецианского стекла. Боковая дверь открылась, и появилась привлекательная женщина с золотисто-каштановыми волосами в шелковом платье темно-красного цвета. У двустворчатой двери в напряженных позах застыли молодые рослые телохранители.

Элинон лихорадочно просчитывала варианты побега. Никаких шансов убежать отсюда. Она в ужасе посмотрела на окна с железными решетками, закрытые красными узорчатыми шторами, а потом перевела взгляд на дверь в коридор. Нет, придется ждать следующий ход миссис Уотсон.

— У вас есть оружие? — спросила женщина, манеры которой напоминали скорее поведение матроны из высшего общества, нежели повадки самой известной куртизанки в городе.

— Да.

— Тогда будьте хорошим мальчиком и сдайте его охранникам.

Элинон не оставалось ничего другого, как вынуть свой инкрустированный жемчугом пистолет и расстаться с ним. Не дожидаясь, когда ее обыщут.

— Итак, — сказала миссис Уотсон, поднимая брови. — Что привело вас в мой дом?

Сможет ли Элинон выкрутиться? Сработает ли ее уловка? Маловероятно, но все же стоит попробовать.

— Честно признаться, любопытство.

— Оно, как известно, сгубило кошку. Что вы надеялись найти в моей комнате?

— Наверное, вас. Есть ли в Лондоне что-то более волнующее для неопытного деревенского юноши?

Миссис Уотсон позабавил такой простодушный ответ.

— У вас еще не было женщины, признайтесь, дорогой? — Она медленно принялась развязывать банты на своих коротких, до локтя, рукавах. — Оставьте нас наедине, пожалуйста, — не оглядываясь, приказала дама охранникам.

Телохранители исчезли за дверью. А затем в тишине раздался звук запирающегося снаружи замка. Элинон чувствовала странное спокойствие. Размышляя о том, что ожидает Мейфэрского незнакомца, она могла бы представить себе все, что угодно, но только не приглашение в постель знаменитой куртизанки. «Пусти в ход всю свою сообразительность, чтобы выпутаться из этой переделки, хитроумная Элинон!»

— Раздевайтесь, — приказала миссис Уотсон, развязывая узел тяжелых волос. — Вам повезло: вы застали меня в игривом настроении.

«Вот ужас. Видно, сегодня не мой день».

Элино́р бросила взгляд на свое отражение в зеркале.

— Если вы не возражаете, я бы предпочел оставаться в одежде, — хриплым голосом проговорила она.

— Тогда мы не сможем заниматься любовью как следует. Бросьте, юноша, не стесняйтесь. Раз у вас хватило духу вломиться сюда с оружием, не такой вы и застенчивый, каким кажетесь.

— Ваши охранники только что забрали мой пистолет, мадам.

Миссис Уотсон многозначительно посмотрела на ремень Элино́р:

— У молодого человека имеется и другое оружие.

О Боже! Помогите ей, Господи! Какая удача: Мейфэрский незнакомец заполучил себе самую известную шляху в Лондоне, и она готова воплотить все его эротические фантазии!

— Мадам, боюсь, что вас разочарует моя неопытность.

— Что вам известно об оральной стимуляции?

Элино́р покраснела до корней волос.

— Думаю, что ораторское искусство утрачено навсегда.

Миссис Уотсон рассмеялась:

— Не пойму: то ли вы самый смелый молодой человек, который когда-либо врвался в мой дом, то ли самый бестолковый.

— Ни то ни другое, если позволите, — сказала Элино́р и побледнела от ужаса, потому что Одри Уотсон подошла к ней и прижала к стене.

— В этом доме вы можете делать все, что ни пожелаете...

— Я желаю получить свободу.

— ...за деньги. — Дама щелкнула пальцами, внезапно превратившись в деловую женщину. — Однако вы меня заинтриговали. Снимите маску.

— Нет, — сказала Элино́р.

— Прошу вас!

Одри неожиданно схватила ее за запястье, и письма, которые Элино́р прятала в рукаве, упали на ковер. Мгновение миссис Уотсон удивленно смотрела на пол, а когда она подняла глаза, было ясно, что она обо всем догадалась.

— Это вы, — выдохнула изумленная женщина, оглядывая Элино́р с головы до ног. — Вы тот самый Мейфэрский незнакомец... И явились сюда за письмами. Не за драгоценностями. И не за запретными наслаждениями. Зачем вам это?

— Ну, миссис Уотсон, вам следовало быть более догадливой.

— Я делаю это ради порочного развлечения.

— Если вас так влечет к ним, вы обратились по адресу. Вы их получите. Я дам вам их...

Элино́р пожала плечами:

— Хорошо.

— В Лондоне нет ни одной женщины, которая бы вас не хотела.

Элино́р рассмеялась над абсурдностью этой фразы.

— Но вы только мой, — понизив голос, многозначительно прошептала миссис Уотсон. Она покачала головой. — Наверное, вы собирались шантажировать меня, — размышляла она. — Что, по крайней мере в моем случае, напрасная трата времени. Я знаю столько чужих

тайн, что вам и не снилось.

— Уверяю вас, что я совсем не тот тип, который вам нужен.

Элино́р посмотре́ла в глаза Одри. У этой дамы большой опыт общения с мужчинами, и она в любую минуту может догадаться, что Элино́р разыгрывает перед ней спектакль.

Она ждала, что будет дальше. Кто знает, что произойдет в следующий момент? Может быть, ни с того ни с сего стены обрушатся? Или вдруг случится вселенский пожар? Или Всемирный потоп?

Одри смотре́ла на Элино́р, округлив глаза от изумления.

— Вы женщина, — прошептала она и прикрыла рот рукой. — И если ваша цель — не шантаж, тогда...

— Это просто... шутка. Я пришла сюда забавы ради. Это способ развеять скуку и хоть чем-то скрасить обыденное существование. Не пытайтесь найти причину. Это плутовство...

— На кого вы работаете? — перебила ее Одри.

— На Мидаса, царя Фригии.

Одри рассмеялась:

— Все мы в некотором роде ему служим. — Она наклонилась и подняла письма с пола. Задумавшись, миссис Уотсон начала водить пальцем по растрескавшейся печати. — Я не знаю, кто вы на самом деле и чего вы хотите. Но я могу это выяснить. Не стоит меня недооценивать. — Она посмотре́ла в глаза Элино́р. — Мы с вами можем стать хорошими подругами, а можем превратиться в заклятых врагов.

— Я работаю ради блага Англии, — с жаром выпалила Элино́р.

— Я тоже в каком-то смысле, — с сарказмом заметила Одри.

— Но я не имею права поведать вам больше того, что сказала.

— Ради блага Англии... Неужели вы думаете, что я поверю, что проделки Мейфэрского незнакомца — это ширма для героизма?

— Я вовсе не героиня.

— Полно вам скромничать, дорогая. Вас вполне можно так назвать. А героизм неразрывно связано с ответственностью.

В горле у Элино́р встал комок. Как бы Себастьян выпутался из этой ситуации, если бы его застали в заведении подобного рода? Долой тайны. Он бы снял свою маску, а возможно, и одежду тоже, обнажив красоту, достойную греческого бога. И тогда Одри могла бы горы для него свернуть. Она помогла бы Себастьяну в его деле. Потому что тот обладал властью над женщинами.

В этот момент в дверь вежливо постучали.

— Мадам, может быть, мы вам нужны? — неуверенно спросил мужской голос.

Элино́р затаила дыхание. Только вчера она жалела несчастных, которых помещали в мешки с тяжелыми камнями или в огромные бочки для табака, чтобы потом сбросить на дно Темзы. Тайнственное исчезновение леди Боскасл станет завтра главной темой в утренних газетах. Как отреагирует Себастьян, когда бездыханный труп его жены прибьет течением к берегу?

— Мы с вами встречались раньше? — неожиданно спросила Одри.

— Нет. — Это было правдой только отчасти. На самом деле в прошлом году они обе посещали одну выставку, хотя не были друг другу представлены.

— Что прикажете с вами делать? Элино́р стиснула зубы.

— Что хотите. Мне сейчас все равно. Можете звонить в полицию, если пожелаете.

— В полицию? О, ради Бога! Это вульгарно.

Они снова посмотрели друг другу в глаза — две женщины, у которых, в сущности, было много общего. Они обе бросили вызов условностям.

— За вами следили все время, как только вы приблизились к моему дому. Но должна признаться, я не догадалась, кто вы. Если бы я узнала это раньше, сама пригласила бы вас зайти.

В порыве чувств Элинон схватила Одри за руки.

— В таком случае, умоляю вас... если в вас есть хоть капля симпатии к Мейфэрскому незнакомцу, прошу вас, дайте ему уйти.

Одри улыбнулась:

— Думаю, меня можно уговорить.

— А письма?

— Забудьте о них, — твердо сказала Одри. — Вам повезло, что я питаю слабость к авантюристам. Но не советую дальше испытывать мое терпение.

— Мадам, — раздался голос за дверью — на этот раз он звучал более настойчиво, — вам требуется наше вмешательство или нет?

Одри поспешно спрятала письма в шкатулку на каминной полке.

— За всю свою жизнь я не разболтала ни одного секрета, — повернувшись к Элинон, сказала она. — Если вы станете мне доверять, у вас не будет причин об этом пожалеть.

— К сожалению, я вышла из того возраста, когда можно кому-то доверять.

— Мадам, — громко спросили за дверью, — вам помочь?

— Да, мне необходима помощь одного из вас, — ответила Одри. — Проводите нашего дорогого гостя как можно более незаметно на улицу.

Элино́р завязали глаза и вывели на внутренний двор, расположенный позади здания, а оттуда — через душный тоннель, который, как предположила она, был проложен под несколькими соседними домами. Наконец с нее сняли повязку, и Элино́р увидела, что стоит посреди тротуара. Она с облегчением вздохнула.

О нет! Оказывается, Элино́р снова попала в западню. Невдалеке ее поджидал Себастьян Боскасл — хмурый и непреклонный. Она покорно приготовилась услышать выговор.

— Если ты еще хоть раз выкинешь такое, я собственноручно прикую тебя к...

У Элино́р не хватило духу спорить. Ей даже не пришло в голову спросить, как Себастьян узнал, где ее надо ждать.

— Где экипаж? — пробормотала она, направляясь туда, где, по ее мнению, он должен был стоять.

— Нужно идти совсем в другую сторону.

— Но почему?

— Ради Бога, Элино́р, не задавай глупых вопросов.

— Нет, ответь мне, куда делся экипаж? Себастьян взял ее за руку и крепко сжал.

— Я его переставил.

— А где Уилл? — изумленно спросила Элино́р.

— Он появится в нужный момент.

— Ты...

— Об Уилле потом. Лучше скажи, что случилось с тобой. Элино́р съежилась под пристальным взглядом мужа.

Она увидела искреннюю заботу в его глазах, поняла, что Себастьян о ней волновался, и почувствовала, что может немного расслабиться. Муж крепко обнял ее, и Элино́р позволила ему это, понимая, что заслужила его гнев, и сознавая, что сейчас нуждается в его поддержке.

— С тобой все в порядке? — прошептал Себастьян, когда Элино́р положила голову ему на грудь.

Она кивнула, кусая губы. Ах, как бы ей хотелось как-то обойти в разговоре тему ее провала!

— Как тебе удалось убежать?

— Я бы не назвала это побегом. Скорее, меня выдворили, — пряча глаза, призналась Элино́р.

— Так, значит, ты так и не забрала письмо?

— Не удалось. — Она высвободилась из объятий Себастьяна. Качая головой, Элино́р сказала: — Я разыскала там сразу два письма, но меня поймали.

— Охранники? — спросил Себастьян, оглядываясь на улицу.

— Нет...

Из дома неподалеку раздались мужские голоса. Себастьян взял жену за руку и повел по улице. Его теплая рука дарила Элино́р утешение.

Уилл, одетый в плащ из верблюжьей шерсти и высокую бобровую шапку, нервно вышагивал возле экипажа. Его белокурые, с рыжим отливом волосы были в беспорядке. А когда Элино́р подошла ближе, она почувствовала, что от кузена сильно пахнет бренди.

— Твой муж, — сообщил Уилл, покосившись на стоявшего рядом Себастьяна, — сущее

чудовище. Я думал, что он... что он собирается...

Тот не дал ему договорить, встав между ним и Элинором.

— Хватит чесать языком, как торговка на рынке. Твое дело — управлять экипажем.

Уилл молча кивнул и послушно занял место кучера.

Через пару минут Элинором сидела в экипаже напротив своего супруга, а гнедые рванули с места и понесли так резво, словно принимали участие в скачках.

— Не хочешь объяснить мне, что случилось? — спросил Себастьян, испытующе глядя в лицо притихшей жены.

— Одри Уотсон поймала меня с поличным, но потом отпустила.

Себастьян нахмурился, а потом потер лоб.

— Почему же она проявила великодушие?

— По-моему... Мне кажется, она понимает, почему я этим занимаюсь.

— Тогда, может, она и со мной поделится этим? — съязвил Себастьян, а затем грозно спросил: — Зачем тебе все это, Элинором? Почему ты ввязалась в такую авантюру?

Та резко отвернулась, чтобы не видеть его сердитую физиономию.

— Я задал вам вопрос, мадам.

— Ты в самом деле хочешь узнать?

— Да.

— Потому что мне очень нравится это занятие.

— Тебе доставляет удовольствие тайком проникать в чужие спальни и ускользать, рискуя покрыть свое имя позором в случае разоблачения?

— Это помогает мне развеять скуку.

— Миссис Уотсон известно о том, кто ты такая? — помолчав, спросил Себастьян.

— Пока нет.

— Вы раньше встречались? — удивленно поинтересовался он.

— Прошлым летом я видела ее мельком на аукционе в королевской академии, где проходила выставка акварелей Беллисанта.

— Нуда, разумеется, — согласно кивнул Себастьян.

Элинором сжалась в комок. Она чувствовала, что заслужила неодобрение мужа. Одри Уотсон может легко узнать, кто она такая. Это просто вопрос времени. Герцогине придется пережить двойное унижение — не только от разглашения якобы опрометчивых связей герцога, но и от того, что их разоблачит самая известная в Лондоне хозяйка борделя.

— А еще у меня забрали мой любимый пистолет, — пробормотала Элинором.

— Ну, это не самая высокая цена за свободу. Я был готов разнести весь дом в щепки, чтобы выволить тебя оттуда.

— Представляю, что это была бы за сцена, — грустно улыбнулась Элинором.

— Если бы хоть волосок упал с твоей головы, я бы устроил им светопреставление, — мрачно проговорил Себастьян.

Она вздохнула. То, что муж о ней тревожился, растрогало Элинором и растопило остатки льда в ее сердце. У нее пропало желание прятаться в надежную броню, которая до этого не позволяла ей снова влюбиться в своего мужа.

— Ради чего весь этот риск, милая? Я все-таки не понимаю.

Себастьян сел рядом с ней.

Забота мужа подействовала обезоруживающе на Элинором. Она была растрогана до глубины души, и от этого ей захотелось плакать.

— Ради вознаграждения, разумеется.

— Какого именно? — Себастьян нахмурился. — Ты говоришь о деньгах? Герцогиня пообещала осыпать тебя золотом?

— Не совсем так. Ты же понимаешь, что рано или поздно герцог вернется в Англию и станет влиятельной политической фигурой?

— Разумеется.

— В преданности людям, облеченным властью, есть свой резон, — медленно сказала она. — Выгода для всей семьи.

Себастьян покачал головой:

— Так, значит, это не просто пустая болтовня за чаем? Герцогиня в самом деле обещала тебя вознаградить?

— Да. И тебя. И наших будущих детей, если они у нас будут. Это ты хотел от меня услышать?

— Не уверен. Но по крайней мере это ответ, который я мог бы хоть как-то понять. — Себастьян погладил Элинор по щеке. — Обещай мне, что ты больше не будешь подвергать себя опасности. Я знаю, что ты привыкла держать слово.

И все-таки муж был не до конца с ней откровенен. Интересно, признается ли он когда-нибудь, что его действия не имеют ничего общего с распоряжениями герцога?

— Да, я человек слова, — глядя Себастьяну прямо в глаза, тихо промолвила Элинор.

Муж взял ее за руку.

— Итак, ты покончила с этим опасным делом? Элинор была вынуждена признать, что после визита на Брутон-стрит ее занятие утратило для нее изрядную долю привлекательности. А может быть, к ней пришло осознание того, что главная опасность, к которой ее неудержимо влекло, сидит сейчас рядом.

— Ну так что ты мне на это скажешь? — спросил Себастьян, приближая свои губы к ее губам.

— Я не готова сейчас отвечать. Мне надо подумать.

— Очень советую. — Себастьян сплел ее пальцы со своими. — У нас будут дети, не забывай об этом, — сказал он.

— Но того, которого мы потеряли, уже не вернуть.

— Я сожалею об этом, Элинор. Поверь мне.

— Я знаю.

— Мейфэрский незнакомец не годится в отцы нашим детям.

— Вот тут ты абсолютно прав, — пробормотала Элинор.

Себастьян опустил глаза и покачал головой.

Он подумал, что на протяжении всего времени именно это было настоящей угрозой для их брака. Именно это, а не Беллисант или какой-то другой мужчина. Потеря ребенка — вот о чем постоянно вспоминала Элинор.

— Пожалуйста, — сказал он, — не позволяй мне потерять и тебя тоже.

На следующее утро Себастьян принес Элинор чай и утреннюю прессу в постель. Когда, держа газету под мышкой, он поднимался по лестнице с подносом, служанка его жены Мэри сказала, глядя на него укоризненно:

— Хозяйка просит оставлять поднос под дверью, если накануне она возвратилась поздно.

Это замечание прозвучало в ее устах как напоминание, что уж ей-то, преданной и верной, гораздо больше известно о привычках хозяйки, чем ее законному супругу.

— Я это учту, — подмигнув Мэри, сказал Себастьян. Та попыталась улыбнуться. Себастьян видел, что служанка его недолюбливает, и его это забавляло.

— Лорд Боскасл...

— Да, Мэри?

— Простите мне мою дерзость, но ее милость не любит, когда ее тревожат так рано.

— Мне это известно, — усмехнулся Себастьян. — Но предоставьте мне решать самому, когда я могу разбудить собственную жену.

Он принес поднос с чаем в спальню и осторожно тронул Элинор за плечо.

Весело насвистывая, Себастьян поставил поднос на тумбочку, не в силах скрыть радость от того, что его жена в конце концов станет принадлежать ему не только телом, но и душой.

— Нам нужно поговорить, — сказал он.

— Не сейчас. Я только что проснулась и плохо соображаю.

— Выпей чаю, дорогая. Дело срочное.

Через несколько минут Элинор развернула газету, которую дал ей муж, и ахнула:

— Ах, Себастьян, это ужасно!

Элинор с ужасом читала статью, в которой описывались последние «подвиги» Мейфэрского незнакомца.

— Ты показал мне это, чтобы позлорадствовать?

— Что ты, дорогая.

— Ты прочел это сам?

— Могу процитировать отрывок, который особенно запал мне в душу: *«Так чего же он ищет? Каплю любви и внимания...»*

— *«...самых красивых женщин Лондона, — продолжила Элинор. — В два часа ночи в скандально известный бордель на Брутон-стрит были вызваны два сыщика из Лондонского полицейского управления. Владелица борделя дала показания, что в ее заведение тайно пытался проникнуть человек, о котором вот уже более трех месяцев говорит весь Лондон. Хозяйка публичного дома столкнулась с ним лицом к лицу. Вот что она рассказала: "Я убедила Мейфэрского незнакомца снять маску"».*

Себастьян сел на кровать.

— И когда он это сделал...

— *«...я увидела, что его лицо обезображено таким отвратительным шрамом, что я никогда этого не забуду. Когда я расспросила своего ночного гостя о том, что его побудило к подобным действиям, мужчина объяснил мне, что он житель Корнуолла и его лицо было изувечено во время взрыва на шахте. Это достойное жалости создание призналось, что его единственным утешением являются тайные визиты к лондонским красавицам, которые*

стали бы избегать его, если бы увидели, как он уродлив. Его преступлением являются одиночество, преклонение перед женской красотой и неудовлетворенное желание».

— Надо же было такое придумать, — нахмурилась Элино́р. — Я никогда в жизни не бывала в Корнуолле.

— Тогда, может быть, нам пора туда съездить вдвоем? Там есть прекрасный курорт Пензанс. Будем бродить по пляжу, взявшись за руки. Как это было бы здорово!

— Ты видел эту картинку с его изображением?

Себастьян рассмеялся:

— Ее было трудно не заметить.

Элино́р и Себастьян склонились над карикатурой, изображающей низкорослого господина с орлиным носом, показывающего читателям фигу.

— В придачу ко всему этот негодник еще и нахал, — заметил Себастьян. — Никакого уважения к людям.

— Обязательно было изображать его таким непривлекательным? — возмущенно спросила Элино́р.

— Те персоны, которые его и вправду знают, могли бы догадаться, что это отвлекающий маневр, и оценить это.

— В моем положении вряд ли было бы уместно настаивать на том, чтобы хозяйка борделя пересмотрела свои показания и учла мои критические замечания. По крайней мере прошлое этого персонажа не может не вызывать сочувствия... Если бы он существовал на самом деле.

— Но теперь, когда Мейфэрский незнакомец лишился ореола тайны, он потерял большую часть своего шарма. Теперь он вызывает скорее жалость, чем тайное восхищение.

— Да уж, ему можно только посочувствовать, — пробормотала Элино́р и погладила пальцем карикатуру. — Я понятия не имела, что бедняга так страдает. Его история драматична. Она никого не может оставить равнодушным. В том числе и меня.

— Может быть, — сказал Себастьян, взяв газету у Элино́р из рук, — нам следует заострить свое внимание на той части повествования, в которой преподается мораль: хорошо то, что хорошо кончается?

— По крайней мере это нельзя назвать моим провалом, — сказала Элино́р, заметно оживившись.

Себастьян насторожился:

— Ты не можешь заниматься этим снова.

— Конечно.

Муж убрал поднос с кровати и поставил его на пол.

— Ну что ж. Тогда давай вместе известим об этом герцогиню.

— Если она увидит эту статью — а она обязательно ее увидит, — я не знаю, как после этого я смогу смотреть ей в глаза.

— Да, я тебя понимаю...

Себастьян понимал, что Элино́р предстоит смириться с тем, что она не может довести до конца задание, которое ей дала герцогиня. И это для нее нелегко. Поэтому он решил прибегнуть к более убедительным методам, чтобы повлиять на жену.

Но он не успел и глазом моргнуть, как последующая фраза Элино́р свела на нет все его усилия и отбросила его к тому, с чего он начал.

— Вынуждена не согласиться с одним из твоих предыдущих замечаний. Мейфэрский

незнакомец не лишился своего романтического ореола.

— Да Бог с ним, — попытался отмахнуться Себастьян и привлек Элино́р к себе.

— Лорд Боскасл! Миледи! — раздался стук в дверь и крик Мэри. — Извините, что беспокою вас, но герцогиня прислала к вам своего слугу. Ее светлость страшно разгневана. Она требует, чтобы вы и его милость явились к ней в четыре часа.

Элино́р не составило большого труда прийти к выводу, что Себастьян утаил от нее новость о вчерашнем фиаско. Он сразу догадался, что она совершила ошибку. Но Элино́р больше беспокоило то, о чем Себастьян не имел понятия. Она бы сгорела со стыда, если бы ее муж узнал, что миссис Уотсон чуть ее не соблазнила. И, несмотря на то, что эта женщина, бесспорно, оказала ей большую услугу, Элино́р не забыла, что Одри не зря упомянула о деньгах. Эта женщина поистине обладала деловой хваткой и предпринимательским чутьем.

Направляясь вместе с Себастьяном к герцогине, Элино́р была очень расстроена.

— Я вижу, ты волнуешься, — заметил Себастьян.

— Какая пронизательность, — съязвила она.

— Скажи, у меня такой тяжелый характер, что со мной трудно жить? — спросил он.

— Скорее, дело в том, что я уже привыкла быть одна. — Элино́р сказала это не потому, что собиралась дразнить Себастьяна, а потому, что хотела ответить честно. И он, по-видимому, это понял.

Себастьян кивнул:

— В таком случае будь уверена в том, что я сделаю все, чтобы помочь тебе обрести душевное спокойствие. Можешь на меня рассчитывать.

— Твои слова больше похожи на брошенный вызов, чем на супружеский обет.

Он громко рассмеялся. Себастьян выглядел сейчас таким же решительным и уверенным в себе, каким был в тот день, когда они познакомились.

— Может, и так. Все зависит от тебя.

Герцогиня Веллингтон, урожденная Китти Пакенхэм, ныне известная под именем Кэтрин Уэллсли, супруга одного из самых влиятельных людей в Европе, пребывала в дурном расположении духа. Она сидела в своей гостиной в Эпсли-Хаусе, а на полу были разбросаны иностранные и отечественные газеты. Когда в гостиную вошли леди Боскасл с супругом, симпатия, которую герцогиня питала к Элинор, тут же сменилась приступом зависти при виде поразительно красивого лорда Боскасла, который шел об руку с ее протеже.

Итак, этот красавчик офицер в конце концов вернулся домой. Китти не могла взять в толк, как ему удалось уговорить герцога разрешить вмешиваться в ее проблемы. Одно можно было утверждать: этот дьявол во плоти мог в любой момент испортить все дело. И если Боскасл подведет ее подругу и лучшего агента, герцогиня не собирается спустить ему это с рук. Однако что и говорить, этот негодник чертовски хорош собой.

— Лорд Боскасл, — сказала герцогиня, когда Себастьян подвел к ней свою жену. — Я рада, что вы вернулись домой.

Как бы она хотела, чтобы ее муж тоже был сейчас с ней! Кажется, еще совсем недавно Артур, происходивший из обедневшей семьи, был всего лишь капитаном драгун. Зато теперь его чествуют коронованные особы Европы. А ослепленные песком его славы женщины бегают за герцогом в перерывах между церковными проповедями и государственными банкетами.

Как и подобает герцогине, Китти встречала все трудности с высоко поднятой головой — и недостаток внимания мужа, и светские сплетни, и критику общественности.

Она была верной женой и самоотверженной матерью двух прекрасных сыновей. Пользуясь своей привилегией, пресекла немало скандалов. Обладая хорошо развитым материнским инстинктом, герцогиня распространяла его на все сферы своей деятельности. В то время как герцог Веллингтон разоблачал заговоры, предотвращая убийства и похищения известных персон, его супруга видела свою первостепенную задачу в том, чтобы ограждать семью от острых стрел публичного скандала.

Хотя косвенной виновницей последнего происшествия стала она сама.

Но кто обвинит ее светлость в том, что она увлеклась маленькой интригой с розыском писем, которую затеяли они с Элинор? Их объединяло то, что они обе были обделены вниманием своих супругов. Шпионские игры являлись своего рода мезью их мужьям.

Хотя вчерашний случай мог закончиться весьма плачевно.

Разумеется, газеты вольны писать что угодно. Человек, которого поймали в борделе, мог выдавать себя за кого угодно.

В то время как ее увенчанный славой супруг, по сути, выполнял миротворческую миссию, занимаясь улаживанием споров между державами, по вине герцогини поднялась газетная шумиха. А это так не соответствует ее высокому положению.

Китти должна была бы сгорать от стыда. Но она не чувствовала угрызений совести. Герцогиня буквально жила этими шпионскими страстями.

— Ваша светлость, — склонившись в вежливом поклоне, с жаром проговорил Себастьян. — Время не властно над вашей красотой, которая с годами становится только ярче.

— Лорд Боскасл, моя красота не сравнится с вашим исключительным красноречием.

Нам, женщинам, всегда хочется верить даже льстецам, — вздохнув, ответила герцогиня. — Неудивительно, что в последнее время я стала реже видеть Элинора. Даже начала скучать по ней.

Ее подруга присела в реверансе.

— Юные лорды пребывают в добром здравии, ваша светлость?

Легкая тень легла на лицо герцогини.

— После того как Артур простудился, его как будто подменили. У него совсем нет аппетита. Я не доверяю докторам, которые его лечат, и написала вашему отцу во Францию, чтобы спросить у него совета.

За этими словами герцогини последовал взрыв хохота, донесшийся из соседней комнаты. Затем раздался истошный крик няни: «Осторожнее!» — и страшный грохот от падения ширмы. Голос, который прозвучал далее, Элинора сразу же узнала — он принадлежал Беллисанту. Художник раздраженно выговаривал няне, что не может работать в таких условиях. Он настаивал, чтобы та перестала одергивать юных лордов каждую минуту, и попросил ее позволить детям оставаться детьми.

Элинора заметила, что, пока она слушала эту гневную тираду, Себастьян смотрел на нее с улыбкой. Герцогиня сочла необходимым объяснить: — Сэр Нейтан Беллисант обещал закончить портрет мальчиков до Рождества, когда мой муж вернется домой. — Она поморщилась, когда хлопнула дверь в передней. — Только как художник может работать, если эти маленькие непоседы ни минуты не могут посидеть спокойно?

Элинора подумала: если бы у нее были дети, она тоже захотела бы заказать их портрет. Конечно же, ее малыши будут похожи на Себастьяна. И станут столь же очаровательными, сколь и непослушными.

Когда Элинора взглянула на Себастьяна, то снова заметила, что тот внимательно смотрит на нее. Элинора показалось, что муж в этот момент думал о том же самом, что и она: когда-нибудь у них тоже будут дети. Герцогиня вздохнула.

Элинора последовала ее примеру. Потому что вспомнила: ее вызвали сюда не ради чая с пирожными. Едва ли кому-то придет в голову устраивать праздничное чаепитие по случаю позорного провала.

— Прошу вас, присаживайтесь. — Герцогиня помолчала немного, словно мысленно настраиваясь на неприятный разговор, а затем показала одну из газет, которые лежали перед ней на оттоманке. — Полагаю, вы оба читали утреннюю прессу? Мне не нужно цитировать?

Элинора бросила взгляд на газетный номер, представлявший Мейфэрского незнакомца во всей красе, а затем, кусая губы, подняла глаза на герцогиню.

— Я потрясена до глубины души, ваша светлость...

— Не сомневаюсь, — с саркастической улыбкой заметила Китти. — Полагаю, вам не очень приятно, что вас обнаружили не где-нибудь, а в борделе. И кто? Самая известная в Лондоне ночная бабочка. Вероятно, вы испытали настоящий шок.

Себастьян кивнул:

— Это было потрясение для всех участников случившегося.

Герцогиня прищурилась, размышляя над его словами.

— Что-то не пойму: кого же из вас двоих поймали? Элинора была готова провалиться сквозь землю. Под описание нарушителя спокойствия, которое дала полиции Одри с целью сбить ищеек со следа, с одинаковым успехом могли подходить и она, и Себастьян.

Как это раньше не пришло ей в голову? До того как прозвучал вопрос герцогини,

Элино́р и представить себе не могла, что в том инциденте накануне могли заподозрить ее мужа.

Хотя, возможно, ей стоило сразу догадаться о том, что возможна и такая интерпретация событий. Ведь после приезда Себастьяна Элино́р работала вместе с ним, совместно проводя все шпионские вылазки.

— Ваша светлость, — снова попыталась объяснить герцогине ситуацию Элино́р, — я чистосердечно могу признаться в том, что это...

— ...был я, — с непринужденным видом закончил фразу Себастьян. — До сих пор ругаю себя за то, что вломился в скандально известное заведение именно в тот час, когда там больше всего клиентов. Надо было проникнуть туда, используя более осторожные способы. Моя нетерпеливость затмила мне разум.

Элино́р подняла бровь. Она сомневалась, что герцогиня поверит в эту наглую ложь, но рыцарский порыв мужа растрогал ее. Это так благородно со стороны Себастьяна — не моргнув глазом бесстыдно лгать в глаза герцогине, выгораживая супругу, которая чересчур увлеклась шпионскими играми.

Ее муж — мастер вводить людей в заблуждение. Теперь Элино́р будет в еще большем долгу перед ним, чем в тот день, когда они дали друг другу клятвы перед алтарем. Наверняка, выручив Элино́р в столь щекотливой ситуации, Себастьян теперь всю оставшуюся жизнь будет попрекать ее этим. Интересно, было ли это самопожертвование хорошо обдуманном планом или ее муж сказал это в порыве великодушия? Так сказать, экспромтом.

— Ваша светлость, — снова попыталась все объяснить Элино́р, — мой муж — джентльмен до мозга костей.

— Точно так же, как и мой дорогой супруг, — со страдальческим видом произнесла герцогиня. — Военные парады, оперные и театральные премьеры, праздничные банкеты и торжественные собрания. Все это отнимает время. Нет такой женщины в Париже — да и во всей Европе, — которая не боготворила бы герцога Веллингтона.

Себастьян вздохнул:

— Когда человек настолько велик...

— Кто такая эта Ла Грассини? — всплеснув руками, с горестным видом спросила герцогиня и пнула в сердцах упавшую на пол газету. — Что это за бесстыдницы, которые вертятся вокруг моего мужа и мешают ему выполнять возложенные на него обязанности? Эти несносные кокетки, эти...

— Я в первый раз слышу это имя, — тактично заметила Элино́р. — Значит, эта особа не может похвастаться международным признанием.

— Полное ничтожество, — пожав плечами, развил ее мысль Себастьян. — В сущности, она никто. Вертлявая особа с писклявым голоском. Не понимаю, почему все с ней так носятся?

— Значит, ты знаком с ней лично? — помолчав, спросила Элино́р.

— Ну, я бы так не сказал, кое-какое представление о ней составил.

— Возможно, вы не читали о ней, но в газетах пишут, что она известная оперная певица, — бесстрастно заметила герцогиня.

— Может быть, ее и принимают кое-где, но ее слава меркнет по сравнению с вашей.

Элино́р округлила глаза. Боже праведный, этот негодник знает, как подольститься к женщине.

Приободренная речами Себастьяна, герцогиня вздохнула с облегчением.

— Как я предполагаю, о том, чтобы добыть письма, вчера не могло быть и речи.

— К сожалению, — в один голос ответили они.

Элино́р бросила на Себастьяна недовольный взгляд. Тот ответил ей милой улыбкой, а затем повернулся к герцогине и сказал:

— Придется отложить это до следующего раза. Будьте уверены в том, что письма попадут к вам в руки. У меня имеются свои собственные методы.

— Можете в этом не сомневаться, — натянуто улыбаясь, заметила Элино́р.

Герцогиня нервно теребила жемчужное ожерелье на шее.

— Хочу заявить вам прямо, лорд Боскасл, что у Элино́р за все это время еще ни разу не было ни одной осечки. Никому не удавалось ее задержать во время выполнения задания.

Себастьян нахмурился:

— Я тоже не припомню проколов.

— Кроме вчерашнего, — заметила Элино́р, вдруг освободившись от угрызений совести за то, что ее муж взял ее вину на себя. В конце концов, этот коварный человек обманул ее доверие, сказав, что действует по приказу герцога. А еще бесстыдным образом заставил Элино́р снова потерять от него голову. Вот пусть и расхлебывает эту кашу, раз сам напросился.

— Я хотела сказать, — поспешила добавить герцогиня, — что это чересчур деликатное задание для мужчины.

— И еще оно чрезвычайно опасно, — мрачно заметил Себастьян.

Герцогиня ласково улыбнулась ему:

— Должно быть, вы натерпелись страху, когда вас вчера поймали.

— Нет. Я только боялся, как вы ко всему этому отнесетесь.

Герцогиня покраснела.

Себастьян улыбнулся Элино́р, глядя на жену с видом триумфатора, отчего ей хотелось запустить в него чем-нибудь тяжелым, но она только потупила взор.

— Людям не стоит принимать за чистую монету все, что придумывают писаки которые даже не ставят подпись под своей статьей, — сказала Элино́р, с ненавистью глядя на карикатуру.

— А кому же в таком случае они могут доверять? На кого, скажите на милость, может положиться английский народ в это тяжелое время?

— На вас, ваша светлость, — услужливо подсказал Себастьян.

Герцогиня не могла удержаться от улыбки.

— Я не обладаю политической властью, очаровательный льстец. Кажется, я догадываюсь, как вчера вы выкрутились. Наверное, пустили в ход свои чары?

Себастьян промолчал, и только его глаза озорно заблестели.

— Ничего не говорите. Забудем о вчерашнем инциденте. Я уверена, что письма будут найдены. Я вам доверяю. А еще я хотела бы, чтобы вы поделились со мной впечатлениями о последних новостях, полученных из Парижа.

Эта просьба свидетельствовала о том, что опасная тема исчерпала себя.

Герцогиня позвонила и попросила принести освежающие напитки. Вскоре откуда-то появилась целая армия слуг с чайниками и кофейниками, фруктовыми и миндальными ликерами и наливками.

Герцогиня и ее гости вели неспешную светскую беседу, избегая касаться болезненных

тем. Когда из передней послышались голоса маленьких лордов, которых няня привела с прогулки, герцогиня сказала с улыбкой:

— Мои шалуны вернулись. Мне нужно идти. — И, посмотрев на Себастьяна, добавила: — Мальчики — ужасные озорники, не правда ли?

Себастьян учтиво поклонился.

— Девочки не слишком от них отстают. По крайней мере так говорят, — покосившись на Элинора, поправился он.

— Будьте осторожны вы оба, — немного поколебавшись, посоветовала, прощаясь, герцогиня.

— Жена отдала бразды правления в мои руки. Она считает, что может на меня положиться, учитывая, что я умею выходить сухим из воды.

— Согласна, в этом он мастер, — с ноткой сарказма проговорила Элинора.

Себастьян и Элинора шли по широкому холлу.

— Ты собираешься поблагодарить меня за то, что я выгородил тебя перед герцогиней? — спросил ее муж.

Элинора хитро рассмеялась:

— Неужели ты не можешь дождаться, когда мы придем домой, чтобы потребовать то, что тебе причитается?

Он взял Элинора за руку.

— В таком огромном здании никто не заметит, если я тебя поцелую.

— Веди себя прилично, ведь в доме — дети. И не смотри на меня такими глазами.

— Какими же, леди Боскасл?

— От твоего взгляда у меня тает сердце. Скорее поедem домой.

Себастьян довольно улыбнулся:

— Тебя оглушил этот шум, который устроили юные леди?

— Мне нравится детский гомон, — сказала Элинора. — У меня не было братьев и сестер. Только Уилл, мой кузен.

— А у меня было три брата. Но раньше я это не ценил. А теперь уже слишком поздно.

— По-моему, ты не прав.

Он кивнул:

— Может быть. Хотя я не знаю, как они теперь ко мне относятся.

— Если твои братья хоть немного похожи на тебя, мне кажется, они тоже вспоминают с нежностью свое детство. А следовательно, и тебя.

Только одному человеку во всем Лондоне было известно о том, что Одри Уотсон, наставница куртизанок и юношей благородного происхождения, была таким же вымышленным персонажем, как и Мейфэрский незнакомец. Однако она не имела ни малейшего желания, чтобы то же самое не знающее жалости общество, которое платило ей за услуги, разоблачало ее, обличало или шантажировало. Слишком дорогой ценой далась Одри карьера в мире полусвета, где она пробила себе дорогу не только своим телом, но и изощренным женским умом.

Она покончила с прошлым. Минувшего для нее больше не существовало.

Несчастливый брак с мужем, который ее тиранил, заключение в тюрьму по навету брата, который изменил родине, — воспоминания были слишком мучительны. По крайней мере настоящим Одри обязана только самой себе. Пусть ее имя связано со скандалом, главное — она держит судьбу в своих руках.

Когда-то, много лет назад, когда она потеряла всякую надежду, Хит Боскасл спас ее. Благодаря ему она узнала, что лучшая человеческая черта — благородство.

Ей не удалось его соблазнить. Как она ни старалась, все уловки были тщетны. Встречая на вечерниках мужчин из семьи Боскасл, она завидовала женщинам которым удалось заполучить этих красавцев. Хотя сама Одри не рассталась бы со своей свободой ни за что на свете.

Однако верность должна быть вознаграждена.

Хит вошел в ее личную гостиную и поцеловал Одри в щеку. Он явился к ней через час после того, как получил ее записку.

Одри смотрела на зачесанные назад черные волосы Хита, его умные голубые глаза, подмечающие каждую деталь. Стройный и подтянутый, безукоризненно одетый — этот достойный представитель семьи Боскасл был ходячим совершенством.

Он расстегнул три нижние пуговицы сюртука и уселся в кресло у двери.

Хит любил смотреть в глаза во время разговора и в совершенстве владел искусством держать паузу, иногда заставляя собеседника нервничать под его пристальным взглядом.

Околдованная его обаянием, только после его ухода Одри замечала, что в то время, как она выбалтывала ему все страшные тайны, которые поклялась унести с собой в могилу, сам он ничего толком не рассказал ни о себе, ни о ком-то другом.

— Вам нужна моя помощь, Одри?

Та покачала головой.

После того как она поняла, кто на самом деле проник в ее дом вчера ночью, хозяйка заведения долго сомневалась, как ей поступить.

Предать женщину, находящуюся в затруднительной ситуации, было противно ее природе. Тем не менее Одри решила спросить совета у Хита, которому доверяла больше, чем себе.

Одри не была уверена в том, что, помогая Элинор Боскасл, она оказывала ей услугу.

Ее гость терпеливо ждал.

Если Одри передумает и велит ему уйти, он так и сделает, не задав ни одного вопроса. Затянувшаяся пауза действовала ей на нервы. Одри не удержалась и бросила взгляд на газету, на которой лежали ее желтые перчатки для верховой езды, а затем снова отвела глаза.

Хит заметил ее взгляд и все понял.

— Вы читали о том, что случилось в моем доме прошлой ночью?

— Вы такая смелая! Не побоялись бросить вызов этому отъявленному злодею и передали его описание полиции.

— Вы считаете, что это было храбростью с моей стороны?

— А почему же нет?

— Мне удалось обезоружить его.

— Не сомневаюсь, что причина, по которой вы это сделали, также была небезынтересной. — Хит вздохнул и снова посмотрел на газету. — Мне кажется, что скоро выяснится, какое я имею отношение к тому, что вчера случилось.

Он замолчал, давая Одри время, чтобы ответить. Она пристально смотрела на Хита.

— Совсем скоро, — повторил он, — все выяснится. Наверняка сегодня.

— У одного из членов семьи Боскасл большие проблемы, — наконец сказала Одри.

Хит рассмеялся:

— Это не новость. Ясно как день — у кого-то из нас всегда какие-то неприятности. Но вы же пригласили меня сюда не для того, чтобы...

Одри и Хит одновременно посмотрели на карикатуру в газете.

— Что-то не припомню никого в нашей семье с таким большим носом, — заметил он. — Хотя, кажется, есть у нас тетушка с такими приметам. А один раз мой кузен Гейбриел попал под подозрение.

— Не ломайте голову напрасно. Это жена вашего кузена.

И тогда Одри словно прорвало.

Она все говорила и говорила, а Хит ее не перебивал. Одри почувствовала облегчение, поделившись тем, что ее мучило. Теперь судьба Элино́р Боскасл больше не будет находиться в руках Одри. Она ужасно не любила людей, которые охотно судили других.

Хит, как и ожидалось, не высказал никакого собственного мнения о поведении Элино́р Боскасл.

Он поблагодарил Одри за ее доверие и взял письма, которые искала Элино́р в доме миссис Уотсон. А затем ушел. Сохраняя свою обычную невозмутимость.

Точнее сказать, то, с какой сдержанностью Хит выслушал то, что сообщила ему Одри, заставило ее засомневаться в том, что это было для него новостью. Может быть, он с самого начала знал, кто такой этот Мейфэрский незнакомец?

Если она права, то Элино́р Боскасл в самом деле работала ради блага Англии. И Одри была рада, что, следуя интуиции, позволила этому коварному возмутителю спокойствия уйти.

Приняв теплую ванну и выпив чашку горячего шоколада, Элинор сидела за письменным столом в китайском шелковом халате. Подняв глаза от листа бумаги, она увидела, как из гардеробной вышел Себастьян — в вечернем костюме и в накинутом сверху плаще, словно собирался выйти в свет.

Окинув взглядом его элегантный шерстяной фрак, Элинор спросила:

— Я забыла о каком-то светском рауте?

— У меня назначена деловая встреча. Себастьян не сообщил жене подробности. Она положила перо в чернильницу.

— На улице темно и моросит дождь. Куда ты направляешься в такой поздний час?

— Не волнуйся. Я возьму на прогулку Тега. У тебя есть час на то, чтобы разобраться с письмами.

Элинор опустила глаза.

— Мы с тобой не обсудили, как разыскать последние из них в замке Итон. — Она посмотрела на Себастьяна. — В том, который стоит на берегу.

— Я знаю, где находится замок.

Элинор рассеянно перебирала письма на подносе, ожидая, что Себастьян что-то скажет, но он молчал. Тогда она повернулась к нему и сказала:

— Граф — человек эксцентричный. Говорят, его нынешняя жена хитростью женила его на себе и вертит им как хочет. Вот уже лет пять она полностью управляет его жизнью. Можно предположить, что графиня не захочет избавляться от крамольных писем, которые когда-нибудь можно будет использовать с целью шантажа. Они — залог сохранения ее положения в будущем. На ее месте я бы держала их под надежным замком.

— Слава Богу, что ты не она. И к тому же ты уже не тот нарушитель спокойствия, кто причинял столько хлопот всем вокруг. А у меня есть свой метод розыска того, что спрятано. Даже если оно находится под надежным замком.

— О да, конечно. Твой особый подход...

Элинор положила письмо на колени.

— Ты уже разработал план проникновения в замок?

Себастьян сел в кресло напротив.

— Возможно, — осторожно сказал он.

— Без моего участия?

— Нет, что ты. Но ведь теперь Мейфэрский незнакомец ушел в отставку. — Себастьян принял задумчивый вид. — Надо подумать над новой стратегией дальнейших действий. С тщательной разработкой образа правдоподобного персонажа.

Элинор усмехнулась и сказала с ноткой сарказма:

— Ты собираешься выдавать себя за другого человека?

— Я могу отрастить усы...

— Ну уж по этой части я не смогу с тобой соперничать, — съязвила Элинор.

— ...и бороду. К тому же я сносно говорю по-итальянски.

Элинор опустила глаза. Ей было трудно удержаться от того, чтобы немного не подразнить Себастьяна.

— Представляю себе эту картину: этакий ловкий мошенник на пирушках в замке в

плаще, цитирующий при случае Шекспира. Очень тонко, ничего не скажешь. Неотразимый негодяй. Может быть, ты еще станешь драться на шпагах?

Слова Элинор не произвели никакого впечатления на Себастьяна.

— Мы же с тобой договорились, что отныне риску буду подвергать себя я, а не ты.

— А что, если тебя узнают?

— Этого не будет, — твердо заявил он, растянувшись в кресле. — Но самое главное — ты перестанешь подвергать себя опасности.

Элинор поднялась с места и бросила письма на стол.

— Полагаю, ты прав. План Ловриджа все равно бы не сработал.

— В чем он заключался? — с любопытством поинтересовался Себастьян.

— Я появляюсь на вечеринке в качестве новой горничной. Эта должность облегчает доступ...

— ...в постели джентльменов, которые мечтают, чтобы молодая красotka согрела их холодной ночью, — с угрюмым видом проговорил Себастьян. — Я не в восторге от идеи, что моя жена будет присутствовать на вечеринке, где пьянство и распушенность — не такая уж редкость.

— Мягко сказано, — с иронией заметила Элинор. — Скорее, они являются нормой, — сказала она, подавая Себастьяну перчатки. — Более того, мне всегда казалось, что именно для этого и устраиваются такие увеселения. Но это не имеет никакого отношения к нашему делу.

Себастьян внимательно посмотрел на жену:

— Не хочу повторяться, дорогая, но после вчерашнего происшествия тебе ничего другого не остается, как позволить мне взять командование на себя.

— Может быть, я приняла все слишком близко к сердцу.

— Нет, милая, мне так не показалось, — спокойно сказал Себастьян и надел перчатки. — Мы обсудим мой план, когда я вернусь.

У Себастьяна оставалась еще уйма времени до начала встречи с его лондонским связным. Собака жалобно выла в саду. Слуги заперли ее и выскользнули на улицу, чтобы посмотреть спектакль итальянского кукольного театра. Войдя в дом с Тегом, Себастьян заметил мальчика, который сидел на скамейке у двери черного хода. В руках он держал небольшой мешочек.

— Ты кого-то ждешь? — спросил Себастьян.

— У меня лекарство для ее милости. Я стучал, но никого нет дома.

— Лекарство? — Себастьян забрал у него мешочек и вынул из него пузырек с зеленой жидкостью, какой-то странной на вид.

— Это снадобье для улучшения кровообращения, — поморщившись, объяснил мальчик. — Только не уроните его, пожалуйста. Оно, правда, неважно пахнет. Его нужно пить залпом.

«Все это очень странно», — с тревогой подумал Себастьян и стал рыться в кармане в поисках мелочи. В итоге он выудил из кармана гинею. Это много или мало для того, чтобы заплатить за это зелье? Себастьян ни разу в жизни не видел, чтобы Элинор когда-либо принимала лекарства.

Он с сомнением посмотрел на флакон. Неужели она заболела? Но его жена никогда не была обеспокоена своим здоровьем. Внезапно Себастьян вспомнил, что ее мать умерла в молодом возрасте — от какого-то загадочного заболевания у нее остановилось сердце.

Себастьян рассматривал флакон. С одной стороны склянки был изображен странный астрологический знак, а внутри, в маслообразном веществе янтарного цвета, плавали крошечные семена. Он прочитал надпись: «*Agnus Castus*».

— Что ты здесь делаешь, Алекс? — раздался недовольный голос Мэри.

Мальчик вскочил со скамейки и попятился назад.

— Я отнесу это снадобье в дом, милорд, — предложила Мэри. — Если пузырек заткнуть пробкой недостаточно плотно, неприятностей не оберешься.

— Это для моей жены? Горничная кивнула:

— Поверьте мне на слово: вы бы ни за что не стали принимать эту гадость.

— В таком случае почему я должен позволять принимать это зелье жене?

— Это лекарство помогает женщинам завести младенца и еще во многих случаях, о которых я не могу знать, — сказал мальчик, глядя с вызовом на Мэри, которая смотрела на него сердито, поджав губы. — Ну извините, — миролюбиво проговорил он. — О том, как это зелье влияет на мужскую силу, я вообще молчу.

— Ах ты, дерзкий болтун! Я пожалуюсь на тебя, — пригрозила Мэри вслед убегающему мальчишке. — Тебе платят не за то, чтобы ты трепал языком и раздавал рекомендации направо и налево.

Себастьян протянул склянку Мэри:

— Я опаздываю. Передайте это жене. Если, конечно, это средство не повредит ее здоровью.

— Хорошо, милорд.

— В таком случае спасибо.

— Оно с каждым разом все хуже на вкус, — поморщившись, сказала Элинор и протянула Мэри ложку.

— Доктор Уэнт — лучший аптекарь в городе, — заметила та, ставя пузырек со снадобьем в буфет.

— Ты думаешь, это лекарство поможет? — спросила Элинор.

Горничная, которая уже собралась уходить, задержалась у двери.

— Мне помогло, — с улыбкой сказала она. — Вот только...

— Ты целых два месяца ничего не говорила о Гарольде. Знаю, у тебя сердце не на месте, но, может, он встал на путь исправления?

Прошлой весной единственный сын Мэри, Гарольд, написал матери письмо и попросил денег, заявив, что хот чет приобрести небольшую лавку. Через несколько недель пришло письмо от брата Мэри, где он сообщал, что юноша угнал экипаж, а о какой-то покупке и разговора не было.

— Сколько сейчас лет твоему сыну?

— Двадцать два.

— Дай ему время. Может быть, он просто хотел похвастаться перед друзьями.

— У него нет друзей, — сказала Мэри. — По крайней мере среди приличных людей.

Одни раны время лечит, а другие превращает в нарыв.

— А что, если пригласить его к нам в гости? Мы сможем найти ему постоянную работу в доме.

Мэри покачала головой:

— Нет, в деревне ему будет лучше. Для таких юношей, как он, в городе слишком много соблазнов.

— Если он хоть в чем-то похож на тебя, я уверена, что хорошего в нем больше, чем плохого.

— Я тоже всегда на это надеялась, но, как видно, он уродился в отца. Тот, бывало, тоже нашкодит — и бросается в бега.

Элино́р кивнула, сделав вид, что понимает служанку. Неужели можно потерять веру в собственного сына?

— Сама не знаю, как это случилось, — всхлипнула Мэри и отвернулась, чтобы хозяйка не увидела, что она плачет. — После свадьбы его отец очень сильно изменился, превратился совсем в другого человека. А когда наш сын вырос, то стал точно таким же, как его папаша... Если бы я знала, что так получится, я бы никогда...

Никогда не вышла замуж? Никогда не завела ребенка, который теперь приносит ей столько горя?

— Твой сын может еще измениться, — попыталась успокоить ее Элино́р.

Мэри сквозь слезы посмотрела на нее:

— Надеюсь. Но он успел наломать столько дров... А сделанного не воротишь.

— Неужели все настолько плохо?

Горничная молчала. Видимо, ее сын не единожды преступал закон.

Она торопливо вытерла глаза.

— Не забывайте принимать лекарство, миледи.

Элино́р кивнула. Она подумала про себя, что материнский инстинкт сильнее инстинкта самосохранения и страха перед судьбой.

По дороге в порт, где Себастьян должен был встретиться с лондонским связным, он вспоминал разговор с Элино́р. Представляя жену в костюме горничной, Себастьян дал волю воображению. И, только увидев в каюте яхты лорда Хита Боскасла, он вернулся с небес на землю. Вот это сюрприз!

Так вот кто будет его связным в Лондоне! Они с кузеном не виделись с детства.

Тот вырос и стал офицером с обостренным чувством долга, которого все уважали и считали примером для подражания. Он был начальником разведки и мастером по дешифровке секретных сообщений.

Когда Себастьян обнимал своего двоюродного брата, он словно снова вернулся в детство.

— Сколько лет, сколько зим, — рассмеявшись, сказал он кузену.

Хит ответил сердечным рукопожатием.

— Просто не верится, что это ты!

Себастьян, как и его родные братья, встречался со своими кузенами на днях рождения и прочих праздниках. Иногда их родственники приезжали в Лондон погостить. Во время этих визитов между ними нередко происходили стычки, но перед отъездом они каждый раз мирились и расставались друзьями.

С годами отношения стали не такими теплыми. А после смерти отца Себастьяна его ветвь Боскаслов разорвала отношения с лондонскими родственниками. И это на самом деле было очень печально.

— Я рад снова видеть тебя, Хит.

— Я тоже.

Хит уселся лицом к двери — как раз на то место, которое обычно занимал Себастьян. Хотя его кузен старался держаться непринужденно, Себастьян заметил, что Хит, как и

раньше, общаясь с людьми, держит определенную дистанцию, все время оставаясь настороже.

Помолчав, кузен полез в карман пиджака и достал оттуда два письма, перевязанные алой ленточкой.

— Теперь это принадлежит тебе, — с улыбкой сказал он, — С любезного согласия некоей доброжелательницы, которая передала мне эти письма со словами, что будет рада, если они могут кому-то пригодиться.

Это были те самые письма, которые Элинор не удалось похитить у миссис Уотсон. Так, значит, правда, что знаменитая куртизанка питает слабость к Боскаслам! Себастьян предвкушал момент, когда он покажет их жене и увидит ее лицо. Интересно, она возмутится или обрадуется?

— Ты прочел их? — спросила она.

— Нет. Это меня не касается. Однако, если тебе нужен совет, я к твоим услугам. Люблю разгадывать загадки. Если речь идет именно об этом.

Какое скромное признание своих талантов!

— Не исключено, что я и в самом деле обращусь к тебе за помощью.

Себастьян положил письма на стол. После контузии его рука временами начинала дрожать. Большинство людей этого не замечало, некоторые даже предполагали, что он пристрастился к спиртному. И только в глазах Хита Себастьян увидел понимание.

— Знаю, что ты совсем недавно вернулся домой, — сказал кузен. — Считаю своим долгом кое-что рассказать тебе. У нас имеются причины считать, что на Веллингтона готовится покушение.

Заговор... С какой целью?

— Кто готовит это покушение?

— Мы следим за каждым шагом одной группы доморожденных радикалов. Сначала считали их безобидными, но поступающая информация свидетельствует об обратном.

Себастьян задумался.

Всего четыре года назад в палате общин был убит британский премьер-министр.

— Герцог не вернется домой до Рождества.

— Так он передал герцогине, — сказал Хит. — Но нам с тобой хорошо известно, как страстно он стремится навести порядок в мире и в своей стране, с каким упорством выполняет возложенную на него миссию.

— Между Парижем и Лондоном накопилось немало политических вопросов, которые могут отвлечь его внимание. Ему могут устроить засаду в любом месте. Что именно ты от меня хочешь?

— Просто будь начеку. Может быть, все обойдется. Как известно, заговоры очень часто ничем не кончаются.

— Может быть, мне не стоит ходить на тот маскарад в замке Итон, на который собирался по настоянию жены. Ты себе представить не можешь, что взбрело ей в голову. Хотя, возможно, и не удивишься. Тебе же известно о миссис Уотсон. — Себастьян рассмеялся. — Это смехотворно — охотиться за фривольными письмами, когда назревает опасный заговор.

— Как посмотреть. Семейные дела больших людей подчас имеют политический подтекст.

— Рад, что ты это понимаешь. Хит поднялся с места.

— Я буду в пределах досягаемости. Кстати, если твоя жена желает попасть на ту вечеринку в замке Итон, это можно устроить. Порой из сплетен удастся почерпнуть немало полезных сведений.

После того как Хит ушел, Себастьян некоторое время продолжал сидеть неподвижно, слушая, как волны плещутся о борт яхты. Он размышлял о том, должен ли немедленно отдать эти письма жене или нет. Стоит ли спешить?

Заговор, подготовка покушения. Как странно!

Почему именно в Англии? Это казалось нелогичным. Но полученные сведения заставляли признать: он что-то упустил. Нужно быть бдительным. Неплохо бы узнать, кого следует опасаться больше всего.

Будет ли выражать недовольство жена, если он будет тайком проникать в публичные дома и обычные клубы? Себастьян не удержался от улыбки, подумав об этом. Нет, Элинор будет сердиться лишь в том случае, если он снова будет держать от нее в секрете свою работу.

За ужином Элино́р была одета в открывающее плечи узорчатое шелковое платье без бретелек. На шее красовалась нитка жемчуга. То, что на первый взгляд могло показаться небрежностью в причёске, на самом деле являлось тщательно продуманным беспорядком и плодом усилий и терпеливого труда искусницы Мэри.

— Ну вот, совсем другое дело, — гордясь собой, подытожила служанка, закончив работу.

Элино́р слегка припудрила лицо и плечи. Она наконец пришла к выводу, что вела себя не совсем правильно. Образцовая жена должна позволить своему красавцу мужу главенствовать. Пора перестать составлять ему конкуренцию. Но к сожалению, ее драгоценный супруг сидел за столом мрачный, погруженный в свои мысли и не замечал, как она сегодня старалась стать для него самой красивой. Он, кажется, вообще ничего не видел вокруг. Вернувшись с прогулки с Тегом, Себастьян ходил как в воду опущенный. Погруженный в свои мысли, он мало походил на себя самого.

Вместо того чтобы любоваться супругой, осыпая ее комплиментами, Себастьян то и дело бросал взгляд на часы, стоящие на каминной полке. Он никак не отреагировал и когда жена выразительно постучала ложкой по солонке. Затем Элино́р намеренно уронила вилку на пол. Но и это не возымело на него никакого действия. Себастьян посмотрел на стол, а затем перевел взгляд на дверь.

— Как прошла твоя встреча с тем человеком, с которым ты собирался увидеться? — спокойно спросила Элино́р.

— Прекрасно.

— В самом деле?

— Разумеется.

— Звучит интригующе, — сказала она и наклонилась к мужу, давая понять, что ожидает услышать подробности.

Себастьян пожал плечами:

— Ну, сама знаешь, как это бывает.

— Откуда же? Может, ты мне расскажешь?

— О чем?

— О твоей встрече, дорогой.

— Я уже сказал тебе, что все прошло нормально.

— Ради Бога, Себастьян, — взмолилась Элино́р. — Будь на моем месте любая другая женщина, она бы заподозрила, что ее муж затеял что-то непотребное.

Себастьян не удержался от улыбки.

— Но ведь и жена часто затевает нечто подобное.

— Я стараюсь исправиться, — с обидой в голосе заметила Элино́р. — Разве не заметно?

Себастьян вопросительно поднял бровь.

— Не слишком.

— Ты же не слепой...

— Что я должен видеть?

Элино́р встала из-за стола и направилась к Себастьяну. Он смотрел на нее и ждал, что за этим последует.

У Элинор взволнованно забилося сердце.

Глаза Себастьяна блестели при свете свечей, и в них отражалось какое-то странное чувство. Не сомнение, не страх, а что-то, что взволновало ее до глубины души.

Страсть. Но не любовная, а совсем иного рода. Осознанное стремление проявить себя в чем-то важном — вот на что это было похоже.

И эта внутренняя сила, в чем бы ни заключался ее источник, делала в глазах Элинор чары мужа неотразимыми. Она подошла к нему сзади и обняла его.

— Ты весь вечер не обращал на меня внимания, — прошептала она ему на ухо. — Если тебя потянуло на приключения и ты надумал дать' мне отставку, имею я право знать по крайней мере, что происходит? Будь со мной откровенным, Себастьян.

Повернувшись к ней, муж покачал головой:

— Я не назвал бы это приключением.

— Во всяком случае, это наверняка было гораздо увлекательнее, чем то, чем все это время занималась я...

— Меня не было всего несколько часов, — удивленно напомнил Себастьян.

— И все это время я готовилась поразить тебя. А ты ничего не заметил.

— Дорогая, не пойму, о чем ты?

— Вот как? А моя новая прическа. Ты не представляешь, милый, каких усилий это стоило. Каково это — провести два часа перед зеркалом, когда Мэри, вооруженная горячими щипцами, колдует над твоими локонами. Себастьян пару минут внимательно разглядывал жену.

— Ты выглядишь восхитительно. Впрочем, как всегда.

— Себастьян, что произошло? Ты сам на себя не похож. Я знаю, что что-то не так. Ответь мне, пожалуйста.

— В порту я встречался со своим кузеном, Хитом Боскаслем.

— Как я догадываюсь, это была не просто встреча родственников после долгой разлуки, означающая восстановление семейных уз?

— Он работает вместе с человеком по имени Хартвелл, полковником.

— Я знаю, кто это такой. — Элинор села рядом с мужем и подняла на него полные душевной тревоги глаза. — Надеюсь, он не поручил тебе новое задание? О Боже, скорее всего, это так. И, конечно, оно сопряжено с риском. Поэтому ты так взволнован, чертов эгоист. Как ты мог это утаить от меня?

Себастьян заморгал.

— Ты преувеличиваешь. Это задание совсем иного рода.

— Тебе разрешили мне о нем рассказать?

— Да. Но с одним условием...

В этот момент с улицы донесся какой-то шум. Раздавались громкие возгласы, слышались стук, звон. Когда лакей поспешил узнать, в чем дело, в передней зазвучали голоса. Услышав грохот проезжавшего мимо дома экипажа, Элинор и Себастьян одновременно повернули головы и посмотрели в окно.

— Что там за шум, Бертон? — раздраженно крикнул Себастьян.

У двери появился лакей.

— Не знаю точно, милорд, — смущенно ответил слуга. — Похоже, что на площади собирается толпа.

Себастьян хотел встать, но Элинор схватила его за руку:

— Подумаешь, горстка людей. Не обращай внимания. Так чего от тебя хотел твой кузен?

— Он велел сохранять бдительность. В городе появились люди, которые готовят покушение на Веллингтона.

— Боже мой. Бедная герцогиня. Но герцога ведь нет в Лондоне.

— Он приедет на Рождество.

— Это ужасно. Ведь с ним будут дети, они могут пострадать.

— Возможно, заговор ни к чему не приведет, — спокойно сказал Себастьян. — Может быть, сведения о нем не совсем верны.

— А что нужно делать нам?

— Держать ухо востро. Я знаю, что невозможно заточить тебя в четырех стенах, как бы мне этого ни хотелось. Но, пожалуйста, будь осторожна даже в повседневных делах. Прислушивайся к сплетням. Используй любые источники, в том числе уличных девушек, которым нравится играть в шпионок. Сейчас важна любая информация.

— Отличная работа, — не слушая жену, сказал Себастьян и посмотрел на нее так, словно увидел впервые за весь вечер. — Ты что-то сделала с волосами?

Элино́р переполнило негодование.

— Я... — Он осекся. — А это платье... и жемчуг на шее... Ты собиралась...

— ...соблазнить тебя, мой дорогой.

Ее муж наконец обо всем догадался, и его глаза заблестели.

— Еще не поздно принять твое предложение? — с улыбкой уточнил он.

Элино́р обрадовалась и решила, что попросит Мэри купить ей еще этой чудесной пудры. А завтра она отправится по магазинам со старой приятельницей по пансиону, леди Фебой Хейвуд, известной модницей. И больше не пропустит ни приглашений на чай, ни скачек, ни других мероприятий, казавшихся ей до этого бесполезным времяпрепровождением.

Элино́р решила для себя, что начиная с завтрашнего дня станет обычной домохозяйкой, женой своего мужа. Она выстрадала эти простые житейские радости.

Супруги поднялись из-за стола одновременно. Теперь Себастьян знал, что его жена жаждет его внимания, и решил, что ее терпеливое ожидание должно быть вознаграждено — он был намерен отдать ей всего себя без остатка.

— Можешь не снимать жемчуг, — сказал он, целуя ее губы, шею и грудь. — Но все остальное...

С улицы снова донесся разрозненный хор громких голосов, раздавались дружные возгласы одобрения и слышались взрывы петард. Оставив Элинора, Себастьян бросился в холл. Вся домашняя челядь стояла в дверях парадного, с изумлением глядя на то, как разраставшаяся у них на глазах толпа шла маршем в сторону пивной. Из садика на площади в воздух выстреливали шутихи.

— Что это? — спросила Элинора, выглядывая в окно вслед за Себастьяном.

— Не знаю. Какой-то праздник, наверное. Жди меня здесь. Я приду через минуту, как только выясню, что происходит.

— Но я... Боже милостивый. По-моему, это экипаж Уилла зажат между двумя повозками. Надеюсь, мой кузен не пострадал.

Себастьян посмотрел на улицу и увидел, как к ним бежал Уилл.

— Идите в дом! — прокричал тот. — Они просто обезумели!

— Я пойду выясню, что случилось, — сказал Себастьян.

— Да, но...

— Я сейчас вернусь. Надо же узнать, что происходит. Себастьян выбежал на улицу. Поравнявшись с Уиллом, который стоял на тротуаре, он пробормотал:

— Иди в дом. Элинора там. И оба не высовывайтесь.

— Об этом можешь не беспокоиться, — заверил его тот. Себастьян поспешил на площадь, чтобы узнать, что там затевается. Если бы он не обещал Хиту Боскаслу внимательно следить за тем, что происходит в городе, то не стал бы лезть на рожон и хорошенько подумал, прежде чем оставить любимую. Если бы знал, что именно она была виной того, что поднялся этот переполох, поставивший на ноги весь центр города.

В холле Уилл протянул служанке свое пальто, а Элинора вручил мятую газету с последними новостями.

— Как ты думаешь, может, мне пойти вместе с ним? — спросил он.

Та с тревогой посмотрела на улицу.

— Нет. С ним все будет хорошо. И тебе больше не придется приезжать сюда в любое время дня и ночи: я пытаюсь покончить с прежним образом жизни.

Минуту они молча смотрели друг на друга. Вдруг Элинора почувствовала угрызения совести. Она знала: кузен когда-то считал, что Себастьян никогда не вернется домой навсегда. А теперь ее муж не только здесь, но и оттеснил Уилла на вторые роли. Элинора корила себя за то, что заставляла его приезжать к ней по первому зову, невзирая на погоду и время суток.

— Извини, — с грустной улыбкой сказала она. — Как выяснилось, вставать на путь истинный не так просто, как может показаться на первый взгляд.

Уилл широко улыбнулся в ответ:

— Возможно, что у тебя просто не осталось другого выхода, как стать благоразумной.

Прочти, пожалуйста, новости.

Элино́р, нахмури́вшись, подошла к настенному канделябру и развернула газету, которую принес ее кузен.

«Так много добровольцев изъявили желание патрулировать Мейфэр после полуночи, что полиция была вынуждена бросать жребий, вынимая имена счастличиков из шляпы с высокой тульей. Несколько джентльменов отказались, говоря, что не достойны такой чести. Однако город наводнила целая армия самозванцев, которые желают во что бы то ни стало разыскать Мейфэрского незнакомца. Полиция объявила, что, возможно, ей придется ходить по домам и устраивать поголовный обыск. Хотя бы для того, чтобы уберечь лондонского нарушителя спокойствия от расправы разъяренной толпы».

Элино́р опустила газету.

— Ну, по крайней мере полиция не будет обыскивать дома сегодня ночью, раз сейчас какой-то праздник.

— Разве ты не поняла?

Элино́р побледнела.

— Ты хочешь сказать, что эта толпа...

— Да. Народ празднует начало охоты за Мейфэрским незнакомцем.

Когда час спустя Себастьян вернулся, Элино́р буквально извелась от ожидания. Что касается мужа, то, когда он увидел жену, у него отлегло от сердца. Слава Богу, что за время его отсутствия с ней ничего не случилось. Неплохо и то, что Уилл уехал домой: Себастьяну было сейчас не до его истерик.

Он заглянул в темный коридор, а затем снова бросил взгляд на дверь. Вроде бы все было в порядке. И только трости и зонтики, а также обломки кирпича были сложены в кучу в передней.

— Что-то не пойму: ты собираешься на прогулку или решила заняться строительством? — спросил Себастьян, расстегивая плащ.

— Разве ты не видел там толпу людей? — вопросом на вопрос ответила Элино́р.

— Ее трудно не заметить.

— Себастьян, они начали охоту на Мейфэрского незнакомца.

— Я понял, — согласился он. — У нас большие проблемы.

— Что ты намерен делать? — спросила Элино́р, идя вслед за мужем по коридору. — Я не могу теперь выходить из дома одна.

— Можешь, — возразил Себастьян. — А вот Мейфэрский незнакомец и вправду должен сидеть взаперти. Его миссия окончена.

— К тому же этот нарушитель спокойствия не сможет противостоять разгневанной толпе, если люди узнают, кто он такой на самом деле.

— Разве не замечательно, что я здесь и смогу о тебе позаботиться?

— Я не уверена, что даже ты сможешь сдержать этих людей. — Элино́р помахала газетой. — Прочти это. Полиция...

— Да. Я знаю. На улицах только и разговоров что об этом. — Себастьян привлек Элино́р к себе. — Ну и заварила ты кашу, милая.

— Надо признать, что все, связанное с тайной, обладает необыкновенной притягательностью.

— Не буду спорить.

Он почувствовал себя рядом с Элино́р сильным человеком, для которого нет ничего невозможного.

— У меня все под контролем, — уверенно проговорил супруг. — И возник один план. — Он улыбнулся и посмотрел поверх головы Элино́р. — Должен тебя огорчить, что зонты и тросточки в него не вписываются.

— В чем же его суть?

— Мы с тобой уезжаем из Лондона.

Элино́р выскользнула из его объятий. Она сразу как-то сникла.

— А как же маскарад в замке Итон?

— Мы пойдем туда, и я буду руководить операцией. А потом уйдем в отставку и удалимся в деревню, как все нормальные благовоспитанные супружеские пары. Никому наш внезапный отъезд в это время года не покажется подозрительным. На самом деле странно было бы, если бы мы оставались в Лондоне.

Элино́р сидела, опустив голову, и смотрела на газету.

— Ну, что ты на это скажешь?

— Думаю, ты прав.

Спустя пять минут они укладывали вещи, готовясь к отъезду в Суссекс, где намеревались провести зиму.

Кипы одежды лежали на стульях, табуретах и даже на секретере. Себастьян прошел к встроенному шкафу и заметил на полке пузырек, который принес мальчик из аптеки. Мысли о возможном заговоре настолько завладели вниманием Себастьяна, что он совсем забыл об этой склянке с таинственным снадобьем. О Господи! Неужели Элино́р заболела?

— Что это за бутылочка с каким-то странным зельем — таким мерзким на вид? Это лекарство доставили для тебя сегодня? — спросил Себастьян, продолжая рыться в шкафу в поисках нужных вещей.

— Ты имеешь в виду мой эликсир?

— Пойми, я спрашиваю не из праздного любопытства. Если с тобой что-то не так, я считаю, что должен об этом знать. — Он посмотрел на Элино́р. — Я же волнуюсь. Не хочу, чтобы с тобой что-то случилось.

К этому моменту Элино́р успела раздеться и облачиться в батистовую ночную сорочку. Себастьян переоделся в черный домашний халат.

— Когда я потеряла ребенка, — с трогательной откровенностью сказала Элино́р, — сначала я не могла даже себе представить, что когда-нибудь захочу иметь детей. Тем более было невозможно зачать ребенка, когда ты так редко бывал дома. Но теперь, когда ты вернулся ко мне навсегда, я принимаю укрепляющее средство. — Жена говорила это ровным спокойным голосом, в котором не было ни упрека, ни желанья вызвать жалость.

— Послушай, я все-таки не пойму: для чего это снадобье? — после неловкого молчания спросил Себастьян.

— Не будь тугодумом. Это лекарство повышает способность к зачатию.

— Оно не опасно?

— Похоже, что нет, — кусая губы, ответила Элино́р. — Не вижу причин, по которым нам нельзя еще раз попытаться завести ребенка.

— Для меня важнее, чтобы ты всегда была со мной. Элино́р кивнула, и Себастьян подумал, что его жена наконец поверила ему по-настоящему. Осталось убедить ее доверять ему и в остальных вопросах — и тогда у них с супругой все будет просто прекрасно.

Элино́р села в кресло у окна и окинула взглядом комнату.

— Куда мы положили вечернюю почту, которую принесла Мэри?

— Да вот она, на письменном столе. Давай посмотрим, что там.

Себастьян опустился в кресло напротив и сделал вид, что с большим интересом просматривает письма, которые были спрятаны под разбросанной одеждой.

— Хочешь, чтобы я тебе их прочел?

— Я в состоянии сделать это сама. У меня хорошее зрение, — насмешливо сказала Элино́р.

— Может быть, жизнь на свежем воздухе еще сильнее укрепит твое здоровье.

— Если деревенская скука не сведет меня с ума.

— Обещаю тебе: там будут и развлечения, — многозначительно заметил Себастьян.

Элино́р покраснела.

— Ты такой же озорник, как сыновья герцогини. Себастьян кашлянул и вскрыл печать на письме.

— Ну, что там у нас? А-а, приглашение на рождественский бал в Кенте.

— От кого?

— От моего кузена маркиза Седжкрофта и его супруги. — Себастьян вздохнул. — Мне всегда казалось, что моя мать побаивалась родственников отца.

— Может быть, настала пора положить конец расколу семьи?

— Мне никто не нужен, кроме тебя, — сказал Себастьян. — Тебя и...

— ...собаки?

— Честно говоря, я сейчас подумал не о Теге.

— Ну, все-таки он член семьи. Хоть и с хвостом... Себастьян рассмеялся:

— По крайней мере мы с ним снова подружились.

— Да, — вздохнула Элинон, которая сидела со смиренным видом. — Ты снова всех нас покорила.

— Всех, кроме Мэри. И еще Уилл меня немного побаивается.

— Тут ты прав. Мне кажется, что мы должны быть в Кенте. Рождественский бал привлекателен по множеству причин. От пудинга до пантомимы.

Открыв еще один пакет, Себастьян поднял бровь.

— Вот это да! Еще одно приглашение. Подумать только! Такое впечатление, что все прямо-таки жаждут нашего общества.

— От кого же оно?

Себастьян приготовился разыграть перед женой маленький спектакль и постарался как можно убедительнее изобразить удивление.

— Поверить не могу. Какое совпадение! Официальное приглашение на маскарад в замке Итон. Надо же. Подумать только, как все замечательно складывается для нас с тобой! Теперь у тебя нет необходимости изображать горничную. Можешь себе такое представить?

— Ты обманываешь, — медленно сказала Элинон. — Зачем ты двурушничает, очаровательный и несносный негодник? Ты все это сам подстроил... Услышал от меня про этот idiotский план Ловриджа, о котором я имела неосторожность тебе проболтаться...

Себастьян рассмеялся. Он был вынужден признать поражение.

— Это все Хит. Он сказал, что достанет для нас приглашение. Но я и представить не мог, что это случится так скоро.

— Как видно, коварство — фамильная черта Боскаслов.

— Боже мой, что будет, если ее унаследуют наши дети? — игриво сказал Себастьян, ласково погладив Элинон по щеке. — Но сама рассуди: чем же это плохо — появиться на маскараде в качестве мужа и жены?

— Нет, план неплохой, — помолчав, согласилась Элинон. — Кто знает? Может быть, благодаря нашим стараниям в свете снова войдет в моду быть образцовыми супругами?

— Надеюсь, — охотно согласился Себастьян, обнимая жену. — Я никогда так не ждал зимы, как сейчас.

— Мне понадобится новый гардероб, — размышляя вслух, напомнила Элинон.

— Надеюсь, он не будет включать брюки.

— На самом деле тот мужской костюм я заказывала у отличного модельера...

— Элинон, — перебил Себастьян. — Нам давно пора отойти от дел и уехать. Я не желаю ни с кем тебя делить.

Она положила письма на письменный стол.

— Вижу, ты в самом деле умеешь добиваться чего хочешь.

Себастьян молча взял жену на руки и отнес на кровать. А затем торопливо раздел. Их

одежда упала на пол. Элино́р обняла мужа за шею. Себастьян целовал каждый дюйм ее обнаженного тела, шептал ее имя между поцелуями — такими сладкими, что она дрожала от восторга. И хотя прошлое, возможно, не до конца стерлось из ее памяти, оно больше не казалось важнее той страсти, с которой их тянуло друг к другу.

...Несколько часов спустя Себастьяна разбудил колокольный звон. Элино́р тихо спала рядом. Где-то в доме скрипнула половица. Осторожно высвободившись из объятий жены, он направился к окну, чтобы раздвинуть шторы.

За окном не было видно ни одного огня. Себастьян понял, что разбудили его не церковные колокола, а что-то другое. Он с тревогой взглянул на дверь и увидел небольшой просвет под дверью. Или это ему показалось.

Элино́р тоже проснулась.

— Еще рано. Все в порядке?

— Да. Скажи, ты прочла хоть одно письмо из тех, что разыскивала для герцогини?

— Разумеется, нет, — сказала Элино́р, заворачиваясь в одеяло. — Я не читаю чужие письма. Они же личные. Если бы я узнала какие-то секреты, которые поставили бы в неловкое положение герцогиню или герцога, мне было бы стыдно. Я предпочла бы ничего этого не знать. — Под окном по булыжной мостовой с грохотом проехала повозка. — Почему ты меня об этом спросил?

— Мне просто интересно.

— Странно, что тебя занимают такие пустяки. Себастьян рассмеялся.

Опершись локтем на постель, Элино́р внимательно смотрела на мужа, на его широкие плечи и узкие бедра, на его мужественный профиль.

Когда Себастьян скажет ей правду? Как ей лучше поступить — высказать все ему в глаза или позволить продолжать игру? Если ее муж не работает на герцога, может быть, он замыкается на кого-то другого? Он что, двойной агент? Нет, это невозможно. Будет ли шпион заниматься какими-то там любовными письмами?

Вдруг Себастьян оглянулся по сторонам. От его взгляда Элино́р стало не по себе. В темноте его лицо казалось зловещим. Сейчас он совсем не был похож на того человека, за которого Элино́р когда-то выходила замуж.

Повозка под окном замедлила ход. Дверь черного хода со скрипом отворилась.

— Кто это? — спросил Себастьян и выглянул в окно.

— Наверное, угольщик.

— Мне казалось, что он уже привозил уголь на этой неделе.

— Надеюсь, ты не хочешь сказать, что это пришли за мной, — с тревогой прошептала Элино́р. — У меня даже нет еще нового гардероба. А у тебя нет теплого свитера.

Себастьян рассмеялся, и Элино́р сразу успокоилась.

— Никто не заберет тебя, пока я с тобой.

После завтрака, во время которого никто не упоминал Мейфэрского незнакомца, Себастьян высадил Элинора и ее приятельницу леди Фебу Хейвуд в районе Бонд-стрит, где были расположены фешенебельные магазины.

Он наказал Бертону, лакею, не спускать глаз с дам, обещая вернуться сразу после того, как выпьет кофе на Сент-Джилс со своими старыми друзьями.

Элинора пробурчала что-то насчет того, что с большей охотой предпочла бы, чтобы лакей вел наблюдение не за ней, а за ее мужем, напомнив ему, что этот район города и его перенаселенные трущобы заслуженно снискали себе дурную славу.

— Более того, — добавила она. — Я прекрасно знаю, зачем ты туда идешь. Хочешь узнать местные сплетни, правда?

Себастьян смиренно ждал, сидя в экипаже, пока Элинора и ее спутница войдут в магазин.

Подумав о том, что покупка пары перчаток вряд ли может быть сопряжена с опасностью для них. Себастьян дал знак кучеру трогаться.

Дамы провели у прилавка более часа. Не потому, что увлеклись выбором самых красивых перчаток. Нет, в этом случае Элинора понравилось бы это занятие. Но выслушивать, как ее подруга со слезами в голосе рассказывала каждому покупателю и продавцу в этом магазине, как она боится Мейфэрского незнакомца и что случилось бы, если бы толпа разыскала его раньше полиции, было выше ее сил.

Какая судьба ждала бы тогда этого нарушителя спокойствия? Был бы он растерзан разгневанной толпой или стареющая жрица любви предоставила бы ему убежище в своем доме?

Феба приобрела себе дорогие печатки с пуговичками из оникса.

— Ты так ничего и не купила, — сокрушалась она, когда обе выходили из магазина. — Те розовые с перламутровыми пуговицами смотрелись на твоей руке просто великолепно.

Элинора вздохнула с облегчением. Все свои платья, а также костюмы Мейфэрского незнакомца она заказывала у французской модистки, которая жила на окраине Лондона. Женщина хорошо знала свое дело, вела замкнутый образ жизни и была очень разборчива в выборе заказчиков. Модистка не отказывала леди Боскасл потому, что однажды Элинора спасла ее кошку, когда бедное животное подавилось рыбьей костью. Она надеялась, что ей удастся уговорить модистку приехать к ней в деревню, чтобы сшить несколько теплых платьев, а также шерстяной плащ и накидку для прогулок.

Феба положила ладонь на руку Элинора и сказала:

— Мы с тобой старые подруги, дорогая. Можно мне кое-что тебе сказать?

Та кивнула.

— Мне кажется, что ты очень изменилась, — выпалила Феба, которая не отличалась деликатностью. — Тебе словно подменили. Где та веселая девочка, которой ты была в пансионе?

— Наверное, выросла.

Феба осуждающе поджала тонкие губы:

— Пожалуй. Но почему ты стала такой скучной?

— Ты находишь? — спросила Элинора, задетая за живое.

Феба кивнула:

— Ну, с тобой всегда было так интересно. Мы проказничали, по ночам вылезали из окна, подбрасывали пауков миссис Полтон.

— Неужели я всем этим занималась? Даже не верится.

— Ты смешила нас, и у тебя хватало храбрости совершать проделки, на которые ни у кого из нас не хватало духу.

— Сомневаюсь, что это можно назвать храбростью.

— Боже милостивый! — ахнула Феба, посмотрев в сторону магазина, где они покупали перчатки.

Остановилось несколько экипажей, из которых выходили их пассажиры — преимущественно мужчины — и присоединялись к женщинам, которые шагали по улице с плакатами в руках.

Элино́р смотрела на происходящее, открыв рот от изумления.

— Эти люди пришли, чтобы поймать Мейфэрского незнакомца, — ахнула Феба. — Интересно, а как они узнают, где он?

Элино́р нервно озиралась по сторонам.

Плакаты призывали нарушителя спокойствия сдать́ся полиции. Элино́р повернула в противоположную сторону. Благообразный старичок протягивал ей шляпу.

Толпа настигла ее.

— Пожертвуйте пенни на спасение Мейфэрского незнакомца, моя прелестная молодая леди. Вы станете самой хорошенькой женщиной, сделавшей пожертвование сегодня.

— Пожалуйста.

Феба сунула в шляпу старика несколько банкнот и вскрикнула, когда его грузная жена наступила ей на ногу.

— Не люблю большие скопления людей, — бледнея, дрожащим голосом сказала она. — Мне все время кажется, что меня растопчут.

Элино́р схватила подругу за руку.

— О нет, только не сейчас. Ты по-прежнему чуть что — падаешь в обморок?

Феба закатила глаза.

— Где лакей? — оглядываясь по сторонам, в панике спросила Элино́р. — Бертон...

Слуга махал Элино́р с противоположной стороны улицы, наводненной людьми, делая знаки, что не может до нее добраться. Она потащила находящуюся в полуобморочном состоянии Фебу обратно — туда, где находился магазин перчаток.

Его хозяин вместе с продавцами вышли из магазина, чтобы посмотреть, что творится на улице.

Феба была не единственной женщиной, упавшей в обморок. Истерия овладела толпой, передаваясь от одного человека к другому, словно заразная болезнь.

Работая локтями, проталкиваясь вперед и таща за собой подругу, словно безжизненную куклу, Элино́р добралась до единственного заведения на этой улице, которое казалось островком безопасности и спокойствия среди всей этой всеобщей суматохи. Она не сразу заметила швейцаров, которые стояли на страже у входа и отнюдь не выглядели дружелюбными.

— Ох! — наконец пришла в себя Феба. — Это шикарный магазин мадам Дивайн. Я всю жизнь мечтала сюда попасть. Какая ты смелая! Извини, что назвала тебя скучной. Беру свои слова обратно. Ты такая же душка, какой была, когда мы учились в пансионе.

Элино́р с трепетом приближалась к помпезному каменному зданию в георгианском стиле.

Она никогда раньше не переступала порог этого фешенебельного магазина. Себастьян рассказывал ей, что мадам Дивайн обслуживала только особого рода публику — интересующихся модой светских женщин, любовниц богатых людей и известных куртизанок. Может, Себастьян намекал, что было бы неплохо и Элино́р покупать там последние новинки сезона? Цена любой вещи в этом магазине была заоблачной. Элино́р заметила какого-то щеголя, который шел об руку с двумя дамами. Швейцар открыл перед ними дверь и пригласил войти.

Элино́р, которая при других обстоятельствах обошла бы этот магазин стороной, внезапно одолело такое сильное любопытство, что она не смогла удержаться от искушения зайти внутрь. В конце концов, разве могло ее что-то остановить, если она побывала даже в борделе?

И к тому же она вдруг захотела удивить мужа. Интересно, что бы он сказал, увидев ее в каком-нибудь соблазнительном наряде?

— Ну что, рискнем? — решительно предложила она, хотя Феба уже направлялась к двери с таким видом, словно собиралась брать ее штурмом.

Швейцары поклонились. А затем один из них, окинув критическим взглядом старомодную шляпку и скромную шаль Элино́р, спросил:

— Как ваши имена, миледи?

— Я — леди Феба Хейвуд, — первой назвала себя подруга Элино́р.

Швейцары, на которых это имя не произвело никакого впечатления, переглянулись и не проронили ни слова.

Элино́р, которой хотелось с размаху щелкнуть их по носу, небрежно бросила:

— Я — леди Боскасл. И, между прочим, не собираюсь здесь ничего покупать. Я...

— Ваша светлость, ваш визит — это честь для нашего магазина. Прошу нас извинить. Должно быть, ваше имя забыли внести в список сегодняшних заказчиков.

Элино́р гордо вскинула голову. Ей понравилась власть, которой наделяли ее принадлежность к семье Боскасл и фамилия ее мужа.

— Простите, что отняли у вас время глупыми расспросами. Разумеется, вы записаны на сегодня. Пожалуйста, проходите...

В этот момент толпа воинственно настроенных женщин налетела на них.

— Довольно разговоров. Скорее впустите нас в магазин, — строго потребовала Элино́р, поправляя съехавшую набок шляпку.

Через пару минут Элино́р и Феба познакомились с личной помощницей мадам Дивайн, которая провела их по освещенному свечами в золоченых канделябрах коридору, а затем — вверх по лестнице.

На втором этаже к ним подошла еще одна ассистентка. Непрерывно рассыпаясь в комплиментах по поводу цвета волос и глаз Элино́р, она привела дам в небольшую комнату, где с бокалом вина сидела клиентка и обсуждала с хозяйкой магазина свой зимний гардероб.

Заказчица, одетая с такой скромностью, словно была женой викария, подняла глаза. Встретившись взглядом с Элино́р, она вежливо улыбнулась, а затем продолжила разговор.

Феба снова готова была упасть в обморок.

Элино́р обмерла от ужаса. Перед ней находилась небезызвестная миссис Уотсон.

Она сидела рядом с мадам Дивайн. Прославленная куртизанка сдержанно поклонилась

в ответ на робкое приветствие Элино́р и больше на нее не смотрела. Судьбе было угодно вновь свести этих женщин.

— Не желаете ли чего-нибудь выпить, леди? — спросила помощница, которая держала в руках черный шелковый корсет.

— Несите сюда всю бутылку, — рассмеявшись, сказала миссис Уотсон. — Нам нужно переждать, когда схлынет эта ужасная толпа. А чтобы не тратить зря драгоценное время наших спасительниц, мы можем в это время делать покупки.

— Хорошая мысль, — охотно согласилась Феба, снимая плащ и шляпку. — Но вообще-то если я приобрету здесь слишком фривольный наряд, мой муж испытает настоящее потрясение.

— Мой супруг тоже вряд ли будет в восторге, — невинным тоном проговорила Элино́р. Хотя она знала, что Себастьян будет потрясен совсем по другой причине, нежели муж подруги.

Себастьян сидел в экипаже и смотрел на толпу, наводнившую улицы. Он много раз за свою жизнь становился свидетелем уличных беспорядков. Случалось, и сам затевал стычки на площадях и в портах во Франции. Приходилось даже быть зачинщиком бунта на кораблях. В сельской местности он переодевался в фермера и протестовал против повышения налогов.

Но никогда раньше толпа людей не казалась столь устрашающей, как сегодня. Когда его кучер Тильден попросил уступить дорогу экипажу, люди неохотно расступились и дали им проехать.

Но даже тогда ему пришлось оставить экипаж на расстоянии целой мили от того магазина, из которого Себастьян обещал забрать Элино́р и ее подругу, потому что везде была настоящая давка. Лакей Бертон, который оказался в кольце толпы, объяснил Себастьяну, что дамы исчезли в глубинах заведения мадам Дивайн. Он получил приказ ждать снаружи.

Себастьян удивился, узнав, что его жена обратилась к услугам знаменитой модистки, которая, как говорят, создает такие пикантные платья и белье, что женщины, надевшие их, способны расшевелить даже статую.

А Себастьян знал, что сотворен отнюдь не из камня.

Он с интересом разглядывал рекламный плакат в витрине магазина и представлял, как Элино́р в откровенном корсете со шнуровкой спереди медленно раздевается, устраивая для него небольшой спектакль.

«Ну что же, пусть лучше носит эти соблазнительные наряды, чем мужские брюки», — с улыбкой подумал он.

— Милорд, — обратился к нему Бертон. — Прикажете расчищать дорогу для экипажа, пока вы заберете дам из магазина?

Себастьян вынул из нагрудного кармана часы и сделал вид, что рассчитывает время. По крайней мере он знал, что в этом магазине с Элино́р не может ничего случиться.

— Спешить не стоит. Я могу пока прогуляться немного и зайти в книжный магазин. Хочу подобрать книги, которые возьму с собой в деревню.

В последнюю минуту ни Элино́р, ни Себастья́ну не хотелось отправляться в замок Итон. Накануне ночью Тег убежал и ввязался в драку с тремя бродячими собаками. Когда пес вернулся домой, он представлял собой такое жалкое зрелище, что Элино́р пришлось накладывать швы на его уши и бранить садовника за то, что тот забыл запереть черный ход.

В тот самый день, когда чете Боскасл предстояла поездка в замок Итон, у их горничной скончалась тетушка — скоропостижно, от неизвестной болезни. Старушка завещала своей любимой племяннице все свое имущество. Разумеется, наследство не было настолько большим, чтобы позволить служанке больше никогда не работать. Но она так искренне оплакивала свою потерю, что к ней подходили совершенно незнакомые люди, движимые сочувствием — будь то клерк из юридической конторы или продавец горячих каштанов, — чтобы утешить девушку добрым словом и предложить ей помощь.

— По крайней мере, — говорил Себастьян своей жене, — это не толпа одержимых благодетелей человечества, которая ищет мифического Мейфэрского незнакомца.

Элино́р никак не могла найти свой дорожный плащ. А также маскарадный костюм, в котором она должна была появиться на балу в замке. Вместе с экономкой, миссис Бинди, Элино́р перерыла весь дом, пока не обнаружила под кроватью большой дорожный чемодан, где лежали обе эти вещи. Себастьян сказал, что этот чемодан всегда там валялся, и добавил, что сам собой он не мог туда попасть. Слуги стали слишком рассеянные, добавил он с досадой.

А потом расстегнулся дорожный чемодан мужа, когда лакей старался погрузить его в экипаж. И все вещи, которые лежали внутри: одежда Себастьяна, нижнее белье, дорогие шелковые галстуки, ночная пижама и книги, — вывалились в грязную канаву, открытые для всеобщего обозрения.

— Я не верю в дурные предзнаменования. Никогда не была суеверной, — сказала Элино́р, размышляя про себя, почему ее тошнило даже от чая, который она обычно пила по утрам.

— Зато ты веришь всяким колдунам, хиромантам и прорицателям, — заметил Себастьян.

— Это совсем другое, — возразила она. — Тем более что я верю только в хорошие предсказания. Хочу быть счастливой.

— А разве сулили и что-то дурное?

— Ну вот. Я так и знала, что в глубине души ты сам суеверен.

Себастьян посмотрел на решительное лицо Элино́р, а затем перевел взгляд на ее служанку. Мэри Стерджем стояла на верхних ступеньках с таким обреченным видом, словно приближался конец света. Суеверен ли он? Скорее, осторожен.

Скажем так: если бы Себастьян был моряком и отправился сегодня в дальнее плавание, он бы, пожалуй, повернул свою шлюпку назад к берегу, чтобы переждать волнение на море. Береженого Бог бережет.

Но Себастьян знал, что Элино́р имела твердое намерение вернуть герцогине последнее из писем. Поэтому, даже если бы приближалось светопреставление, он чувствовал себя обязанным помочь жене сдержать слово. И при этом сделать все, чтобы обеспечить безопасность своей драгоценной супруги.

Элино́р была в плохом настроении. Она посмотрела из окна экипажа на серое небо с таким страхом, словно боялась, что из свинцовых туч на землю польется дождь и начнется Всемирный потоп. А затем начала перебирать в памяти, что она забыла сделать перед отъездом.

Элино́р с недовольным видом жаловалась на то, что в салоне экипажа неприятно пахнет скипидаром и уксусом — этой смесью лакеи протирали кожаные сиденья. Затем она разглядела пятно на перчатке и отказывалась верить утверждению Себастьяна, что никто ничего не заметит.

— Вот увидишь, — пробормотал муж, не поднимая лица от газеты, — никому, с кем ты встретишься, не будет никакого дела до такой ерунды.

Элино́р положила голову ему на плечо.

— Ты просто равнодушен ко всему на свете. В том числе и ко мне.

— Я могу обидеться на такое обвинение, — заметил Себастьян. — Не думаю, что оно соответствует действительности. Кстати, когда я увижу вещи, которые ты приобрела в том фривольном магазинчике? Твои покупки вряд ли оставят меня равнодушным.

— Когда их доставят в наш дом в Суссексе.

Они оба замолчали — не потому, что им нечего было сказать, а потому, что сейчас им не нужны были слова для того, чтобы понимать друг друга.

Экипаж катился по улицам Лондона, но уже скоро шумный город останется позади.

— Мы почти сбежали, — сказал Себастьян, откладывая газету в сторону. Радость, которую Элино́р увидела на его лице, заставила ее улыбнуться. Она замечала, что в последнее время достаточно было одного взгляда на мужа, чтобы у нее становилось легко на душе.

— Примерно через неделю ее светлость направляется с детьми в деревню, — напомнила Элино́р, когда они проезжали мимо особняка герцогини. — Она бы уехала раньше, но Беллисанту нужно еще несколько дней, чтобы закончить портрет мальчиков.

Себастьян мрачно улыбнулся:

— Зря я его не придушил.

— Я счастлива, что ты проявил благоразумие, — поддразнивая супруга, сказала Элино́р. Собственнические инстинкты мужа тешили ее самолюбие. Глупый ревнивец!

— Что-то не верится, что ты этому и вправду рада.

— Кстати, герцогиня была признательна за то, что тебе удалось завладеть письмами, не поднимая шума. Еще один скандал в газетах она бы не пережила.

Себастьян хитро улыбнулся:

— Эти письма словно с неба упали. Они буквально чудом попали мне в руки.

Элино́р недоверчиво вздохнула и закрыла глаза. Мерное поскрипывание экипажа и негромкий голос мужа действовали на нее умиротворяюще.

— Надеюсь, больше Тег не убежит от Бертона во время прогулки. Бедный пес! Ему так досталось.

— Думаю, строгое внушение, которое ты сделала слугам из-за того, что они не заперли ворота, заставит их не спускать глаз с собаки.

— Мэри выглядела такой расстроенной, когда мы уезжали. И Уилл тоже был сам не свой, пока не получил приглашение в замок.

— Вот как? От кого же? — насторожился Себастьян.

— Мне кажется, от графа Итона. Очевидно, он попросил Уилла выступить на вечере со

стихами. Кузен очень обрадовался.

— А я-то думал, что наконец-то ты будешь принадлежать только мне, и больше никому.

Замок Итон пользовался дурной славой на протяжении нескольких веков — задолго до того, как его теперешний хозяин начал устраивать здесь костюмированные балы, которые со временем приобрели необыкновенную популярность. В подземелье были расположены мрачные темницы, где во времена Средневековья томились узники. Там даже сохранилась камера пыток. Теперь это жуткое место служило декорацией для развлечений, которые устраивал здесь граф Итон, который любил нагнать на гостей страху.

Любители острых ощущений из высшего общества не упускали случая, чтобы посетить замок и пощекотать себе нервы. Развлечения включали ночное посещение казематов с лицезрением инструментов для пыток. Слуги, которым на время представления поручалась роль узников, своими притворными воплями добавляли сцене достоверности. Некоторые нервны посетители замка падали в обморок при осмотре средневековой тюрьмы, что очень забавляло графа Итона.

...Мистер Уилл Прескотт прибыл в последний момент и выступил перед гостями, собравшимися в освещенном свечами банкетном зале с отрывком из «Отелло». Здесь был и сэр Персиваль, которого пригласили, чтобы он занимался предсказаниями судьбы для всех желающих. По мнению хозяина, присутствие прорицателя и звездочета придаст вечеринке оттенок мистицизма.

К сожалению, чародей от неожиданности выронил свой кристальный шар для предсказаний, когда в полу открылся люк и оттуда выскочило привидение обезглавленного рыцаря, чтобы радушно приветствовать собравшихся. После этого инцидента сэр Персиваль долго не мог прийти в себя, и когда гадал присутствующим по руке, то высказывался как-то сбивчиво, заикался.

На следующее утро Элинор и Себастьян готовились к встрече с другими гостями. Горничная принесла записку от какого-то господина, который предложил Себастьяну встретиться с ним после завтрака на берегу моря. Незнакомец не указал в записке своего имени, однако заявил, что они встречались.

— Это может быть кто угодно, — терялся в догадках Себастьян.

— Я пойду с тобой, — заявила Элинор.

— Нет. Возможно, это новости по поводу заговора против Веллингтона.

— Но не исключено, что это другая женщина, — насмешливо проговорила Элинор. — Мне прекрасно известно, что творится на подобных вечеринках.

— Скорее всего это мой личный связной, — поджав губы, возразил Себастьян. — Я не хочу впутывать тебя в свою работу.

— Я тоже была против того, чтобы ты совал нос в мои дела, — напомнила Элинор.

Себастьян постарался не раздражаться.

— Ты не понимаешь. Есть вещи, с которыми лучше справляются мужчины.

— Я догадываюсь, что ты имеешь в виду, — улыбнулась Элинор. — Ведь я сама какое-то время с успехом исполняла роль представителя сильного пола.

— И я должен буду объяснять это агенту?

— Разумеется, нет. Ты можешь представить меня как свою жену. В конце концов, хороший агент — это тот, кто вызывает меньше всего подозрений.

...Замок был расположен на вершине скалы, у самого моря. Себастьян и Элинор шли по

берегу. Себастьян был одет в черное шерстяное пальто, а Элино́р зябко куталась в длинный, до щиколотки, красный плащ. В густом тумане были едва различимы рыбацкие лодки, вышедшие в море, — с отважными рыбаками, бросившими вызов непогоде и штормам, которые нередко случались здесь в это время года.

Супруги провели на ветру более часа, ожидая того, кто назначил Себастьяну встречу. Никто так и не появился. Поблизости не было видно никого, кроме еще одной парочки, которая улизнула из мрачного замка, чтобы прогуляться по берегу моря.

— Так я и знала, — огорчилась Элино́р. — Записку написала какая-то женщина. Как только она увидела, что ты пришел не один, а со мной, эта бесстыжая особа струхнула.

Себастьян покачал головой и улыбнулся:

— В таком случае хорошо, что ты напросилась составить мне компанию.

— Это значит, что я могу пойти с тобой и в следующий раз?

— Ни в коем случае.

Элино́р дрожала от холода, и Себастьян отвел ее в защищенное от ветра место, со всех сторон окруженное огромными валунами. Она села на песок и сильнее закуталась в плащ.

— Тут хоть немного теплее, — с деланной бодростью сказала Элино́р и, подобрав выброшенную на берег щепку, начала чертить ею на песке. — Погода очень подходящая для того, чтобы подхватить простуду. Сколько еще нам здесь ждать?

Муж заслонил ее от сильного порыва ветра и посмотрел вдаль, на скалы.

— Недолго. Еще пару минут. Вокруг ни души.

— Неудивительно. Умные люди сидят сейчас у камина и пьют горячий чай с бисквитами.

— Элино́р, я должен тебе кое в чем признаться. Она от неожиданности выронила щепку из рук и почувствовала, как неприятный холодок пробежал по спине. Ну вот, наконец. Придется сделать вид, что удивлена.

— Правда? — деревянным голосом спросила она.

— Я собирался сказать об этом еще тогда, когда предложил, чтобы мы начали все с начала, — с хмурым видом проговорил Себастьян.

Элино́р кивнула, чтобы его ободрить:

— Неплохая мысль.

Муж кивнул. Его лицо было непроницаемым.

— Знаешь, пока ты ждала меня в Лондоне, моя работа вынуждала меня совершать поступки, которые никогда не были мне свойственны. Я и представить не мог, что способен на такое. Иногда я сам ужасался тому, в какого человека превратился, и не знал, стоит ли мне к тебе возвращаться.

— Почему же ты все-таки рискнул?

— Во-первых, потому, что я больше не мог без тебя жить.

Элино́р не проронила ни слова. Она боялась прервать мужа.

— А во-вторых, я понял, что ты тоже изменилась. И ясно осознавал, что в этом виноват я.

За этими словами последовало долгое и тягостное молчание.

Наконец Элино́р не выдержала и воскликнула:

— И это все, в чем ты хотел признаться?

Себастьян бросил на нее хмурым взгляд.

— Я хочу, чтобы ты уяснила себе, что мое признание касается любовных дел, а не

военных.

— Что ты имеешь в виду?

Элино́р было не по себе от пристального, немигающего взгляда Себастьяна.

— Герцог не поручал мне вмешиваться в дела его жены. Я сам попросил его, чтобы он дал мне это задание.

— В самом деле? — От этой неожиданной новости в горле у Элино́р встал комок.

— Я обманул тебя, — не желая ходить вокруг да около, сказал Себастьян. — И не знал, как в этом признаться.

Элино́р вздохнула. Довольно его мучить.

— Я чувствовала, что ты меня обманул, — призналась она. — А совсем недавно узнала это точно.

Себастьян смотрел на Элино́р с нескрываемым удивлением.

— И все это время ты спокойно смотрела, как я мучаюсь от угрызений совести?

— Я ждала, что ты сам откроешь мне правду. — Она покачала головой. — Но ты почему-то не торопился.

Себастьян прищурился.

— А когда ты поняла, это тебя не огорчило?

— То, что ты меня обманул? Что воспользовался личным знакомством с герцогом, чтобы повлиять на дела его жены?

— Ты подвергала себя опасности, выполняя поручения ее светлости, — настаивал Себастьян. — Я не представлял, до какой степени ты рисковала, пока не вернулся домой.

— Уверю тебя, я всегда была крайне осторожна.

— Значит, ты прощаешь меня?

— Я подумаю.

— Но ведь ты же такая добрая...

— И что? Герцог одобрил этот обман? — спросила Элино́р, не реагируя на лесть.

— Ну, он внимательно выслушал меня, но свое мнение не высказал. Мне показалось, он остался равнодушным к моим доводам.

— Но при этом не пресек твои действия?

— И не подумал, — улыбнулся Себастьян. — Фактически предоставил карт-бланш.

— В таком случае, — заявила Элино́р, — вы оба... — Она осеклась, воздержавшись высказать вслух все, что она о них думает. По крайней мере о герцоге. Пусть нужные эпитеты подыскивает для своего мужа герцогиня. Она обязательно при случае выразит свое мнение. — Надеюсь, тебе хоть стыдно за то, что ты так поступил?

Губы Себастьяна тронула улыбка.

— Не похоже на это, — угрюмо констатировала Элино́р. — Кажется, ты даже гордишься собой.

Муж не видел причин спорить.

— Я вернул тебя, — решительно сказал Себастьян. — Игра стоила свеч.

Элино́р молчала. Она была готова расплакаться.

— Я всегда хранил тебе верность, — проникновенно сказал Себастьян, и эти слова невольно растрогали ее. — И всегда любил только тебя. Полагаю, вопрос сейчас стоит так: любишь ли меня ты?

— Наверное...

— Ты не уверена?

— Почему? Я рада услышать от тебя эти слова, — прошептала Элино́р.

— Прости меня, — сказал Себастьян, опустившись на колени и глядя на нее своими огромными глазами невообразимой синевы. — Я боялся, что потерял тебя. И готов на все, чтобы вернуть твою любовь.

— Мне кажется, нам уже пора, — поспешила сменить тему Элино́р, понимая, что еще минута — и она бросится мужу в объятия. — Нам нужно кое-что сделать перед тем, как начнется ужин и маскарад.

— Ты помнишь, что я опоздал даже на собственную свадьбу? — виновато улыбнулся Себастьян.

— Такое не забудешь: моя тетушка в каждом письме мне об этом напоминает. Ты уронил себя в ее глаза. Она усомнилась, что ты джентльмен.

— Что мне сделать, чтобы загладить свою вину? Элино́р покачала головой:

— Постарайся остаться в живых, раскрывая этот заговор.

— Я не могу допустить, чтобы Веллингтона убили.

— Ты настоящий рыцарь, — прошептала Элино́р. — Как ты думаешь, почему кто-то хотел заманить тебя на это свидание?

— Может быть, этот «кто-то» перепутал меня с другим Боскаслем? Возможно, произошло недоразумение.

Вдруг над башнями замка прогремел гром, прорезались сполохи молний. Себастьян посмотрел на небо и, взяв Элино́р за руку, помог ей подняться. Они быстро побежали по тропинке, спасаясь от начавшегося ливня, — вместе с другой парочкой, которая тоже гуляла по берегу. К тому времени, когда они достигли разводного моста, все четверо успели промокнуть до нитки.

Когда Элино́р и Себастьян — в промокшей одежде, с мокрыми волосами, с которых стекала вода, — попытались незаметно проскользнуть мимо других гостей, которые чинно направлялись в большой зал, чтобы выпить бренди и обменяться сплетнями, все смотрели на них с удивлением.

— Быстрее, — шепнул Себастьян, сжав руку Элино́р. — Уилл и сэ́р Персиваль направляются к нам. Нам нужно постараться избегать их, пока я не разыскал последнее письмо.

— И пока ты осторожно не навел справки о том, кто хотел с тобой встретиться, — добавила его жена, прибавляя шаг и направляясь к лестнице.

Элино́р принимала горячую ванну. На кровати лежал костюм джинна, в котором она собиралась появиться на маскараде, — головной убор переливчато-синего цвета с вуалью, украшенной серебряным монистом, парчовый жилет с шарфом вместо кушака. Что касается таинственной записки, которую Себастьян получил утром, ему так и не удалось ничего выяснить. Горничная, которая принесла ее, бесследно исчезла, а дворецкий не мог вспомнить никого среди прислуги, кто подходил бы под описание, которое дал Себастьян. Как и Элино́р, дворецкий предположил, что у Себастьяна есть тайная поклонница, которая хотела встретиться с ним наедине.

Эта загадочная история с анонимной запиской озадачила Себастьяна.

Но тот факт, что его жена, изображающая джинна, предстанет на публике в прозрачных шароварах, вызывал у него смутное беспокойство.

В экзотической одежде Элино́р выглядела очень соблазнительно.

А на себя в костюме Аладдина Себастьян не мог даже смотреть в зеркало. Зрелище

казалось ему весьма непотребным.

— Я и не думал, что твой наряд будет таким смелым, — говорил он, нервно вышагивая по комнате. — Ты представляешь, сколько мужчин попросят моего джинна исполнить их желания?

— Что касается меня, я испытываю только одно — чтобы ты перестал ныть и ходить туда-сюда по комнате. Это действует мне на нервы. Что случилось с прежним Себастьяном, который был воплощением невозмутимости и хладнокровия? Ты так нервничаешь, словно это твое первое задание.

Он бросил на Элинор хмурый взгляд: — Это первое мое задание, на котором меня сопровождает жена, одетая в такой вызывающий наряд, что я постоянно отвлекаюсь и не могу сосредоточиться. Если бы я знал заранее, во что ты будешь одета, я бы сто раз подумал, прежде чем согласиться.

Элинор вышла из ванны, вытирая полотенцем мокрые длинные волосы. Глядя на ее сверкающие обнаженные груди с выпуклыми сосками, Себастьян вспомнил о Венере, рожденной из пены, о плотских утехах и о тихих семейных радостях в кругу многочисленной семьи.

— Тебе не стоит обо мне беспокоиться, — сказала она. — Я обещаю никуда не выходить из замка. Пока тебя не будет, Уилл побудет моим кавалером. Надеюсь, ты не возражаешь? Сколько тебе понадобится времени? Около часа?

— Вряд ли это займет так много времени. — Себастьян накинул полотенце на влажные плечи жены, мечтая о том, чтобы поскорее наступила ночь, когда обнаженная Элинор будет снова лежать в его объятиях. — Спальня леди Итон расположена недалеко. Сразу, как поднимешься по лестнице, упрешься в ее комнаты.

— Как удобно! Это значит, что можно тайком проникать туда, не привлекая внимания, и так же незаметно выходить?

— О том же самом подумал и я... Кстати, чем это пахнет?

— Извини. Я думала, тебе понравится запах моего нового розового туалетного мыла.

— Нет, это не мыло. Кажется, что-то горит.

— О Боже! — ахнула Элинор. — Надеюсь, это не свеча в моей волшебной лампе? Я зажгла ее, чтобы проверить, не отсырел ли фитиль. Хотя, мне кажется, я ее погасила.

Себастьян взял в руки лампу, а затем поставил ее на ночной столик.

— Сомнений нет.

— Слава Богу. Мне бы не хотелось спалить замок.

— Наверное, в большом зале кто-то зажег фейерверк?

— Не люблю эти салюты. Я их ужасно боюсь.

— Может быть, кого-то из твоих предков сожгли на костре за колдовство? Скажи, среди твоих дальних родственников не было ведьм?

— Скорее, это ты обладаешь сверхъестественной способностью накладывать чары.

Себастьян подошел к двери.

— Будь осторожен, — с тревогой напутствовала его Элинор.

— Ты тоже не зевай, — оглянувшись, сказал он. — И накинь плащ, пожалуйста. Ты слишком соблазнительна в этом наряде. А я чувствую себя в своем облачении как законченный идиот.

Себастьян успел за несколько минут обыскать спальню леди Итон и тихо удалиться. Однако, как на грех, ее милости в последнюю минуту пришлось в голову переодеться. К

счастью, она застала его в коридоре у дверей своей комнаты, а не внутри.

— Сезам, откройся, — промурлыкала она, указывая на закрытую дверь.

Себастьян не откликнулся на игривое приглашение леди Итон войти в ее спальню. Ведь у него за пазухой лежало то самое письмо, за которым они с Элинор охотились. Он только что нашел его в спальне. Пусть хозяйка замка считает, что Себастьян разглядывает коллекцию арбалетов на стене в коридоре.

— Извините? — приподняв брови, невинным тоном спросил он.

Леди Итон с притворной застенчивостью улыбнулась:

— Возможно, в моей пещере хранится сокровище. — Она подмигнула Себастьяну. — И я берегу его только для избранных.

Себастьян незаметно отодвинулся.

— Жизнь подсказывает, что где сокровище — там и неприятности.

— А я слышала, — сказала леди Итон, преграждая ему дорогу своим грузным телом, — что там, где скандал, — ищи кого-нибудь из Боскаслов. — Она окинула критическим взглядом костюм Себастьяна. — Или вы предпочли бы, чтобы я называла вас Али-Баба-Боскасл?

Он поморщился:

— Да как вам угодно. — Костюм, который Уилл взял для Себастьяна напрокат из театра, был и вправду великолепен. — Не хочу показаться невежливым, но боюсь, что вы слегка напутали со сказками о тысяче и одной ночи. Я совсем из другой сказки, а не из той, про которую вы подумали. И вовсе не тот персонаж, каким вам показался.

— А кто же вы в таком случае? Султан? — спросила леди Итон, положив руку Себастьяну на плечо.

— По сути, я зять султана, возвратившийся домой. — «Что за нелепая беседа», — подумал он. — Я Аладдин.

— А разве у Аладдина не было своего гарема? — грудным голосом поинтересовалась дама.

— Я так не думаю, — вежливо ответил Себастьян, убирая ее руку со своего плеча. — Во всяком случае, у меня точно его нет.

— Любой может заблудиться в замке поздно вечером, — заметила леди Итон, слегка задев его локтем. — Слуги погасили свечи, и нам трудно отыскать друг друга в полумраке.

— Звучит ужасно интригующе.

В этот момент Себастьян подумал о том, что к одиннадцати ночи они с Элинор будут уже в своей комнате и никуда из нее не выйдут. На рассвете вернутся в Лондон, чтобы отослать слуг в Суссекс. А если дождь будет лить как из ведра, повременят с отъездом денек-другой.

— Мне известны все укромные уголки в этом замке, — продолжала настаивать на своем графиня. — Желаете, чтобы я нашла вас, если вы вдруг заблудитесь?

— Хотя ваше предложение мне, право, льстит и свидетельствует о вашем великодушии, однако, боюсь, моя супруга уже сделала то, что предложили мне вы. Она уж точно меня отыщет.

— Вы даже не выслушали, что еще я могу вам предложить.

— Может быть, не стоит говорить это вслух. Позвольте мне дать волю воображению. — Неожиданно Себастьяну пришла в голову мысль о том, что это графиня пыталась встретиться с ним сегодня на берегу.

Леди Итон с любопытством смотрела на Себастьяна.

— Я думала, что вы и ваша супруга давно отдалились друг от друга. Вы уже столько лет живете врозь. Наверняка вам известно, что на лондонских маскарадах вашу жену видели в компании мужчин. Я лицезрела ее собственными глазами с красавчиком художником. Он, знаете ли, пишет портреты.

— О да, с сэром... Как бишь его там?

— Нейтан Беллисант. Но он не такой красивый, как вы. У меня глаз наметанный: я сразу заметила, что ему нравится ваша жена. Он ходил за ней как хвостик.

— Это ничего не значит. Я уверен в своей супруге, как в себе самом. И мы всегда хранили верность друг другу, что собираемся делать и впредь.

В этот момент Себастьян заметил, как Элинор выходила из их комнаты, которая была расположена в противоположном конце коридора, но не успел вовремя улизнуть от леди Итон. Одни гости поднимались, другие спускались по лестнице, ведя шумные разговоры, и восхищаясь маскарадными костюмами друг друга.

Но никто из присутствующих не мог сравниться по красоте с очаровательным джином с волшебной лампой под мышкой.

Себастьян заметил, что Элинор посмотрела в его сторону, и, раскланявшись с графиней, направился к жене.

— Ну вот, — вполголоса сказал он, когда они поравнялись. — Дело сделано. Теперь домой?

Элинор оглядела Себастьяна с ног до головы.

— Где твой кинжал? Надеюсь, ты потерял его не в спальне этой искательницы приключений?

— Разумеется, нет. Хочешь прочесть письмо, которое я нашел?

— Потом. — Элинор посмотрела Себастьяну в глаза. — Положи его в надежное место, пожалуйста. — Она ласково погладила мужа по плечу. — Может быть, мне и тебя следует спрятать подальше, чтобы не украли? Я заметила, как вчера во время экскурсии по подземным казематам леди Итон старалась оказаться поближе к тебе.

— Не обратил внимания, — ответил Себастьян. — Зато видел, как на тебя глазели все мужчины. И, если это еще раз повторится, я найду способ поставить их на место.

— Лучше найди свой кинжал. Уилл просит меня пойти с ним на осмотр камеры пыток. У бедняги не хватает духу идти одному на эту жуткую экскурсию.

— Я его понимаю.

— Вот как? Интересно, почему? Тебе тоже было страшно?

Себастьян улыбнулся:

— Просто потому, что мне, как и Уиллу, ужасно нравится твое общество.

Когда Себастьян зашел в комнату, чтобы спрятать письмо, он услышал доносящийся с берега перезвон колоколов. Гроза усилилась. Он посмотрел в окно — высокое, с верхней аркой — и увидел рыбацкие лодки, болтающиеся на воде. Как видно, моряки решили не обращать внимания на предупреждение о приближавшемся шторме.

«Эти заговоры обычно ни к чему не приводят», — вспомнилась ему фраза кузена.

Себастьян почувствовал приступ любопытства. Элинор была твердо намерена выполнить свое обещание не читать письма, которые разыскивает по заданию ее светлости. Что касается его, то он не давал герцогине никаких обещаний. Тем более присягал на верность герцогу. И еще обещал держать ухо востро. Это означает, что его долг — тщательно

изучать любую информацию, которая попадет к нему в руки. В том числе и эти письма.

Себастьян открыл конверт и развернул листок. Боже праведный! Оказывается, леди Виола Хатчинсон не стеснялась в выражениях.

«Я познакомилась с замечательным мужчиной по имени лорд Барри Саммерс. Он раньше работал в военном министерстве, но лишился должности по вине проклятого Уэллсли. Я знаю, что Саммерс ненавидит этого амбициозного негодяя так же сильно, как и я. Он рассмеялся, когда я упомянула о том, как бы я хотела, чтобы жену Артура постигло какое-нибудь несчастье, и обещал, что, если я исполню его желания, он удовлетворит мою жажду мести. Хотя вряд ли тебе это интересно, когда старый граф висит у тебя на крючке».

Себастьян поднял глаза от письма. Было очевидно, что под Уэллсли подразумевался герцог Веллингтон. Адресатом этого письма была леди Итон, которой удалось поймать в свои сети старика графа. Что случилось с тем самым лордом Барри Саммерсом, непонятно. Но это имя, похоже, следует запомнить.

Услышав стук в дверь, Себастьян торопливо спрятал письмо. «Хорошо бы, чтобы вернулась Элинора, а не леди Итон в маскарадном костюме Венеры, решившая меня навестить», — подумал Себастьян. Однако выяснилось, что это был всего лишь лакей, который принес ему еще одну записку — на этот раз от человека, который называл себя его родственником и назначал встречу на разводном мосту.

— Еще очередная глупая шутка? — раздраженно спросил Себастьян.

— Не могу знать, милорд, — ответил лакей, качая головой. — Не хотите, чтобы на всякий случай я пошел с вами?

— Нет, благодарю. Я пойду один. — Это означало, разумеется, что он не возьмет с собой Элинора. Не стоит ее впутывать в эту темную историю.

Но если это и в самом деле родственник, это может быть только Хит. Больше никто не мог знать, что Себастьян поедет на маскарад в замок Итон. Только чрезвычайно важные обстоятельства могли заставить кузена приехать из Лондона в такую ужасную погоду.

...Заговор против Веллингтона. Женщина, затаившая обиду, и чиновник из кабинета министров, имеющий зуб на герцога и многие годы лелеющий мечту о мести. От мысли о том, что он снова в игре, Себастьяна охватило радостное возбуждение. Он предвкушал интересную работу и захватывающее расследование. Разумеется, Себастьян не мог быть полностью уверенным в том, что эта ниточка приведет его к раскрытию заговора. Но выработанное годами разведывательной работы профессиональное чутье подсказывало ему, что он находится на правильном пути.

— Передайте, пожалуйста, леди Боскасл, что я немного задержусь. Всего на несколько минут, — сказал он лакею и закрыл за ним дверь.

Себастьян надел пальто: секретному агенту не подобает ходить на встречи со связными в маскарадном костюме. Жаль, что ему не известно содержание остальных писем, как и Элинора. Но, пожалуй, сейчас это не столь важно. Хватит того, что он передаст Хиту содержание последнего письма.

Себастьян торопливо спустился по винтовой лестнице, избегая встречаться с остальными гостями, не участвовавшими в празднестве. Если потребуется, он вернется в Лондон. Уж кто-кто, а Элинора, разумеется, поймет его. Она женщина, которая доказала на

деле свою преданность интересам Англии, хотя и довольно необычным способом. Как сказал ей Себастьян, их дети унаследуют от своих родителей тягу к интриге и честолюбию — стремление к медалям, почестям, титулам, положению при дворе или за границей.

Ведь у них с женой очень много общего.

Если Хит Боскасл проделал такой длинный путь, прибыв сюда из Лондона, чтобы попросить Себастьяна помочь ему, Элинор все правильно поймет. Только придется положить немало сил на то, чтобы убедить ее, что ей не надо ехать с ним.

Себастьян миновал грязный двор, прошел под тяжелой чугунной решеткой подъемных ворот.

Однако к его удивлению, человек в плаще, стоящий на разводном мосту, оказался не Хитом, а младшим братом Себастьяна, Гейбриелом. Он был очень рад его увидеть. С Гейбриелом они дружили и проказничали в детстве. Себастьян учил его стрелять из ружья, подсматривать за девушками, а иногда предлагал выпить пивка. Кому, как не старшему брату, приобщать младшего к этим маленьким грешкам?

— Рад видеть тебя, — с улыбкой сказал Себастьян, пожимая руку Гейбриелу. — Однако я думал, что меня вызвал Хит.

Брат покачал головой:

— Вместо того чтобы ехать сюда самому, он послал меня.

— Почему? — спросил Себастьян.

— Потому что я скачу на лошади быстрее, чем он.

— Да, тебя никто не мог обогнать, — согласился Себастьян.

— Вероятно, все началось с того, что я был вынужден практиковаться в беге, унося нога, чтобы не стать козлом отпущения за проделки трех старших братьев. Обычно те убегали, а мне приходилось расхлебывать кашу, которую они заварили.

— Трудности могут многому научить мальчишек. Закалить характер.

За прошедшие годы Себастьян встречался с Гейбриелом всего два раза. В последний раз — в прошлом году, когда на брата напали в темной городской аллее и он поспешил к нему на выручку. После этого от Гейбриела не было никаких вестей. Хотя Себастьян ожидал, что брат с ним свяжется.

Однако так уж сложилось, что, когда они выросли, их пути разошлись. Себастьян, мечтая о славе, избрал военную карьеру. А Гейбриела всегда привлекал таинственный ореол разведчика.

— Заговорщика выследили. Это человек, который часто бывал в твоём доме, — объявил Гейбриел. — Хит подумал, что ты должен об этом знать, чтобы принять к сведению.

— Вот как? И часто? — Брови Себастьяна удивленно поползли вверх.

— В течение всего прошлого года. Это звено в цепи было обнаружено только прошлой ночью. Ты кого-нибудь подозреваешь?

Себастьян задумался, потрясенный тем, что сообщил ему Гейбриел. Оказывается, он знал этого человека. Кто же это?

Дом — это крепость, где хозяин бережно хранит все, чем по-настоящему дорожит. Но если крепость остается без охраны, не важно, кто ты — герцог или барон, — не удивляйся, что враг попытается проникнуть внутрь.

Кто бывал в доме во время его отсутствия?

Кто бы ни был тот человек, который водил дружбу с Элинор, было очевидно, что он использовал ее, чтобы ближе подобраться к герцогине. Было непросто завоевать доверие

герцогини и войти в узкий круг ее друзей. Зато эти избранные пользовались особой благосклонностью ее светлости. Несмотря на то что Себастьян не мог сохранять полную беспристрастность в этом вопросе, он всегда считал, что в круг герцогини проник чужеродный элемент, который вызывал у него подозрения.

— Нейтан Беллисант, — с суровой непреклонностью изрек Себастьян. — Скорее всего это он. Это он уговорил герцогиню задержаться в Лондоне.

— Он француз?

— Трудно сказать. Непонятно. Это художник-портретист, который был частым гостем в моем доме. Я бы никогда не пожелал увидеть его у себя в качестве гостя. Однако моя жена и герцогиня носятся с ним, восхищаясь его талантом.

— И что, он до сих пор жив? — спросил Гейбриел, насмешливо глядя на Себастьяна.

Тот попытался изобразить на лице улыбку. Ничего не скажешь — родная кровь. Они с братом понимают друг друга с полуслова.

— Герцогиня поручила ему написать портреты сыновей, что должно стать подарком мужу к его приезду на Рождество.

— Ясно, — кивнул Гейбриел, став серьезным. — Не исключено, что этому живописцу придется завершать свою картину в Тауэре. Нельзя же огорчать великого герцога!

Себастьяну сразу же вспомнился портрет Элинор, который написал Беллисант, и его охватил гнев. На этой картине он увидел свою жену глазами мужчины, который ее вождеделел. Разве мог Себастьян сейчас призывать к милосердию по отношению к этому живописцу? Отнюдь! Он сделает все, что потребует от него долг перед Англией. А если с его стороны в этом деле будет присутствовать личный оттенок мести — что с того? Это стоит того, чтобы увидеть врага поверженным.

В конце концов, миссии милосердия — это не по его части.

— Художник... — размышлял вслух Гейбриел. — Идеальное прикрытие. И он сблизился с твоей женой как раз в это время.

— Одного этого достаточно, чтобы его подозревать.

— Ведь этот Беллисант не писал портрет твоей жены, правда? Ты бы никогда этого ему не позволил.

— Извини, но я не хочу говорить на эту тему, — нахмурился Себастьян.

— Мы направимся в Лондон сейчас или ты приедешь позже?

— Поедем вместе, а потом разделимся. Ты разыщешь Хита. Но как бы то ни было, сначала мне надо переодеться и позаботиться о своей жене. А ты входи в замок и повеселись перед отъездом.

— Мне нужно напоить лошадь, — улыбаясь, сказал Гейбриел. — Ну а ты иди к Элинор. И знаешь что, Себастьян...

— Я слушаю тебя.

— Кажется, дело гораздо сложнее, чем ты думаешь.

Будь осторожен.

Элино́р не понимала, почему у нее болела голова — то ли от заунывного пения трубаду́ров, то ли от дождливой погоды. Как бы то ни было, она рано покинула шумное застолье. Не забывая о своем долге охранять кухню, Уилл плелся за ней. Только что прибыл сэ́р Персиваль, который должен был предсказывать судьбу по руке всем желающим.

— Когда ты в последний раз видел моего мужа? — шепотом спросила Элино́р кузена.

— Полчаса назад. Он выходил за ворота крепости. Элино́р оглянулась на толпу одетых в маскарадные костюмы гостей, которые выстраивались в очередь, чтобы прорицатель погадал им по руке.

— Не обязательно провожать меня до дверей. Я поднимусь к себе и буду ждать Себастьяна. А вот сэ́ру Персивалю, похоже, требуются телохранители. Вокруг него — целая толпа.

— Я дал твоему мужу слово заботиться о том, чтобы с тобой ничего не случилось, — твердил Уилл. Он вошел в комнату и, убедившись, что там никого нет, посоветовал: — Как только я уйду, сразу же запри дверь.

— Спасибо, дорогой. Ты столько раз помогал мне весь последний год. Герцогиня собирается наградить тебя за отличную работу.

Уилл грустно кивнул:

— Жаль, что все скоро закончится. И знаешь, Элино́р, извини, что из меня получился не очень хороший помощник в твоих делах. Иногда я слишком увлекался. Ты и без меня прекрасно могла бы обойтись. Спокойной ночи.

Элино́р закрыла дверь на задвижку. Комната казалась такой пустой и холодной без Себастьяна. С моря дул пронизывающий ветер, который проникал даже через закрытые ставни.

Она зажгла лампу и надела теплое манто. Хорошо, что Мэри настояла, чтобы Элино́р взяла его с собой в поездку. Пальто Себастьяна не было на месте. А плащ, в котором она гуляла по берегу моря с мужем, еще не просох. Элино́р потирала озябшие руки и размышляла о том, почему так внезапно исчез ее супруг. И если загадочный незнакомец, искавший с ним встречи, снова заманил его на свидание, почему ее муж ничего ей не сказал?

Элино́р свернулась калачиком в кресле и ждала Себастьяна, уверенная в том, что с ним ничего не случилось, потому что он умеет постоять за себя. Она рассеянно провела рукой по гладкому ворсу манто — и вдруг почувствовала под подкладкой какой-то предмет.

Сгорая от любопытства, Элино́р распоролла атласную подкладку. Что это? Письмо... Почерк показался ей знакомым.

Она повернулась к свету... Боже! Неужели? Она внезапно все поняла. Это была записка от ее обожаемой Мэри. Элино́р узнала свою бумагу и почерк служанки. Наверное, заботливая женщина хотела еще раз напомнить Элино́р не забывать принимать чудодейственное снадобье. Как можно сердиться на нее, если эта милая женщина всегда желала ей только добра?

В письме были сплошные кляксы. Может быть, горничная плакала, когда писала его?

«Мадам!

Я знаю, что вы никогда меня не простите. Но я надеюсь, что женщина, потерявшая

ребенка, сможет понять мать, которая пошла на все, чтобы спасти свою плоть и кровь. Я предала вас и герцогиню. Я не знала, что ее прелестные дети будут подвергаться опасности, — просто хотела заработать несколько фунтов. Я продала личную информацию о вас и ее светлости людям, которые — теперь уже я это понимаю — хотят причинить вред герцогине и ее семье.

И возможно, сейчас вы и ваш супруг — в опасности».

Остальное было невозможно прочесть из-за сплошных клякс.

Элино́р вздрогнула, когда в дверь постучали.

— Кто там? — хриплым от волнения голосом спросила она.

— Это снова я, Уилл.

— Что случилось? Почему ты вернулся?

— Мне не по себе от того, что я оставил тебя одну.

— Послушай меня, Уилл. Пожалуйста, найди Себастьяна. Сделай это как можно скорее.

— Почему?

— Мы в опасности. Приведи его, пожалуйста. А потом я тебе все объясню.

— О Господи Боже мой! Возникли угрозы? Хорошо, я его разыщу. Только никуда не выходи из комнаты.

Элино́р не могла прийти в себя от потрясения. Она не ожидала такого от своей горничной. Ее предала Мэри, которой она всецело доверяла, с которой делилась всеми своими секретами. Мэри, которая заливалась слезами, когда Элино́р потеряла ребенка. Которая, не сомкнув глаз, днем и ночью сидела у постели, выхаживая ее. Без единой жалобы, ни говоря ни слова упрёка.

Элино́р сложила письмо и встала с кресла. Она чувствовала легкий озноб. Это была нервная дрожь.

«Элино́р! Крепись, девочка моя, — вспомнила она слова отца. — Это большой удар. — У нее в ушах до сих пор стоял его спокойный ровный голос. — Мы сделали все возможное, чтобы спасти твою мать. У нее было слабое здоровье. Возможно, она была слишком чиста для этого мира. Теперь мы должны стать опорой друг для друга».

Этот порочный мир... Игры в кошки-мышки, светские интриги. Стоит ли давать жизнь детям, которым придется существовать, испытывая столько потрясений, столько несправедливости? Зачем и ей самой надо было родиться на свет? Элино́р подошла к чемодану и открыла потайное отделение, где лежали письма, найденные по приказу герцогини.

Письма, которые могли изменить судьбу Англии. Элино́р придется нарушить слово, которое она дала герцогине. Неужели Уилл тоже участвовал в заговоре? Это просто невыносимо. Невозможно себе представить. Зачем это ему? Зачем завоевывать доверие герцогини, а потом шпионить за ней, узнавать местопребывание ее семьи? Ради почестей? Нет, это не похоже на ее кузена.

Но нельзя забывать о том, что Уилл — актер. И он поклялся оставить свой след в истории.

Элино́р прочла письмо, которое только что похитил Себастьян. В нем говорилось кое-что о сведении старых счетов. Об обещании ждать подходящего момента, чтобы отомстить, когда для этого представится благоприятная возможность.

Отвернутая и презираемая всеми женщина, ищущая способ наказать герцогиню.

Попавший в немилость рассерженный политик, затаивший злобу на герцога. Ущемленное тщеславие. Любовное желание, принявшее извращенную форму.

В конце концов оказалось, что все это не игра.

Веллингтон, как никто другой, понимал всю степень опасности этой ситуации. И его супруга тоже это сознавала, и ее пренебрежение светской жизнью объяснялось стремлением защитить своих сыновей.

Какая месть соперницы будет самой страшной для женщины? Избрать инструментом для своей ненависти детей, которых счастливая соперница родила от мужчины, которого они обе любили.

Элинор услышала грохот и сначала приняла его за раскаты грома. Нет, это не гроза. Это стучит в дверь Себастьян. Он вернулся. Наконец-то. Слава Богу. Играть в шпионские игры было увлекательно — до настоящего момента. Она быстро направилась к двери.

— Открой. Элинор, — тихо сказал Себастьян. — Уилл сказал мне, что-то случилось.

Она перевела дыхание и отодвинула тяжелую щеколду. Элинор была несказанно счастлива, что Себастьян вернулся.

— Где ты был?

— Встречался на разводном мосту с Гейбриелом, моим братом. — Он снял пальто и посмотрел на лежащий на полу чемодан. — Я возвращаюсь в Лондон. Обещай мне, пожалуйста, не...

— Ты оказался прав насчет заговора.

— Проклятый Беллисант, — сквозь зубы проговорил Себастьян, не глядя на Элинор. — Где мои ботинки? И куда пропал Уилл? Мы шли с ним сюда вместе, но он внезапно исчез. Мой брат едет со мной.

— Это не художник.

— Не желаю слышать, как ты защищаешь предателя! — гневно сверкнув глазами, воскликнул Себастьян. — Меня бесят эти смазливый живописцы и восторженные поклонницы их несуществующего таланта.

— Меня тоже. Но Беллисант и вправду талантлив.

— Элинор, должен тебя предупредить... Она обняла мужа.

— В тебе говорит ревность. А где же твой разум?

— А когда ты его защищаешь, в тебе говорит влюбленность! Где твой холодный рассудок?

— Послушай меня. Я кое-что узнала. — Элинор покачала головой. — Никто, кроме сэра Персиваля, не мог предвидеть такой поворот событий.

— Ты не понимаешь. Беллисант специально задержал герцогиню в Лондоне.

— Он далек от политики. Он человек творчества. Элинор протянула разгневанному Себастьяну письмо.

— Это не Беллисант, — дрогнувшим голосом повторила она. — Предала нас моя горничная Мэри. Ах, Себастьян, я так в ней ошиблась!

— Как ты это узнала?

Элинор с трудом проглотила комок в горле.

— Она сама во всем призналась в этом письме. Мэри сделала это, чтобы добыть денег для спасения сына. Я всегда ей доверяла, а она снабжала информацией людей, которые...

— ...собираются совершить покушение на герцога или попытаются похитить герцогиню, — медленно проговорил потрясенный Себастьян.

Элино́р кивнула. Их глаза встретились.

— Нет, ты не прав. Они хотят что-то сделать с детьми — сыновьями герцога Артуром и Чарлзом. Не знаю, идет ли речь о похищении с целью получения выкупа или о чем-то еще более страшном.

Себастьян взял письмо Мэри и быстро пробежал его глазами. А затем горестно покачал головой.

— А ты уверена, что Беллисант в этом тоже не замешан? — не унимался он. — Сама подумай. Он часто приходит к герцогине, а также вхож в наш дом.

— Беллисант в душе остался ребенком. Если я в нем ошиблась — значит, я совсем не разбираюсь в людях.

Себастьян взял жену за руку.

— Но ты понимаешь, почему я его подозреваю? — спросил он тихим голосом.

— Конечно.

— И если окажется, что Беллисант в этом замешан, пусть он не ждет от меня пощады.

— Ты должен сделать все, чтобы защитить детей герцогини.

Себастьян кивнул:

— Мы с братом едем в Лондон. Не проси меня взять тебя с собой.

— Хорошо. Только возвращайся, пожалуйста, поскорее. — Элино́р порывисто обняла мужа.

Он кивнул и решительно направился к двери, тайком заткнув за пояс пистолеты: он не простой житель Лондона, а офицер разведки, тайный агент, и ничто не остановит его при исполнении долга. Элино́р проводила Себастьяна до двери.

— Дорогая, веди себя осмотрительно и ни во что не ввязывайся.

— Обещаю. А ты будь осторожнее.

Себастьян нахмурился, надевая перчатки.

— В доме нет ни одного человека, на которого можно было бы положиться, — задумчиво проговорил он. — Может быть, мне попросить Хита отправить в замок Итон кого-нибудь из моих кузенов, чтобы забрать тебя отсюда?

— Если нужно, Уилл отвезет меня в дом своей матери в Дувре, — сказала Элино́р. — Я буду там, пока ты не приедешь за мной. Это поместье недалеко отсюда, и дорога хорошая.

Поцеловав жену, Себастьян уехал.

Элино́р стояла посреди пустой комнаты. Ждать возвращения мужа так тяжело. Хорошо, что вскоре она сможет окунуться в праздничную атмосферу маскарада. Это позволит ей на время отвлечься от мрачных мыслей.

Куда же пропал Уилл? Он знает, что обстановка серьезная. Неужели ее кузен во всем этом замешан? А может быть, он уединился с какой-нибудь дамой в одной из комнат замка? Элино́р искала его взглядом среди гостей, когда заметила, как сэ́р Персиваль машет ей рукой. Она поднялась из-за стола и, пройдя через весь зал, вышла в коридор, где ее ждал взволнованный прорицатель.

— Что случилось? — шепотом спросила Элино́р, решив, что кто-то преследует знаменитого мага за ошибку в предсказании.

— Я не могу найти вашего кузена, — с беспокойством в голосе сказал он.

— Представьте, я тоже, — призналась Элино́р, все больше и больше тревожась. Уилл не из тех, кто исчезает, не сказав ни слова. — Где вы видели его в последний раз?

— В камере пыток, миледи. На экскурсии.

— Зачем он туда пошел? — удивилась Элино́р. Бросив взгляд в освещенный факелами коридор, она увидела, как в темноте мелькнула чья-то тень.

Чей-то знакомый силуэт.

Элино́р внимательно смотрела на человека, который стоял в нише рядом с лестницей, ведущей в подземелье. Он незаметно сделал ей приглашающий знак рукой.

У Элино́р по спине пробежал холодок. Ее охватило дурное предчувствие.

— Может быть, он ушел, чтобы получше подготовиться к празднику? — предположил сэ́р Персиваль.

— Неправда. Я вам не верю! — вскричала Элино́р, глядя прорицателю в глаза.

Он покачал головой.

— Леди Боскасл, — снисходительно проговорил сэ́р Персиваль, вынимая пистолет из складок своих синих одежд. — Я польщен тем, что вы и глупая герцогиня поверили в мою игру. Попрошу вас спуститься по лестнице и присоединиться к вашему кузену.

Элино́р охватил гнев.

— Если хоть один волосок упадет с головы Уилла, я разрежу вас на кусочки и скормлю воронам.

Сэ́р Персиваль побледнел и в страхе попятился. Но не угроза Элино́р повергла его в шок.

— Уважаемый маг, не стоит недооценивать способности этой женщины, — раздался рядом голос Себастьяна. — Я видел своими собственными глазами, как ловко она орудует скальпелем, когда помогала своему отцу, военному врачу. У этой дамы железные нервы.

— Ах, Себастьян, — вне себя от радости пробормотала Элино́р. — Какое счастье, что ты здесь! — Вздыхнув с облегчением, она смотрела, как ее муж, угрожая кинжалом, оттеснил сэ́ра Персиваля к стене, а затем ловким движением выбил у него из рук пистолет.

— А где Уилл? — спросила Элино́р.

— У него легкое сотрясение мозга, и он в комнате лорда Итона, — не глядя на жену, ответил Себастьян. — Можешь его навестить, пока я разбираюсь с этим предателем.

Элино́р не стала спорить.

— Кого мне послать тебе на подмогу?

— У меня уже есть помощник. — Себастьян кивнул в сторону лестницы.

Элино́р посмотрела на красивого незнакомца с волосами цвета воронова крыла, с таким же точеным профилем, как у Себастьяна.

Молодой человек вышел вперед и поклонился, глядя на нее такими же голубыми, как у ее мужа, глазами.

— Это мой брат Гейбриел, — представил его Себастьян, ведя сэ́ра Персиваля по коридору. — Он проводит тебя.

— Как вы с ним похожи...

Гейбриел улыбнулся, отчего стал еще привлекательнее.

— После того как я с вами познакомился, мне стало понятно, почему Себастьяну так не хотелось оставлять вас и ехать со мной в Лондон.

Элино́р рассмеялась, радуясь счастливой развязке и глядя с благодарностью на своих ангелов-спасителей.

Сэ́р Персиваль пытался что-то объяснить, когда Себастьян повел его в подземную тюрьму. Вскоре стало слышно, как заскрипела тяжелая железная дверь камеры.

На радостях Элино́р была готова простить мужа за то, что он вмешивался в ее работу.

Разумеется, она рассчитывала, что он извинится, потому что назвал задания, которые давала ей герцогиня, «посиделками с чаем». Однако она не будет ворошить прошлое и не станет ни в чем его упрекать. Следует воздать должное профессиональным навыкам Себастьяна. Ведь ее мужу удалось распутать клубок интриг, которые плели у нее за спиной люди, которым она всецело доверяла.

Ну что же, они с Себастьяном хорошо сработались. Но теперь настало время целиком посвятить себя семье.

Все именно так, как и должно быть.

Элинор мысленно перевернула эту страницу своей жизни и, опершись на руку Гейбриела Боскасла, позволила Себастьяну выполнить то, что велит ему долг.

Герцогиня Веллингтон сидела в своей гостиной за легким завтраком и бегло просматривала кипу текущей корреспонденции. Нейтан Беллисант, ведущий преимущественно ночной образ жизни, согласился прийти пораньше — для того чтобы поймать нужное освещение, ведь нужно было закончить портреты Артура и Чарлза.

Для Китти это означало, что придется пустить в ход все находящиеся в материнском арсенале мыслимые и немыслимые трюки и умасливания, чтобы заставить своих очаровательных отпрысков вымыть за ушами и постараться не испачкать накрахмаленные рубашки из ирландского льна. Няня разбудила детей ни свет ни заря. Они с герцогиней надеялись, что им удастся изрядно вымотать детей подвижными играми, чтобы потом мальчики смогли усидеть на месте, позируя для портрета. Несмотря на то что сама Китти не имела ничего против того, что ее дети отличались кипучей энергией, она понимала всю безысходность положения сэра Нейтана, который должен был запечатлеть для потомков двух непосед.

Китти взглянула в окно, которое выходило в сад, где сэр Нейтан попросил мальчиков попозировать. Учитывая неустойчивую ноябрьскую погоду, это был довольно странный выбор. Глядя на своих детей, герцогиня с грустью думала о том, что всего через несколько лет Артура и Чарлза придется отправить в Итон, и тогда она останется совсем одна. Хорошо бы было завести еще несколько детишек, а муж — если пожелает — может служить послом хоть на Марсе. Или найти себе другие развлечения, которые будут все так же отвлекать его от семейных обязанностей.

А Китти будет жить, предаваясь воспоминаниям, и этот портрет будет напоминать ей об этих счастливых годах.

— Ваша светлость! — В дверях появился секретарь герцогини, Ловридж. Он был чем-то взволнован.

Герцогиня вздохнула. Она была недовольна, что ее размышления прервали. Китти бросила взгляд в окно. Боже, что делают ее дети на этой веревочной лестнице на стене? Чарлз может порвать свои новые брюки. И почему сэр Нейтан позволяет такое поведение?

— Ваша светлость, — повторил секретарь.

— Что такое? — Она повернулась к вошедшему. Тот с поклоном протянул ей письмо на серебряном подносе.

«Срочно».

«Вести от герцога», — подумала Китти, и сердце у нее учащенно забилося. Даже теперь, в мирное время, у ее мужа было много врагов, а также бывших противников, маскирующихся под друзей. Такова цена власти.

Лучше бы Китти стала деревенской женой заурядного помещика.

Она почувствовала легкое головокружение.

— Не говорите пока ничего мальчикам, — взяв письмо, сказала она.

— Хорошо, ваша светлость, — покорно ответил Ловридж.

Если новости окажутся плохими, пусть сэр Нейтан запечатлеет на холсте последний день их счастливого неведения.

Пока братья Боскасл направлялись в Лондон, во все порты и на все таможенные посты Англии были разосланы гонцы. Простые служащие и вдовы, а также перевозчики и капитаны кораблей, верные великому герцогу, вскочили с постели — для того чтобы выполнить свой долг.

Себастьян не мог не любоваться тем, как его младший брат держался в седле. На постоялом дворе в Севеноуксе они сменили лошадей, выпили пинту пива и снова продолжили путь. Когда они проехали деревню, у развалин старинного монастыря их нагнало четверо всадников в красных сюртуках. Еще один отряд направился в замок лорда Итона по дороге, которая шла по берегу.

К тому времени как Себастьян и Гейбриел добрались до Лондона, наступило серое туманное утро, звонили церковные колокола и открывались ставни. Трубочисты и молочники деловито сновали между повозками.

Вооруженный правительственный дозор обшаривал окрестности города, дворы и конюшни. Караульные внимательно осматривали улицы из своих сторожек, забыв о ночном сне. У дорожных ограждений опрашивали всех путников, вызывавших подозрение. Владельцы таверн и их жены обращали внимание на посетителей, которые просили коляску для двух мальчиков.

Все — от простого народа до английской элиты — хотели помочь защитить сыновей славного герцога Веллингтона.

Каждый раз, работая над очередным портретом, сэр Нейтан Беллисант в какой-то момент начинал сомневаться в том, стоило ли ему выбирать профессию художника, если она так тяжела. А как еще человек с таким непостоянным характером может зарабатывать себе на жизнь? Смог ли бы он прокормиться, будучи банковским служащим? Или торговцем пряностями? Или фермером, который пашет от зари до зари? Нейтан не спал два дня. Эта работа совсем его измучила. Однако он понимал, что потом все его сомнения исчезнут... если... он отдохнет и наконец закончит портрет с натуры двух юных созданий, которые постоянно от него убегали.

Вряд ли ему удастся сделать это сегодня. Он совершенно не может сосредоточиться. Артур и Чарлз устроили увлекательную игру на задворках сада. Он посмотрел на веревочную лестницу, которая была переброшена через стену.

— Откуда она там взялась? — спросил он, недоуменно моргая.

Чарлз пожал плечами:

— Мы не знаем. Наверное, кто-то принес. Можно нам на нее залезть?

Артур, наследник герцога, дернул младшего брата за рукав:

— Это ловушка. Нас хотят похитить. Приготовьтесь сражаться.

Нейтан прищурился:

— С кем? Наши противники превосходят нас числом?

Восьмилетний Артур смотрел на него очень серьезно. У художника заняло сердце — именно такой выразительный взгляд он стремился поймать все это время, создавая портрет сыновей герцога Веллингтона. В нем можно было увидеть чувство собственного достоинства, ум, жажду приключений — все, что Нейтану хотелось передать на холсте.

Однако когда он повернулся к мольберту, чтобы запечатлеть этот неповторимый взгляд, в саду откуда ни возьмись появились колдстримские гвардейцы. Люди в красных сюртуках одновременно ринулись к двум мальчикам, которые застыли у стены, восхищенные столь правдоподобной и захватывающей игрой.

Герцогиня, с белым как мел лицом, выбежала в сад. Нейтан удивленно смотрел на эту сцену и не мог понять, что происходит.

Вдруг раздался писклявый победный возглас:

— Вы спасли нас, Боскасл! — Это воскликнул маленький Чарлз, которого один из гвардейцев посадил себе на плечи. — Вы вовремя подоспели с подкреплением!

Нейтан медленно повернулся и покачал головой. Ничего другого не оставалось, как сдаваться. Он смотрел на человека в черном, который приближался к нему с двумя пистолетами и целился в него. Художник даже не пошевелился, чтобы себя защитить. Он не ожидал, что человека можно арестовать только за то, что он безнадежно влюблен в чужую жену.

Было очевидно, что Боскасл жаждет кровопролития. Нейтан приготовился умереть, как когда-то умер отец.

— Я сдаюсь, — сказал он, поднимая измазанные масляной краской руки. — Можете застрелить меня на месте. Я правда ни в чем не виноват. Хотя разве это кого-то волнует? И не стоило вызывать целый батальон, чтобы меня арестовать. Вряд ли мои картины могут кому-то угрожать.

— Идите в дом, — приказал Себастьян, стараясь не наступать на эскизы, которые гвардейцы втоптали в траву. — И ради вашей безопасности не выходите оттуда, пока вам не позволят.

— Вы хотите сказать, что не собираетесь меня пристрелить?

— Не сейчас.

— Ну что же, и на том спасибо. Слава Богу. В таком случае, если вас не затруднит, не могли бы вы позволить мне взять эскизы?

...В тот же день разведка поймала остальных заговорщиков, задумавших похитить сыновей герцога. Двое мужчин, а также одна женщина привлекательной наружности, которая должна была изображать гувернантку, ждали в шикарном экипаже в Гайд-парке, чтобы украсть детей известного на весь мир политика. Позднее дама призналась, что ее зовут Виола Хатчинсон и что много лет назад она была влюблена в Веллингтона. Три других члена преступной группировки сдались в порту Квинхит. Еще четверых арестовали возле дома герцогини колдстримские гвардейцы.

Мэри искренне раскаялась и чистосердечно рассказала королевским агентам о роли, которую невольно сыграла в этом заговоре. Она поведала, что в первый раз заговорщики подошли к ней на рынке, предложив деньги за необходимые им сведения. О том, что во всем этом был замешан сэр Персиваль, Мэри узнала только накануне. Это он угрожал ей и объяснил важность того, что надо сделать. Когда прибыл Себастьян, Мэри разразилась слезами и умоляла простить ее. Клялась, что искренне привязана к своей хозяйке. Она клятвенно уверила Себастьяна, что его опасения напрасны и что снадобье Элинор не было отравлено.

Горничная ни словом не обмолвилась о Мейфэрском незнакомце.

Главного зачинщика заговора, лорда Барри Саммерса, взяли под стражу в тот же вечер в гостинице недалеко от Фалмута. Благодаря тому, что бдительная служанка подслушала, как он напоминал жене о необходимости сжечь все его документы, он не успел сбежать во Францию.

Девушка вовремя доложила об этом офицерам, которые дежурили на первом этаже, где

была расположена пивная.

Вся деревня с восторгом приветствовала местную героиню. По случаю празднеств в пабе бесплатно угощали всех посетителей.

Радясь благополучному исходу событий, герцогиня выпила бокал шампанского и милостиво позволила слугам спокойно продолжать свои повседневные обязанности. Артуру и Чарлзу дали на десерт их любимый пудинг с миндальным кремом и разрешили играть на час дольше обычного, прежде чем их отправят спать.

Перед сном мальчики сказали, что это был самый счастливый день в их жизни.

Себастьян провел ночь в доме своего кузена Хита, а на следующее утро, еще до рассвета, двинулся в путь.

Миновав большой зал, Себастьян подошел к скамейке, где Элинор сидела с кузеном мужа, лордом Девоном Боскаслем, и его женой Джоселин. Она подняла глаза на мужа, и от одного ее вида сердце у него учащенно забилось.

Элинор поднялась с места и одарила его такой счастливой улыбкой, что он сразу же позабыв об усталости после долгой дороги. Многочисленные слуги сновали по залу, разнося напитки и поддерживая огонь в камине. Себастьян обнял жену, радуясь, что с ней ничего не случилось. Она только что сообщила ему радостную новость, что наконец-то ждет ребенка, и счастьем его не было предела. Он поцеловал Элинор на глазах у всех и крепче прижал к себе.

Себастьян особенно пылко благодарил жену за то, что скоро она сделает его отцом. Теперь он никуда не уедет от нее, и родители будут вместе ждать появления на свет малыша.

— На нас все смотрят, — прошептала Элинор.

Глаза Себастьяна озорно заблестели.

— Я заметил. Но это же хорошо. Они за нас радуются, милая. Знаешь, как я счастлив? — Себастьян взял ее лицо в свои ладони.

— Ты устал?

— Ужасно. Мне нужно принять ванну и несколько дней провести в постели. А то помру.

Элинор понимающе улыбнулась:

— Как дочь военного врача могу подтвердить, что это полезно для здоровья.

Кто-то многозначительно кашлянул у них за спиной. Себастьян широко улыбнулся, увидев перед собой своего высокого и худого кузена, Девона Боскасла. Когда они встречались в последний раз, тот был непослушной мальчишкой с голубыми глазами. Они остались прежними — такими же озорными, как в детстве. Себастьян обнял кузена:

— Девон, ты совсем не изменился.

Тот познакомил Себастьяна со своей женой, Джоселин — красивой стройной молодой женщиной с золотистыми волосами. Она отозвала Элинор в сторонку и сказала:

— Как я понимаю, семья Боскасл не видела вашего мужа много лет.

Элинор смотрела, улыбаясь, как мужчины, продолжая разговор, направлялись к столу.

— Честно говоря, до последнего времени я и сама не видела своего мужа довольно долго.

Они стояли, наблюдая, как их мужья пили сидр, и обсуждали семейные новости. Слуги принесли большие блюда со свежим хлебом и жареными индейками. Вскоре появились лорд и леди Итон и сели во главе стола. Элинор и Джоселин присоединились к ним.

Несмотря на пасмурный день, на обеде царил дух веселья. Добро восторжествовало над злом.

Негодяй сэра Персиваль, зачинщик заговора, совсем недавно сидел за этим же самым столом. Теперь героем дня стал Себастьян Боскасл. Он скромно отнекивался от похвал, которыми осыпали его гости лорда Итона. Большинство его заданий, связанных с настоящим риском, были тайными. Поэтому он не привык делать свои заслуги центром всеобщего внимания.

— После всех этих событий мне что-то совсем не хочется возвращаться в Лондон, — заметила сестра лорда Итона.

Тот нахмурился и почесал бороду.

— Никто не собирается тебя похищать, дорогая.

— А как насчет Мейфэрского незнакомца?

Другая сестра презрительно фыркнула:

— Он бегаёт только за красавицами. И никому ещё не причинил вреда.

— Если, проснувшись ночью, я увижу у изножья своей кровати его изуродованное шрамом лицо, то умру от разрыва сердца. Даже если бы он умолял меня отнестись к нему с пониманием...

— Вряд ли кто-то может понять это бедное чудовище, — пробормотала Джоселин.

— А ты его понимаешь? — насмешливо спросил Девон.

Джоселин опустила на тарелку пирожное с заварным кремом.

— Мне бы хотелось поговорить с ним по душам.

Ее муж нахмурился, услышав такое:

— О чем же, интересно?

— Я бы сказала бедняге, что не стоит придавать такое большое значение красоте. Хотелось бы убедить Мейфэрского незнакомца в том, что, если он снимет маску и покажет свое настоящее лицо — каким его создала природа, — он сможет найти женщину, которая полюбит его вместе со всеми его недостатками.

— А если он и в душе такой же монстр, что ты сделаешь в этом случае? Ты же не можешь сочувствовать ужасному зверю? — вопрошал Девон.

— Я просто постараюсь его приручить, — с вызовом заявила Джоселин. — Кстати, когда я в тебя влюбилась, на тебе тоже была маска.

— Но, дорогая, ты должна признать, что когда я ее снял, ты не была разочарована, правда?

Джоселин рассмеялась:

— Конечно, нет. — Она с любопытством посмотрела на Элинор: — А что бы сделали вы, если бы однажды ночью Мейфэрский незнакомец вдруг появился в вашей спальне?

— Я бы предложила ему утешение, — с хитрой улыбкой сказала та.

— Вот как? — Девон посмотрел на нее так, будто она была не в себе. — Да будь моя воля, я бы застрелил негодника на месте.

Джоселин скривила губы:

— Никто же не застрелил тебя, когда ты изображал на балу бандита, нападающего из-за угла с целью поцеловать женщину.

— Это была шутка.

— Может быть, и Мейфэрский незнакомец — сплошное надувательство, с начала до конца мистификация. Мне почему-то кажется, что этот странный персонаж — совсем не тот, за кого себя выдает.

Себастьян молча пил сидр. Элинор опустила голову, чтобы не выдать себя взглядом. Может быть, когда-нибудь она и поделится с Боскаслами своей тайной.

Но это время пока не пришло. Пусть ее милые родственники остаются в неведении.

Все в свете сошлись во мнении, что малый сезон принес с собой такое большое количество сплетен, что их хватит, чтобы продержаться до следующего года. Заговор, задуманный с целью похищения детей герцога, был разоблачен. Мейфэрский незнакомец бесследно растаял в осеннем тумане, и, хотя никто не знал, какие из скандалов переживут зиму, в глубине души все надеялись, что этот возмутитель спокойствия еще вернется. В передовице «Таймс» было написано, что после того, как он снял с себя маску, возможно, у него пропал стимул эпатировать общество и дальше.

На что Себастьян пробормотал себе под нос:

— Давно пора ему было остепениться.

Элинор знала точно, что этот персонаж больше никогда не появится на сцене — по крайней мере в своем прежнем обличье.

Ей пришлось отказаться от корсетов, а вскоре станут тесны и все ее платья. Зимний гардероб должны были прислать со дня на день.

...В первый день декабря Себастьян и его жена ужинали в кентском доме маркиза и маркизы Седжкрофт. Элинор приятно поразило и кулинарное мастерство французских поваров, и то радушие, с которым ее приняли родственники мужа.

Спустя два дня она с довольным видом спускалась по лестнице скромного деревенского особняка мужа в Суссексе.

— Ну, — сказал Себастьян, развязывая галстук в их пахнущей плесенью мрачной спальне, — теперь ты познакомилась с моей ветвью нашего многочисленного рода.

Элинор вздохнула, с грустью вспоминая о своей горничной. Дом показался ей сейчас пустым и холодным.

— Я всегда думала, что Мэри окажется рядом, когда я буду рожать. Что с ней теперь будет?

Себастьян взял руку жены и расцеловал ее пальцы.

— Уверяю тебя, ей не может грозить ничего страшного. Потому что Мэри предала тебя, а не Англию. Она ничего не знала о заговоре. Я полагаю, достаточно того, что муки совести станут для нее самым тяжелым наказанием. Хит обратился в департамент полиции с просьбой проявить снисхождение к бедной женщине, совершившей ошибку, о которой горько сожалеет.

Он опустился на колени и помог ей снять туфли.

— Герцогиня написала, что ты скоро станешь виконтом. Ты наверняка знал об этом. Почему же не объявил о своем торжестве вчера за ужином? Твои кузены захотели бы отпраздновать это событие.

— Я думал, что титулы ничего для тебя не значат.

— Это было раньше, пока я не поняла, что появление ребенка все меняет.

— Ты даже представить себе не можешь насколько. Говорю тебе как человек, который вырос в семье, где было много детей. — Себастьян аккуратно поставил туфли Элинор возле кровати. — А что в нашей жизни способно произвести на тебя впечатление? Чем тебя можно поразить? — спросил он, вешая сюртук в платяной шкаф.

Элинор задумалась:

— Трудно сказать... Наверное, только тем, что ты появился как раз в тот момент, когда

моя жизнь висит на волоске — и спас меня.

Себастьян снял сапоги и поставил их под письменный стол.

— Это очень интересно. Пожалуйста, продолжай. Что еще может тебя удивить?

Элинор молча смотрела, как Себастьян не спеша снимает жилет и расстегивает батистовую рубашку.

— Мужчина, который пылает ко мне страстью.

Себастьян развязал галстук.

— Отлично. Я как раз такой.

— А еще когда он хранит мне верность, — с улыбкой сказала Элинор.

— Неужели на свете бывают и другие мужчины? — бархатным голосом спросил Себастьян.

Элинор смотрела на обнаженного по пояс, мускулистого мужа, который скоро станет виконтом, и у нее перехватило дыхание.

В этот момент она подняла глаза и в удивлении устремила взгляд на портрет, который висел на стене.

— Это же мой портрет, который написал Беллисант. Тот самый! — удивленно воскликнула Элинор. — Как он сюда попал?

— Это маленький сюрприз, который я для тебя приготовил, — сказал Себастьян и, облокотившись о каминную полку, стал с восхищением и гордостью любоваться картиной.

— Я думала, ты не одобряешь творчество Беллисанта.

— Меня завораживает женщина, которая послужила моделью для этого портрета. И еще эта картина напоминает мне об обещании, которое я дал ей. — Себастьян улыбнулся той красавице, которая смотрела на него с холста, а затем подошел к ее земному воплощению, чтобы подарить ей все свое внимание.

У Элинор радостно забилося сердце.

— О старом или о новом?

— И о том и о другом — понемногу. Во-первых, я обещал, что теперь семья будет стоять для меня на первом месте. — Себастьян привлек Элинор к себе. — А во-вторых, я обещал той даме на портрете никогда не покидать ее. Такое сокровище нельзя надолго оставлять в одиночестве.

Элинор прильнула к мужу.

— Тогда этой счастливице можно только позавидовать.

Себастьян продолжал:

— И если кому-то из нас придет в голову носить маску перед всем остальным миром, пусть он снимает ее перед любимым человеком.

— Согласна, — прошептала Элинор, закрывая глаза и подставляя губы для поцелуя.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

---

notes

[1] Э. Спенсер. Сонет VIII. Пер. А. Лукьянова.